Inches 1 2 3 4 5 6 7 8

Centimetres 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Colour Chart #13

DANES PICTA .COM

Blue | Cyan | Green | Yellow | Red | Magenta | White | 3/Color | Black

Colour Chart #13

C M Y K B 11 12 13 14 15 16 17 18 19

R G B WH GR BL Grey Scale

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11

№ 539

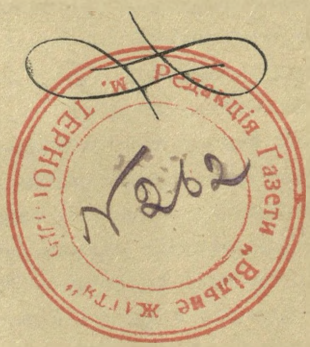
CLAUSEWITZ

DER FELDZUG VON 1796 IN ITALIEN

BERLIN

КЛАУЗЕВИЦ

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОХОД НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА 1796 ГОДА

Государственное военное издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
МОСКВА 1939

8065 (2) 9(44) : 92/93 : 355-22

Клаузевиц. 1796 год. *Перевод с немецкого.*

Известный военный писатель Клаузевиц дает стратегический очерк первой блестящей кампании генерала Бонапарта, впоследствии императора Наполеона, в Северной Италии. Описание военных действий сопровождается их подробным разбором, что составляет наиболее ценную часть книги для современного читателя.

Книга предназначается для командного и начальствующего состава Красной Армии.

27824/2

Редактор *Белолипецкий* Технический редактор *Галин*
Корректор *Руднева*

Сдано в производство 13.1.39. Подписано к печати 27.9.39
Формат бумаги 70×108 1/16. Объем 14 1/2 печ. л.+1 вкл. = 1 п. л., 17,37 уч.-авт. л.
Уполн. Главлита № Г-3418. Изд. № 37. Зак. № 90.

Отпечатано в 1-й типографии Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Итальянский поход 1796 г. относится к эпохе революционных войн Французской республики, созданной в результате революции 1789 г. Начиная с 1792 г., республика вынуждена была вести непрерывные войны, обороняясь против всей реакционно-монархической Европы. К началу 1796 г. часть врагов Французской республики вышла из войны; продолжали борьбу: Австрия, поддерживаемая некоторыми германскими князьями, и бóльшая часть итальянских государств. В числе врагов Французской республики была и Россия Екатерины II, но русские войска участия в военных действиях не принимали.

Война 1796 г. происходила на двух театрах — в Южной Германии и Северной Италии. Французское правительство, в лице Директории, считало Итальянский театр второстепенным и назначило для действий против стоявшей в Ломбардии австро-сардинской армии незначительные силы, около 40 000 чел., из миллионной армии, которая была выставлена республикой на основе всеобщей воинской повинности. Эти слабые силы, носившие название Итальянской армии, терпели большие лишения, не получая от правительства денег, одежды и продовольствия; достать все это из местных средств не представлялось возможным, так как войска действовали в Ривьере, узкой полосе между Апеннинскими горами и Средиземным морем, стране малонаселенной и бедной.

Но в этой слабой числом армии таились большие силы; надо было только их пробудить. Это сделал выдвинутый революцией 27-летний генерал Бонапарт, будущий император Наполеон. В течение 1793—1794 гг. он находился в Итальянской армии в должности начальника артиллерии и за это время хорошо узнал состав этой армии и изучил театр войны.

В 1796 г. Бонапарт был назначен командующим Итальянской армией вскоре после того, как ему удалось выдвинуться при подавлении контрреволюционного мятежа в Париже.

Военные действия развернулись в течение 1796 г. сначала в Апеннинских горах, затем на равнинах Ломбардии и южных склонах Альп.

К этим действиям больше всего могут относиться слова Ленина о революционных войнах Французской республики (Сочинения, т. XXX, изд. 3-е, стр. 334):

«...Как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны».

Революционный подъем республиканских солдат, молодая неиссякаемая энергия и выдающийся военный талант генерала Бонапарта придали кампании 1796 г. необычайную стремительность, маневренность и вызвали разнообразие тактических и стратегических комбинаций.

Клаузевиц, отдавая должное таланту Бонапарта, относится к его политическим приемам и особенно к поведению солдат французской армии, как монархист и прусский офицер, обращая внимание читателя на те отрицательные явления, которые были неизбежны при проведении в жизнь нового принципа, провозглашенного вначале бедной средствами Французской республикой, что война должна питать войну. Однако это отрицательное отношение Клаузевица к французской революционной армии не помешало ему дать поучительное и для современного читателя описание действий этой армии.

Богатый исторический материал Клаузевиц использовал не только для ясного, последовательного изложения военных действий, но еще в бо́льшей степени для своих стратегических и тактических выводов. В этих выводах о каждой отдельной операции и о всей войне Клаузевиц на конкретном материале разбирает важнейшие положения стратегии и тактики.

Конечно, в современной войне внешнее выражение стратегических и тактических положений, развиваемых Клаузевицем, получает совершенно иной и очень сложный вид, но это обстоятельство не умаляет значения рассуждений Клаузевица, как блестящих образцов изучения военной обстановки и примеров военной логики.

Наш военный читатель найдет в работе Клаузевица, написанной в 1833 г., очень много поучительного и вместе с тем детально ознакомится с одной из самых замечательных кампаний Наполеона.

Карты и планы отсутствуют в немецком издании книги Клаузевица, прилагаемые к переводу взяты из сочинения русского военного историка Богдановича «Поход 1796 года Бонапарта в Италии», изд. 1860 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Грандиозность событий, ознаменовавших итальянскую кампанию 1796 г., настоятельно требует изучения этой кампании в ее истинной преемственной связи и ознакомления с причинами, которые обусловили великие, решающие сражения, сопровождавшие ее. Однако настоящая история по многим причинам дает мало удовлетворения, и работа над ней была мало утешительным занятием, хотя мы ограничились самым общим обзором.

В своей «Истории революционных войн», во втором издании, Жомини дал нам посильное описание этой кампании, насколько ему это дозволила скудость источников; однако его повествование недостаточно подробно, темно, противоречиво, имеет многочисленные пробелы,— словом, оно не удовлетворяет всем тем требованиям, какие можно было бы предъявить к связному изображению событий в их преемственной последовательности. Тем не менее, он, хотя бы в отношении французов, сообщает нам самые существенные цифровые данные и главнейшую мотивировку военных действий. Между тем, то немногое, что австрийские повременные издания сообщают о расположении австрийских войск, задачах и мотивах их действий,— словом, обо всем наиболее существенном, оставляет нас в таком неведении и настолько нас запутывает, что эти повествования представляются какой-то беспорядочной кучей обломков.

Мемуары Наполеона [1], которые должны были бы многое разъяснить нам относительно всей кампании, не оправдывают в этом отношении наших ожиданий. События прошлого проходят перед мысленным взором заключенного на острове св. Елены лишь как сонные видения, а как можно ожидать точности от таких видений? Кроме того, полное отсутствие в авторе правдолюбия лишает его исторические воспоминания какой бы то ни было ценности всякий раз, как речь заходит о цифрах. Даже мотивы и размышления, составляющие основное содержание этих мемуаров, заражены и искажены этим духом преднамеренного уклонения от истины. Чтобы составить себе представление о том, насколько Бонапарт был мало осведомлен о фактической стороне этой кампании, достаточно

[1] Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Saint-Hélène, Paris, 1929.

просмотреть приведенные нами в настоящем сочинении справки, которые давали ему отдельные генералы на его запросы. Первый запрос, обращенный к генералу Менару: под чьей командой он состоял под Монтенотте? Дальше идут подобные же запросы.

При таких условиях в предлагаемом обзоре этой замечательной кампании вместо определенных данных, которые представляются необходимыми, мы были вынуждены дать лишь более общие и вместо подлинных исторических мотивов вынуждены были довольствоваться предположениями.

ГЛАВА I

НАСТУПЛЕНИЕ БОНАПАРТА ЧЕРЕЗ АПЕННИНЫ

1. Силы и расположение французов

К концу похода 1795 г. французы удержали за собой Генуэзскую Ривьеру, а также гребень образующих ее Апеннин. Австрийцы занимали восточный их склон.

Численность и расположение французского войска к концу марта были следующие.

Итальянская армия состояла из дивизий:

Лагарпа	8 000 чел.
Массены	9 000 »
Ожеро	8 000 »
Серюрье	7 000 »
Макара	3 700 »
Гарнье	3 200 »
Кавалерии	4 000 »
Всего около	43 000 чел. и не более 60 орудий

Три первые дивизии в начале апреля стояли на Ривьере, между Савоной и Лоано. Лагарп выдвинул бригаду под командой генерала Червони до Вольтри, чтобы такой угрожающей близостью оказать давление на правительство Генуи, к которому Директория обратилась с просьбой о займе. Следовательно, эта бригада не входила в состав французского фронта в собственном смысле этого слова. Кроме того, эти три дивизии заняли небольшими, частью укрепленными постами гребень Апеннин между горными потоками, образующими Бормиду. Об этих постах мы узнаем лишь из хода дальнейших событий, а потому остаемся в полном неведении об их характере, их связи между собой и с главными силами и т. д., а также о значении, которое придавали этому мероприятию для обороны гор.

Дивизия Серюрье стояла у истоков Танаро, т. е. в верхней части его долины.

Кавалерия была расквартирована по Ривьере, позади пехоты. Две дивизии, Макара и Гарнье, расположились в долинах, ведущих к Коль ди Тенде и к Коль ди Черизе; их надлежит рассматривать как отдельный корпус, образующий связь между Итальянской и Альпийской армиями.

Этой Альпийской армией численностью около 20 000 чел. командовал Келлерман; она занимала проходы, ведущие в Дофинэ и Савойю.

Кроме того, французы располагали еще двумя резервными дивизиями, численностью в 20 000 чел., в графстве Ницца и в Провансе. Они служили кадрами новых формирований и гарнизонами прибрежных городов, которым угрожали англичане, а также поддерживали порядок внутри страны.

Бонапарт был назначен главнокомандующим собственно Итальянской армией, от которой не зависели две другие армии.

Французская армия терпела крайний недостаток как в снаряжении, так и в продовольствии. Как раз это положение послужило в руках 27-летнего, в высшей степени предприимчивого полководца средством для чрезвычайно энергичного наступления, которым открылась кампания.

2. Союзники

Главная австрийская армия под непосредственным командованием Больё	32 000 чел.
(в состав ее входило 1 500 чел. неаполитанской кавалерии)	
Австрийский союзный корпус под командой генерала Колли	5 000 »
Сардинские войска, тоже под командой Колли . . .	20 000 »
Всего . . .	57 000 чел.
	с 148 орудиями.

Все эти силы находились под командованием Больё.

Австрийская главная армия была разделена на правое и левое крылья.

Правое крыло под командой Аржанто состояло из бригад:

Липтая	4 батальона	
Роккавино	4 »	
Питтони	7 »	
Зуллиха	5 »	2 эскадрона
Всего . . .	20 батальонов,	2 эскадрона

Левое крыло под командой Зеботтендорфа состояло из бригад:

Керпена	5 батальонов	
Николетти	6 »	
Россельмино	4 »	
Шубиртса	— »	18 эскадронов
Неаполитанцы	— »	15 »
Всего . . .	15 батальонов,	33 эскадрона

Так как силы всех 35 батальонов и 35 эскадронов определяются в 27 000 чел. пехоты и в 5 000 чел. кавалерии, то численность батальона приходится принять в 700—800 чел., а отсюда следует, что у Аржанто было от 15 000 до 16 000 чел., а у Зеботтендорфа — от 16 000 до 17 000 чел.

Однако не такова была действительная наличность людей в строю, ибо в конце марта в австрийской армии было около 7 000 чел. больных, т. е. более одной пятой общего числа; таким образом, численность корпуса Колли не могла превышать 20 000 чел., правое крыло главной австрийской армии — 12 000, левое — 14 000, все же вооруженные силы союзников не превышали 46 000 чел.

Мы считаем своим долгом высказаться определенно и ясно о расположении австрийских войск, но уже в отношении фактической стороны дела оказываемся в крайне затруднительном положении, и еще гораздо труднее нам сказать что-либо о цели и характере этого расположения. Нам приходится поэтому довольствоваться самым общим очерком.

Сперва генерал Колли стоял, как своего рода авангард, на северных отрогах Апеннин, в то время как австрийские войска занимали зимние квартиры по р. По до р. Адды. Таково было положение еще в конце марта.

В начале апреля Аржанто, стоявший с двумя бригадами в окрестностях Акви, получил приказание продвинуться в глубь горных долин, в то время как Колли сосредоточил свои войска, отодвинув их вправо.

Последний занял затем с главным ядром своих сил, т. е. с восемью батальонами, позицию у Чевы, выдвинул Проверу с четырьмя батальонами к Миллезимо для связи с Аржанто, разместил два батальона у Муриальто, выставил аванпосты против Гаресио и еще два отряда на флангах: один — у Мондови, другой — слева у Подаджера.

Аржанто занял между Овадо, в долине Орбы, до Каиро линию протяжением по горам десятичасового перехода, а по дорогам — пятнадцатичасового перехода. Сперва он не располагал и половиной своих сил, а при открытии кампании имел при себе немногим более половины их, а именно: одиннадцать батальонов и два эскадрона; остальные войска, повидимому, оставались еще на По.

В результате получилось то, что, в сущности, войска его образовали своего рода цепь аванпостов; ибо, если расставить от 6 000 до 7 000 чел. на протяжении пятнадцатичасового перехода в горной местности так, чтобы они пересекли поперек долины и хребты и притом заняли хоть сколько-нибудь значительными отрядами все эти долины и хребты, то легко себе представить, как все силы распылятся на отдельные батальоны и роты. Главный пост находился в Саселло, где стоял сам Аржанто с тремя батальонами.

Из состава левого крыла австрийцев, которое сосредоточивалось у Поцоло Формигаро, четыре батальона были выдвинуты до Бокетты,

а два — до Кампо Фреддо. Значительная часть этого крыла, покинув зимние квартиры в окрестностях Милана, еще приближалась походным порядком.

Чтобы составить себе ясное представление о положении союзной армии в первые восемь дней апреля в отношении местности, мы должны вообразить его себе в следующем виде.

В течение зимы французы оставались хозяевами гребня Апеннин; правда, в это суровое время года они занимали его лишь слабыми постами, но все же могли смотреть на него, как на свою собственность: ведь без этого гребня они не могли бы удержаться на узкой полосе земли вдоль побережья. С своей стороны, союзники видели в этом, все еще крайне стесненном положении французов значительное преимущество для своих будущих наступательных действий и, следовательно, считали нужным оставаться на северном склоне гор, чтобы не предоставить французам более широкую площадь для их расположения, умножив тем самым источники их снабжения и облегчив им вторжение в равнины Пьемонта. Поэтому, расположившись на зимних квартирах на равнинах Ломбардии, союзники оставили корпус Колли в горах, а генерал Аржанто, с половиной своего корпуса, занял в помощь ему позицию близ Акви. С наступлением весны Больё продвинул генерала Аржанто в глубь гор, чтобы тем самым подготовить свои будущие наступательные действия, а также для того, чтобы усиленной линией передовых постов прикрыть сосредоточение остальной армии в районе Акви и Нови. Таким образом, одна половина союзной армии занимала на виду у французов весьма растянутое расположение, в то время как другая половина еще сосредоточивалась на расстоянии нескольких переходов в тылу первой.

Сам Больё лишь 27 марта прибыл в Алессандрию, чтобы вступить в командование армией; уже это одно указывает на то, что сосредоточение войск происходило лишь в это время.

Впрочем, и при этих обстоятельствах, которые, как мы видели, слагались довольно естественным образом, еще не было оснований опасаться каких-либо серьезных катастроф при условии, что для сосредоточения главных сил была бы выбрана позиция, расположенная дальше, позади, и что войскам, выдвинутым вперед, было бы приказано отойти на главные силы в случае серьезного наступления на них противника.

Больё упустил принять такую оборонительную диспозицию на тот случай, если противник раньше его перейдет в наступление, и это было, конечно, большой ошибкой с его стороны.

Следовательно, не было и речи, собственно говоря, о правильно организованном на широком фронте оборонительном расположении союзных сил в горах. Просто армия, чрезвычайно склонная к образованию кордона, в процессе продвижения части своих сил непроизвольно кристаллизовалась у каждой горы, у каждой горной тропы в своего рода кордон. Из собственного повествования австро-сардинцев об их действиях

мы можем усмотреть, как тщательно и малый и большой генеральные штабы отмечают все топографические подробности и считаются с ними, видимо, придавая этому большое значение. Так как никакого другого плана обороны не имелось, то, естественно, все покоилось на местной обороне и на слабой и запоздалой помощи, какую один пост мог оказать другому.

В таком-то положении находились обе армии, когда кампания должна была начаться с наступательных действий той и другой стороны, а потому и планы обеих сторон должны были быть составлены с учетом этого обоюдного положения.

Благодаря стратегическому фронту, который французы завоевали в предшествующем году и продолжали занимать, они находились в таком положении, в котором долго оставаться не могли. В их расчет не могло входить выдержать целую кампанию на плацдарме шириной в несколько миль, сжатом между горами и морем, с одной единственной дорогой, с морским побережьем в тылу, угрожаемом английскими кораблями, с одной лишь коммуникационной линией, проходящей на крайнем левом фланге. Всякое успешное наступление, направленное против их левого крыла, могло привести к грозящим катастрофой последствиям.

Положение союзников стало угрожающим вследствие их собственных ошибок. Половина их армии, растянутая цепью длиной от 12 до 15 миль поперек отрогов и долин Апеннинских гор, с крайне неудобными путями сообщения между отдельными отрядами, едва ли могла оказать успешное сопротивление энергичному наступлению французов; более того, в этом случае можно было ожидать гибели отдельных постов, т. е. целых батальонов.

3. Силы обеих армий и их полководцы

Если французская армия терпела недостаток в тысяче предметов, то австрийская была обильно снабжена всем необходимым: в самом деле, многочисленная артиллерия, богатый театр военных действий и организация ее интендантства дают нам право заключить, что у нее было все необходимое, хотя многочисленные донесения указывают на недостаток целого ряда предметов снаряжения, что будто бы задержало открытие кампании. Однако на это изобилие, которое французские писатели приписывают союзным армиям, чтобы усилить контраст со скудостью их собственной армии, отнюдь нельзя смотреть как на фактор, который мог бы благоприятно повлиять на дух войск и на ход всей машины. У союзников еще не вошло в обычай избавлять свои войска от систематического голодания, составлявшего характерную особенность всех армий XVIII века.

Изобилие относилось ко множеству наполовину нужных или совсем ненужных предметов снаряжения и снабжения, которые тогдашние армии, под влиянием господствующего предрассудка, таскали за собой, а отнюдь

не к благосостоянию солдат. Мало того, на высоких гребнях и в суровых долинах Апеннин солдаты, терпя во всем нужду, теряли физические и моральные силы, как о том свидетельствуют очевидцы [1], и такое состояние вместе с воспоминанием о неудачных боях в предшествующую кампанию вызывало в австрийских солдатах крайне плачевное настроение.

Не лучше было настроение сардинских солдат, так как у них к материальным причинам присоединились еще и политические влияния (французской революции).

Итак, если с точки зрения здравого смысла взглянуть на положение той и другой армий, на вытекающее из него настроение и на их боеспособность, то станет ясным, что с голодной, оборванной, но страстно возбужденной и рвущейся к итальянским пажитям армией, как мы можем охарактеризовать французскую армию, можно было сделать больше, чем с австрийскими наемниками, унылыми и подавленными, утратившими всякое самосознание, для которых ни прошлое, ни настоящее, ни будущее не могли служить источником воодушевления. Говоря это, мы не высказываем ни похвалы, ни порицания той или другой армии, а тем менее — той или другой национальности, говорим же мы это исключительно с тем, чтобы в фактическом положении вещей отыскать причины последовавших событий.

Что касается полководцев, то соотношение обеих сторон было столь же невыгодно для союзников. Бонапарту было 27 лет, а Больё — 72. Перед первым только что раскрылась грандиозная жизненная карьера, где дерзновением и отвагой можно было выиграть все и не потерять ничего. Жизненная же карьера второго должна была скоро закончиться. Бонапарт получил обширное классическое образование, и перед его умственным взором раскрылась вся картина развития величайших мировых событий, в то время как Больё был питомцем 60-летнего иссушающего и убивающего дух служебного педантизма. Бонапарт мог смотреть на власть имущих Франции, как на равных, так как они обязаны были его шпаге своим спасением 13 вандемьера (5 октября 1795 г.); Больё был слугой старого императорского дома и слепым орудием окостенелого, беспомощного гофкригсрата (придворного военного совета). Бонапарт знал Апеннины, как собственный карман, потому что в кампанию 1794 г. играл здесь довольно значительную роль, а для Больё и горы и горная война были совершенно новыми явлениями. Все же Больё был незаурядным человеком; он не только отличился на войне в Нидерландах, благо-

[1] «Письма из Италии, вклад в историю и характеристику австрийской армии в Италии во время кампаний 1794, 1795, 1796 и 1797 годов».

Хотя свидетельство «иеремиад», подобных этой книге, написанной с довольно низменной точки зрения, не должно служить основанием для общих суждений, так как они всегда переоценивают значение частных явлений, тем не менее, такие документы могут быть весьма пригодны в тех случаях, когда необходимо ознакомление с отдельными явлениями.

даря чему и удостоился назначения на этот командный пост, но у него не было недостатка и в энергии, да и вообще он выдавался над уровнем заурядного офицера-службиста. Однако в таких условиях этого было недостаточно. Этого было недостаточно даже для того, чтобы с самого начала внушить войску необходимое доверие. Наоборот, при его появлении в австрийской армии, повидимому, пробудился дух интриги и противоречия. Совсем иначе обстояло дело с Бонапартом. Это последний контраст, на который мы намерены указать.

На первом же смотру Бонапарт сказал своим солдатам:

«Солдаты! вы раздеты и голодны; правительство вам много задолжало; дать вам оно ничего не может. Ваше терпение, ваше мужество, которое вы проявили среди этих скал, удивительны, но они вам не дают славы, которая озарила бы вас своим блеском. Я поведу вас в самые плодородные равнины мира. Богатые провинции, большие города будут в вашей власти; вы там найдете почести, славу и богатство. Солдаты Италии! неужели у вас недостанет храбрости и упорства?»

Могла ли такая речь не оказать своего действия на таких солдат, и притом в устах молодого, талантливого, решительного человека? Разве эта речь не должна была породить истинный энтузиазм и сделать Бонапарта кумиром всей армии?

Бонапарт во всю свою жизнь ничего лучшего не написал и ничего лучшего не сделал, чем этот призыв.

4. Итальянские государства

Хотя театр войны и находился на территории Генуэзской республики, однако, несомненно, благодаря своим укреплениям, самый город Генуя пользовался своего рода нейтралитетом.

Остальные государства Северной Италии, как Парма, Модена, Тоскана, Лукка и Венеция, хотя их правительства и сочувствовали Австрии, все же из страха не принимали участия в войне, а потому считали себя нейтральными; впрочем, можно было наперед сказать, что французы не посчитаются с таким нейтралитетом.

Что же касается государств Южной Италии, то отношения между папой и Французской республикой были чрезвычайно натянуты, хотя, впрочем, мир между ними не нарушался, между тем как неаполитанский король прислал в армию Больё кавалерийский корпус в 1 500 чел.

5. Оперативный план

Обоим полководцам было предписано наступать, — правда, с различными заданиями.

Наступление Больё должно было быть направлено лишь на то, чтобы прогнать французов из Ривьеры, овладеть Приморскими Альпами, сократить оборонительную линию, продвинуться прямо до моря и установить более тесную связь с англичанами.

По достижении этой цели рассчитывали удержать отвоеванную территорию при помощи горных укрепленных постов и, пожалуй, при случае беспокоить французов в Провансе.

В обычных условиях и против обыкновенного генерала эта задача была бы вполне достижима, и в предыдущем году тот же самый план, под командой генерала Винса, был приблизительно выполнен. Этот план носит характер тех бесчисленных планов кампаний, которые составлялись во время войн, не приводивших к решительным результатам. Но если мы представим себе Бонапарта таким, каким мы узнали его впоследствии, то нам покажется вполне естественным, что такое безобидное наступление разобьется вдребезги о силу противника и затем повлечет за собой ряд самых пагубных осложнений. Но тогда еще не знали Бонапарта, и новая эра для французского оружия еще не наступила. Кампании 1793, 1794 и 1795 гг. протекали в Альпах с переменным счастьем, а потеря сражения при Лоано в ноябре 1795 г. могла рассматриваться как любое случайное происшествие подобного рода. Если в Нидерландах и Голландии французы достигли исключительных успехов, то австрийскому кабинету лучше всех было известно, что этому в значительной мере содействовали политические причины; зато кампания 1795 г. на Рейне была в известной мере удачна для австрийского оружия. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то не придется удивляться, что австрийское правительство не было подготовлено к тем решительным ударам, какие вскоре на него обрушились в Апеннинах, но считало себя в праве ожидать умеренных успехов от умеренных усилий.

Бонапарт также получил распоряжение от Директории перейти в наступление, а если бы он такого распоряжения не получал, то сам отдал бы его себе. Его воззвание, обращенное к солдатам, исчерпывающим образом об этом говорит. Ему нужны были деньги, одежда, лошади, продовольствие — все это он должен был найти на равнинах Ломбардии. Неприятельская армия, даже если бы она была сильнее, чем его армия, на одну треть, — что он, повидимому, предполагал, — никак не могла встретить его внезапную атаку соединенными силами, и потому он надеялся уничтожить ее по частям. А для такого успеха в горах упорное сопротивление обороняющегося дает всегда атакующему удобный случай. Перед французами была союзническая армия с двумя расходящимися в разные стороны линиями отступления, а потому можно было надеяться первым успехом окончательно расторгнуть этот союз, с тем чтобы на этом построить дальнейшие успехи.

Подобного рода представления были настолько свойственны такому полководцу, как Бонапарт, что в этом случае не требовалось никаких указаний свыше. Впрочем, существенным для истории этой кампании является тот факт, что инструкция, полученная Бонапартом от Директории, в основном совпадает с этим планом: оторгнуть Сардинию от ее союза с Австрией, увеличить ее территорию за счет Милана, с тем чтобы

заключить с ней оборонительный и наступательный союз, — такова была поставленная Директорией цель. Кратчайшим же путем к тому было — поразить и прогнать австрийцев, как главную силу. Поэтому все удары должны были быть направлены, главным образом, против австрийцев, действия же против Чевы и сардинцев должны были ограничиться лишь ограждением собственного фланга; австрийцев надлежало отогнать за По и завоевать Миланскую область. Таковы основные идеи инструкции, преподанной 6 марта Директорией, — инструкции, довольно запутанной и местами противоречивой, которую, конечно, надлежит всецело приписать Карно.

Бесспорно, основная мысль — направить главный удар на австрийцев, как на главного противника,— заслуживает полного одобрения и до известной степени уже высвобождается из пут прежней стратегии; все же здесь не может быть речи о простой последовательности и ясности, да и самый масштаб того, что по инструкции надлежало предпринять и чего достигнуть, остается далеко позади того грандиозного размаха, какой приняла самая кампания.

Мы должны несколько остановиться на этой основной мысли, ибо она содержит в себе один из главнейших стратегических вопросов, а именно, вопрос о центре тяжести неприятельских сил.

Не подлежит сомнению, что австрийцы составляли главную силу союзной армии и что центр тяжести, во всяком случае в первое время, заключался в них. Но до какого предела эта истина имеет решающее значение? — По мнению Директории — беспредельно: она полагала, что ряд побед, одержанных над австрийцами, совершенно парализует сардинцев и заставит их заключить мир. Повидимому, инструкция разрешает полководцу нанести лишь небольшой, короткий удар сардинцам. Бонапарт, поместивший эту инструкцию в своих мемуарах, сопроводив ее несколькими краткими пренебрежительными примечаниями, третирует эту мысль как совершенную нелепость. Такое резкое разногласие заставляет нас тем внимательнее разобрать этот предмет под углом зрения наших принципов, потому что хотя мы уже давно отказались от модного взгляда на генерала Карно, как на стратега par excellence (по преимуществу), тем не менее нас не должно сбивать с толку презрительное отношение великого полководца. В данном случае нам необходимо выявить глубочайшую внутреннюю связь всех обстоятельств, и при этом нам не должен мешать ничей авторитет, как бы громко ни было его имя.

Если бы французы располагали таким превосходством сил, чтобы без всякого риска прогнать австрийцев не только из Ломбардии, но также из Фриуля и за Каринтийские Альпы, и двинуться на Вену, то нет сомнения, что в таком случае туринский двор тем самым был бы вынужден подчиниться Франции и без того, чтобы против него были предприняты какие-либо действия. Ни один разумный человек не мог бы держаться иного мнения при тех обстоятельствах, какие существовали в 1796 г.

Библиотека Газеты "Вільне життя" Дніпропетровськ 5262

Можно ли было при таких обстоятельствах оставить сардинцев без всякого наблюдения и употребить все силы против австрийцев?

При другом географическом положении это было бы, пожалуй, возможно, будь, например, Сардинская монархия расположена рядом с Австрийской или, по крайней мере, не так близко к французской операционной базе. Между тем, территория этого государства лежала как раз поперек операционной линии французов, следовательно, в тылу их армии, совершенно отделяя ее от Франции, так что сардинцы имели возможность чуть ли не нажимом пальца запереть узкую долину Ривьеры, через которую проходила коммуникационная линия французов. Правда, после поражения главного противника не приходится опасаться со стороны его более слабого союзника каких-либо обширных операций, требующих решительности, напряжения сил и жертв, и его, пожалуй, можно было бы оставить, не обращая на него больше никакого внимания. Впрочем, в том случае, когда даже полная пассивность, простое патрулирование, может причинить нам чувствительный вред, разделение наших сил будет для нас неизбежным. Этот выделенный отряд, хотя и очень слабый, но все же сколько-нибудь соразмерный силам противника, должен потребовать от противника такого усилия, на которое он не способен в данный момент, но которое в другом случае обстановка может заставить его предпринять.

Итак, если бы и можно было добиться успеха, исключительно нанося ряд непрерывных ударов австрийским войскам, то все же этого нельзя было сделать, не выставив против сардинцев второстепенный отряд войск.

Если же французы не располагали достаточным превосходством сил, чтобы они могли с полной уверенностью рассчитывать на успех, если была возможна даже неудача (и такая возможность принималась в расчет), — в таком случае сардинское войско, естественно, приобретало совсем иное значение.

Если бы победное шествие французской армии наткнулось на серьезные препятствия, то связь ее с отечеством приобрела бы гораздо большее значение и потребовала бы особенного внимания к себе; а если бы французская армия была разбита и вынуждена очистить Италию, то сардинцы могли бы окончательно ее погубить.

И в этом случае австрийцы все же оставались бы главной силой, в которой заключался бы общий центр тяжести союзной армии и которая до известной точки определяла бы движение и сардинской армии. Однако за этой точкой ближайшая связь прекращалась, влияние общего центра тяжести ослабевало, становилось менее определенным, недостаточным, так что с этого момента на сардинское войско следовало смотреть, как на самостоятельную силу, которую удары, наносимые австрийцам, уже не могли поражать.

Резюмируем результат всего сказанного.

Доколе обе армии стояли бок о бок на одном театре военных действий, под общим командованием, австрийцы, бесспорно, были той ча-

стью неприятельских сил, в которой заключался общий центр тяжести; они бы сохранили это положение в продолжение всей кампании, если бы их окончательно прогнали из Италии, а сардинцев удалось бы совершенно изолировать. Но если бы у французов хватило сил лишь на то, чтобы оттеснить австрийцев до р. Минчио или до р. Эч, то, после отрыва от сардинцев, первые утратили бы этот характер, и действия сардинской армии становились бы самостоятельными, а эта армия, благодаря своему положению, приобрела тогда даже большее значение, чем австрийская.

Между тем, французы, очевидно, не обладали в эту кампанию таким превосходством сил, которое соответствовало бы первому из сделанных нами предположений; можно было допустить, что при самых благоприятных условиях австрийцы будут вынуждены очистить Миланскую область. Весьма сомнительно, чтобы этот успех оказал достаточное влияние на сардинское правительство и побудил его к бездействию и к заключению мира, а потому французский полководец, естественно, не мог обосноваться на таком предположении и поставить в зависимость от него судьбу своей армии.

При таких сомнениях относительно политического поведения туринского двора не мог же Бонапарт, одержав над австрийцами победу, которая окончательно прогнала бы их за По, из своих 40 000 чел. оставить 10 000 против Колли и с остальными 30 000 переправиться через По, вытеснить австрийцев из Миланской области, затем, перейдя через р. Минчио, окружить Мантую и продвинуться до р. Эч, в то время как от 30 000 до 40 000 сардинцев, с множеством укрепленных и недоступных для него мест, оставались в тылу у него, являясь как бы сторожами его крайне необеспеченной коммуникационной линии. Вот это-то и назвал Бонапарт нелепостью, в чем он, конечно, был совершенно прав; а все то, что инструкция Директории говорит о том, чтобы он не растрачивал своих сил на сардинцев и приберег их для действий против австрийцев, отличается полным отсутствием точности и ясности и представляет сплошную путаницу идей.

Победу, одержанную над австрийцами, можно было использовать до По, после чего было необходимо одержать другую победу — над сардинцами, и притом такую, которая привела бы к миру или к перемирию.

Чем менее заслуживает внимания второстепенная боевая сила, когда над ней можно одержать победу одновременно с победой над главными силами, тем более целесообразно в противном случае сперва обрушиться на нее с главными силами, потому что она первая отступит перед натиском и первая согласится заключить мир.

В этом-то смысле, полагаем мы, надлежит разрешить вопрос о направлении главных сил, поскольку это направление обусловливается местонахождением центра тяжести неприятельских вооруженных сил. Однако не одно местоположение центра тяжести неприятельских сил решает во-

прос. Есть и другое обстоятельство, которое надо принимать во внимание; оно непосредственно касается успехов, какие будут достигнуты. Как общее правило, успех бывает тем больше, чем упорнее пользуются главными силами в одном и том же направлении; однако это не является исключительно необходимым условием, так как случайные обстоятельства могут привести к тому, что действия во второстепенном направлении будут сулить гораздо более полную победу. Эта ближайшая особая выгода легко может перевесить более отдаленную общую выгоду. Это-то второе обстоятельство, безусловно, и послужило новым поводом к тому, чтобы в известный момент обратиться против сардинцев. Австрийцам отступать было нетрудно, к тому же их войска были лучше и надежнее сардинских, поэтому нельзя было ожидать, чтобы в отношении трофеев и уничтожения неприятельских сил действия, направленные против австрийцев, дали такие же результаты, как против сардинцев. Этих можно было сразу потеснить к расположенной поблизости столице, и если бы они не запросили немедленно мира, то им угрожала бы страшная катастрофа ввиду настроения, господствовавшего среди населения этой страны.

Итак, мы полагаем, что и с нашей точки зрения Бонапарт был безусловно прав в своем суждении.

6. Начало кампании

27 марта 1796 г. Бонапарт прибыл в Ниццу; несколько важных административных мероприятий отняли у него лишь немного дней; после этого он немедленно вместе с главной квартирой, которая за последние два года почти не покидала Ниццы и за это время успела там покрыться некоторой ржавчиной, проходит по дороге, называемой Корниш, под огнем английских кораблей и тем дает образец характера будущих военных действий.

9 апреля, прибыв в Савону, он решает немедленно перейти в наступление.

С тремя дивизиями, которые стояли между Савоной и Лоано, он предпринимает переход через горный хребет, среди речек, питающих Бормиду. Это — то место, где Апеннины примыкают к Альпам, образуя седловину, на запад от которой подымаются Альпы, а на восток — Апеннины. С этими-то тремя дивизиями, которые вместе с больными [1] насчитывали около 25 000 чел., он намеревается атаковать австрийский центр, разбить корпуса, которые преградят ему пути, и, таким образом, разъединить оба крыла противника. В это время Серюрье должен был итти на Чеву

[1] В данном случае мы не принимаем в расчет больных ни с той, ни с другой стороны и придерживаемся первоначальных цифр, потому что число больных, гадательное с обеих сторон, не должно было бы существенным образом влиять на соотношение сил (по крайней мере, мы не располагаем никакими подробными данными по этому предмету), а ведь в каждом отдельном случае все дело, главным образом, сводится к соотношению сил обеих сторон.

по долине Танаро, через Гаресио, и задержать Колли. Дальнейшие свои действия он предполагал развить сообразно с обстоятельствами.

В то самое время, когда Бонапарт решается на это наступление и дает распоряжение относительно подготовительных передвижений, Больё, со своей стороны, переходит в наступление даже раньше, чем он успел собрать свою армию. Генерал Колли, который уже несколько лет руководил военными действиями в этой местности, предложил генералу Больё соединенными силами (за исключением кавалерии, которой нельзя было пользоваться в горах, и нескольких отрядов, которые необходимо было выделить), всего с 38 000 чел., двинуться вперед двумя колоннами из Каиро и Чевы на Лоано, как на центр позиции французов, и отрезать их правое крыло. Бесспорно, это был лучший план серьезного наступления; он приводил к наиболее решительным результатам, представлял наибольшие шансы на успех, а в случае неудачи был сопряжен с наименьшим риском, потому что Больё располагал всей Италией, как базой. Да и вообще представлялось совершенно невозможным, чтобы французы на своем правом фланге сколько-нибудь серьезно угрожали этой базе из такой узкой долины, как Ривьера, а потому можно было, не задумываясь, сосредоточить главные силы в центре; ведь когда силы сосредоточены, то при удаче можно надеяться на все, а при неудаче не грозит особая опасность.

Больё отверг этот план. Он хотел еще более ограничить свое наступление, направив его сперва лишь против правого крыла французов; так как бригада Червони стояла у Вольтри, то он предполагал, что крыло это, представлявшееся ему несколько оголенным, до этого пункта и простиралось. Этим путем он рассчитывал:

1) прервать сообщение между французами и Генуей, опасаясь ее слабости;

2) завязать непосредственные сношения с английским адмиралом Джервисом, крейсировавшим вдоль побережья;

3) вовсе не вступать в столкновение с главными силами противника, а, следовательно, имея дело лишь с второстепенной частью его войск, подвергаться меньшему риску.

Первая и вторая цели представляют, казалось бы, весьма второстепенные соображения, достижение же третьей лишь в том случае было безопасно, если бы и противник не стремился к тому решающему исходу, избежать которого хотел Больё.

Всего удивительнее то, что Больё начал свое наступление раньше, чем собралась вся его армия, так как 10 апреля он дал первый бой, а, повидимому, еще 15-го и 16-го войска подходили из Ломбардии к Акви.

Причина такой чрезмерной поспешности заключалась, во-первых, в его беспокойстве за Геную, которая вполне могла бы сама обороняться, но из малодушия не приняла к тому никаких сколько-нибудь соответственных мер и считала, что угроза ей со стороны бригады Червони го-

раздо больше, чем то было на самом деле; во-вторых, у австрийцев вошло в привычку еще с незапамятных времен при таком частичном предприятии, какое они наметили в данном случае, представлять себе лишь столь же частичный успех той или другой стороны. Поэтому они не видели никакого риска в том, чтобы теперь же приступить к такому предприятию, раньше чем они могли располагать всеми своими силами.

Итак, мы видим, что оба полководца были готовы начать наступление. Больё опередил своего противника на два дня, и с 10 по 15 апреля разгорается ряд боев, которые носят общее название боев при Монтенотте и Миллезимо и которые, по своему совокупному результату, равноценны самой решительной победе.

7. Бой под Вольтри 10 апреля

10 апреля Больё с десятью батальонами и четырьмя эскадронами выступил против правого крыла французов, рассчитывая атаковать его с двух сторон, с потерями отбросить его назад или, как гласит излюбленный термин, «свернуть» его; это свертывание он предполагал довести до предела, насколько хватит сил у 8 000 чел., с которыми он пустился в это предприятие.

Левофланговая колонна в составе пяти батальонов и четырех эскадронов под командой генерала Питтони двинулась по шоссе, идущему через Бокетту, а затем стала наступать на Конельяно, а оттуда и на Вольтри. Атаку отложили до следующего дня.

Другая колонна, при которой находился сам генерал Больё, состояла из шести батальонов под командой генерала Зеботтендорфа. Продвигаясь через Кампо Фреддо, она, перевалив через горы, вышла на левый фланг генерала Червони. Авангард этой колонны в составе одного батальона под командой полковника Вукасовича атаковал посты, стоявшие на левом фланге французов, прогнал их и еще в вечерние сумерки повел наступление на самое Вольтри, что побудило генерала Червони отступить в ту же ночь, причем ему пришлось оставить 10 офицеров и 170 солдат (вероятно, раненых).

Вот и весь результат этого наступления.

Генерал Червони продолжил свое отступление и 11 апреля, пока не прибыл в окрестности Савоны, а именно в Мадонна ди Савона, где он присоединился к дивизии Лагарпа.

Ни из одного повествования об этих событиях нельзя узнать, как далеко войска генерала Больё последовали за французами по приморской дороге. Сам Больё оставался в Вольтри для свидания с Нельсоном.

8. Бой у Монте Леджино 11 апреля

9 апреля Аржанто получил от Больё приказ выступить на следующий день к Монтенотте и прогнать французов с ближайших высот, которые они занимали лишь слабыми постами. Больё полагал, что, овладев этими

высотами, он установит непосредственную связь между своим левым флангом и центром, и намеревался затем действовать сообразно с обстоятельствами. Аржанто полагал, что, при выставленных им многочисленных постах, он не может употребить на эту побочную атаку более шести батальонов, а из того, что для прикрытия своего правого фланга он вызвал из Саселло еще два батальона, можно заключить, что последние там и остались. Эти два батальона и не участвовали в бою, а те шесть, с которыми он продвинулся вперед, насчитывали от 3 000 до 4 000 чел.

Он выступил на Монтенотте с этими силами лишь 11 апреля, в 3 часа утра, вероятно, потому, что 10-е он употребил для сбора их.

На высоком горном хребте Аржанто застал лишь несколько небольших французских постов, оказавших только слабое сопротивление и отступивших на высокий горный хребет Монте Леджино, который, начинаясь близ Монтенотте, тянется по направлению к Савоне. На самом узком участке этого хребта находились не занятые войсками окопы. Здесь отступившие посты принял высланный им навстречу полковник Рампон с двумя батальонами из бригады Лагарпа. Этот офицер со своими 1 200 солдат бросился в окопы и под огнем неприятеля взял со своих людей клятву, что они скорее умрут, чем покинут свой пост. Напрасны были все усилия австрийцев, численностью от 2 000 до 3 000 чел., пытавшихся овладеть этим редутом; с наступлением ночи они вынуждены были отступить на расположенные позади высоты.

9. Бой у Монтенотте 12 апреля

Когда Бонапарт 11 апреля узнал, что Больё продвигается вперед на Ривьере, а Аржанто овладел позицией у Монтенотте, он решил немедленно перейти с тремя дивизиями — Лагарпа, Массены и Ожеро — в наступление, и притом против Аржанто, с тем чтобы превосходством своих сил и охватывающей атакой разгромить его.

В ночь с 11-го на 12-е Бонапарт выступил со своими тремя дивизиями. Лагарп взбирается на вершину Монте Леджино, выстраивается позади редута и 12-го на рассвете атакует Аржанто с фронта. Массена, при колонне которого находится сам Бонапарт, переходит через горы несколько левее, у Альтаре, непосредственно обойдя правый фланг австрийцев. Еще далее влево наступает на Каиро Ожеро, который уже 11-го достиг возвышенности Сан Джиакомо; задача его — сделать еще более глубоким обход, а затем, повернув направо, протянуть руку генералу Массене.

На рассвете Лагарп атакует австрийцев с фронта; туман благоприятствует обходному движению Массены; у Ферейро он находит лишь один батальон, выставленный там для прикрытия правого фланга, очень скоро его опрокидывает и, почти совершенно обойдя правый фланг Аржанто, выходит ему в тыл, в то время как тот оказывает упорное сопротивление на своем фронте.

Едва Аржанто это заметил, как, оставив батальона два против Лагарпа, он с остальными обратился против Массены, с тем чтобы освободить свой тыл, но было уже поздно: в полном расстройстве он был вынужден броситься в долину Эрро, и ему удалось пробиться в Понте Ивреа с отрядом всего лишь в 700 чел. Австрийцы определяли свои потери в этом бою менее чем в 300 чел. убитыми и ранеными и в 400 пропавших без вести, но так как, согласно их собственным донесениям, они целиком потеряли два батальона, а из остальных уцелело лишь 700 чел., то общие размеры их потерь можно определить в 2 000—3 000 чел., хотя некоторое число разбежавшихся и могло вернуться впоследствии под знамена.

Совершенно непостижимо, почему Аржанто с остатками своего отряда отошел не на Саселло для соединения с пятью батальонами, в то время стоявшими там, и не на Дего, где стояли два с половиной батальона, а отступил до Паретто в районе Спиньо, посредине между этими двумя пунктами, по большой дороге, которая вела на Акви.

Дивизия Ожеро в этом бою участия принять не могла.

Итак, результат этой стратегической комбинации был следующий: Массена и Лагарп, имея налицо 14 000—15 000 чел., вели бой против 3 000—4 000 австрийцев.

Едва Больё узнал, что 11-го Аржанто подвергся жестокой атаке, как он немедленно посылает полковника Вукасовича с тремя батальонами к Монте Пайоле, куда тот и прибывает 12 апреля. Не найдя там противника, Вукасович продолжает свой путь на Саселло, где, следовательно, собралось уже семь батальонов. Однако впоследствии он выступает на Дего лишь с пятью батальонами; остается невыясненным, оставил ли он снова два батальона в Саселло или же в предшествующие данные австрийского повествования вкралась ошибка.

Теперь сам Больё спешит в Акви — сборный пункт его армии.

Если мы взглянем на распределение главной австрийской армии к 13 апреля, то из австрийского повествования узнаем следующее:

7 батальонов стояло в Саселло	
4 батальона стояли у Дего (включая и 2 разбитых у Монтенотте)	
2 батальона стояли у Миолии	
1 батальон стоял у Паретто	
1 батальон стоял у Мальвицино	
Всего . . .	15 батальонов

Из них три батальона, повидимому, принадлежали к левому крылу, а два — к корпусу Колли.

Относительно остальных семи батальонов левого крыла мы можем предположить, что они либо оставались еще на Ривьере, либо уже начали отходить на Акви.

Далее мы узнаем, что три батальона движутся к Спиньо на помощь войскам, стоящим в Дего.

Все вместе составляют 25 батальонов; остается еще 10, которые либо собрались к этому времени в Акви, либо еще не успели туда подойти. Надо полагать, что размещение австрийских войск в данный момент Бонапарту было совершенно не известно.

Он мог лишь предполагать, что в Саселло и Дего были сосредоточены крупные силы, так как австрийцы и раньше смотрели на эти два пункта, как на центральные для выдвинутых ими в горы постов, к тому же в Дего имелись довольно значительные земляные укрепления. На этом-то и были построены диспозиции его дальнейшего продвижения вперед.

Лагарп получил приказание следовать за противником, выступившим на Саселло, с тем чтобы отвлечь на себя внимание стоявших в этом пункте войск, а затем повернуть в долину Бормиды, чтобы принять участие в действиях, направленных против Дего. Массена следовал с девятью батальонами к Дего, с тем чтобы атаковать его 13-го совместно с Лагарпом. Сам же Бонапарт с частью войск Массены и Ожеро шел на Каркаре.

К вечеру 12 апреля расположение французских войск было следующее:

— Лагарп стоял у Саселло,
— Массена с девятью батальонами — против Каиро,
— Бонапарт с частью войск Массены и Ожеро — у Каркаре,
— остальные войска Ожеро стояли у Коссарио против Миллезимо,
— Серюрье — в долине Танаро у Гаресио.

10. Бой под Миллезимо 13 апреля

В боях 11 и 12 апреля генерал Колли не принимал никакого участия. Он получил общее распоряжение отвлекать внимание противника демонстративными атаками; остальное было предоставлено его усмотрению. Какие меры принял этот генерал, — мы обстоятельно изложить не в состоянии, ибо то, что по этому поводу мы находим в австрийских сообщениях, представляет такую путаницу неполных данных о распределении отдельных батальонов, что добыть из нее какую-нибудь связную картину положения дел не представляется возможным. Поэтому нам приходится довольствоваться лишь главнейшим результатом: 12 апреля генерал Провера, стоявший с 4 батальонами у Саличетто, выделив из них несколько рот, с остальными двинулся к Коссарио, старинному замку, стоящему близ Миллезимо на горном гребне, который отделяет один от другого оба рукава Бормиды. Здесь-то 13 апреля он и построил свой отряд силой в 1 800 чел.

Согласно предначертанию Бонапарта, 13-го Массена и Лагарп должны были атаковать Дего, сам же он предполагал обратиться против Миллезимо.

Массена еще ночью получил приказ наступать, но так как Бонапарт задержал у Каиро одну из его бригад, а Лагарп раньше полудня не мог прибыть на место, то он счел себя слишком слабым, чтобы одному предпринять с утра атаку на Дего. Итак, он двинулся только около полудня и в этот день ограничился лишь рекогносцировкой, заняв позицию у Ля-Рокетта на расстоянии получаса ходьбы от Дего.

Между тем, Бонапарт с двумя бригадами двинулся против Проверы. Ожеро еще на рассвете овладел местностью около Миллезимо, одновременно двинулся вперед и Бонапарт. Генерал Провера, увидав, что его атакуют охватывающим фронтом превосходные силы противника, решил, что отступления для него нет, а потому он был вынужден поспешно укрыться с 1 500, а по австрийским данным 1 000 чел. в старинном замке Коссария, расположенном на вершине горы; хотя его и коснулось разрушение, он представлял собой позицию, которую с налета взять бы не удалось. В то время как Бонапарт был занят у Чензио тем, что отражал кое-какие части, которые Колли послал на помощь Провере, Ожеро тщетно пытался несколькими чрезвычайно кровопролитными штурмами овладеть замком.

Настала ночь, и дела на этом пункте сложились так, что левое крыло Колли было вытеснено из своих позиций, а Провера с ядром этого крыла оказался фактически окруженным и запертым в замке Коссария.

11. Первый бой у Дего 14 апреля

Как выше было сказано, 12 апреля Аржанто отправился обратно в Паретто, оставив в Миолии два батальона, едва насчитывавшие в своих рядах несколько сот человек. Уже 12-го, после полудня, он нашел в Паретто настоятельную просьбу раненого в Дего генерала Роккавино поспешить на помощь этому посту, так как ему угрожает крайняя опасность. Аржанто донес об этом в Акви, куда уже успел прибыть Больё, и добавил в своем представлении, что он не в состоянии оказать существенную поддержку посту в Дего с теми ничтожными и изнуренными обломками своего отряда, с которыми он вернулся. Тем не менее, он получил от Больё приказ сделать все от него зависящее, чтобы Дего продержалось еще несколько дней, прикрывая в то же время Акви на ведущих туда дорогах. Вместе с тем Больё сообщал, что в помощь Дего идут на Спиньо три батальона.

Больё предлагал в то же время генералу Колли оказать давление на левый фланг противника, наступавшего на Дего.

Ввиду этого в ночь с 13 на 14 апреля Аржанто послал в Саселло приказ Вукасовичу выступить со своими пятью батальонами на помощь Дего и атаковать неприятеля во фланг. Три батальона, шедшие через Спиньо, прибыли 14-го в Дего еще во-время, для того чтобы принять участие в бою.

Таково было положение поста в Дего 14 апреля, когда туда направился сам Бонапарт.

Дело в том, что он оставил против Проверы Ожеро; после того как последний отразил еще одну попытку Колли перейти через Ченэио на помощь к Провере, последний, за недостатком воды и продовольствия, оказался вынужденным сдаться в плен. Этим завершился бой под Милезимо, который обошелся австрийцам тысячи в две или три убитыми, ранеными и взятыми в плен. В этом бою участвовали 3 000—4 000 союзников против 8 000—10 000 французов.

С войсками, принадлежавшими к центру, Бонапарт двинулся на Дего. Под личным руководством Бонапарта и под воодушевляющим впечатлением от известия о сдаче в плен Проверы здесь 14 апреля снова была предпринята сильная охватывающая атака на окопы, обороняемые семью батальонами при 18 орудиях. Мы не можем утверждать, что три батальона высланных через Спиньо подкреплений оказались на месте с самого начала боя. Правда, это можно предполагать, так как, по австрийским источникам, они выступили из этого пункта в 3 часа утра; однако, судя по некоторым выражениям, встречающимся в разных описаниях этого боя, они, повидимому, прибыли в бой тогда, когда восстановить его уже было невозможно.

14 апреля Аржанто получил ложное донесение, будто дивизия Массены отошла назад 13-го; это побудило его остаться на месте; когда же, около 2 час., он услыхал звуки пальбы, он тотчас выступил с батальонами из Паретто и Мальвичино и послал оставшимся в Миолии батальонам приказ также итти на Дего.

Естественно, что сам он прибыл лишь для того, чтобы быть свидетелем поражения своего поста в Дего, а батальоны из Миолии пришли еще позже.

Таким образом, пост в Дего был почти совершенно уничтожен. Даже австрийские источники признают, что семь батальонов почти целиком попали в плен и было взято 18 орудий.

Аржанто и все те, кто еще успел спастись, а также те три батальона, которые Больё еще 15-го послал на помощь через Спиньо, отступили через этот же пункт на Акви.

12. Второй бой у Дего 15 апреля

Приказ Аржанто, посланный им Вукасовичу в ночь с 13 на 14 апреля, гласил: «Так как неприятель угрожает Дего, то полковнику надлежит произвести диверсию против Дего завтра рано поутру». Выражение «завтра рано поутру» было употреблено по ошибке, так как самый приказ был датирован «14 апреля, 1 час утра». Так как полковник Вукасович получил этот приказ лишь в 6 часов утра и, по уверениям австрийских

источников, ему предстоял восьмичасовой переход (что не вполне понятно, так как расстояние по прямой линии составляло всего 1½ мили), то он полагал, что речь идет об утре 15 апреля.

Вот почему он остался на месте 14-го, пока не услыхал около полудня орудийной стрельбы в направлении Дего и не получил вторичного приказания от Аржанто.

Тогда он выступил с пятью батальонами силой в 3 000 чел. Согласно австрийским донесениям, переход продолжался целую ночь, и 15-го рано поутру Вукасович оказался в расстоянии часа ходьбы от Дего. Пусть автор этого сообщения несет ответственность перед географией, мы же примем это утверждение за факт. Уже во время своего ночного перехода Вукасович узнал о поражении австрийцев у Дего, а в Миолии захватил французского офицера с 30 солдатами, который ему сообщил, что под Дего стоят 20 000 французов. Путь отступления на Саселло был еще свободен, но чувство долга гнало Вукасовича вперед, навстречу опасности: он хотел по крайней мере лично убедиться в положении у Дего. Вукасович продолжал итти вперед, но, повидимому, направил свой путь так, что, выйдя к северу от Дего, следовательно, на дорогу, ведущую на Спиньо, столкнулся с правым крылом французского авангарда, выдвинутого по этой дороге. Он атаковал французов. Пораженные тем, что со стороны Саселло появились значительные силы противника, и полагая, что натолкнулись на самого Больё со всем его войском, французы оказали лишь слабое сопротивление. Увлеченный первым успехом и воодушевляемый страхом, какой он внушил противнику, Вукасович неудержимо гнал его до самых окопов, и его собственные солдаты требовали, чтобы он вел их на штурм. Согласно рассказу, он оказался в тылу окопов, но так как они представляли собой большей частью замкнутые укрепления, то оборона их была вполне возможна для французов.

Тотчас после достигнутого у Дего успеха Бонапарт приказал дивизии Лагарпа и резервной бригаде Виктора (о которой здесь впервые упоминается) направиться влево через Саличетто на Чеву, куда, после пленения Проверы, Ожеро, преследуя войска Колли, отбросил их.

Бонапарт полагал, что он на первое время достаточно сделал против Больё и выиграл необходимый простор, чтобы обратиться против Колли, нанести ему поражение и тем обезопасить свой левый фланг.

Таким образом, в то время, когда Вукасович отважился на свое смелое предприятие, в Дего на самом деле было не 20 000 французов, а лишь одна дивизия Массены, которая, после выделения необходимых отрядов и после понесенных ею в предшествующих боях потерь, насчитывала, вероятно, не более 6 000 чел.

Вукасович, не медля, использует свой успех, страх противника и воодушевление собственных солдат для завершения начатого дела и превращения поражения в победу. Он штурмом берет окопы с 19 орудиями.

Массена собирает всех, кого может остановить из своих бегущих солдат, поспешно снова ведет их на позиции, занятые австрийцами, но напрасно — перепуганные войска ничего не могут поделать.

Когда Бонапарт, который лично провел ночь в Каркаре, узнал о внезапном налете на Массену, он сперва подумал, что имеет дело со всеми силами Больё, и приказал дивизии Лагарпа и бригаде Виктора спешно вернуться назад, и сам отправился к Массене, куда прибыл в 1 час ночи. Он немедленно организовал новую атаку на окопы. Австрийцы дрались с исключительной доблестью, но так как Вукасович напрасно разослал гонцов с просьбой о помощи, а во всей округе на расстоянии 60 часов хода не было ни одного австрийского батальона, то под конец он оказался вынужденным уступить превосходным силам, бросить все взятые орудия и отойти через Спиньо на Акви, потеряв около половины своих солдат.

Результат стратегической комбинации для боя у Дего был тот, что как 14-го, так и 15 апреля 15 000—20 000 французов сражались против 3 000—4 000 австрийцев. Бонапарт полагал, что после этого нового удара, нанесенного австрийцам, ему уже нечего опасаться со стороны Больё, а потому обратился против Колли.

13. Результаты первых боев

Австрийцы определяют свои потери в этих шести боях приблизительно в 6 000 чел., но при этом они не считают четырех сардинских батальонов, которые были почти окончательно уничтожены под Дего. Общий размер их потерь мы, вместе с Жомини, можем без преувеличения исчислить в 10 000 чел. Далее, этот писатель отмечает еще потерю 40 орудий; с этим труднее согласиться, потому что во французских донесениях, кроме 18 пушек, захваченных в Дего, нигде не говорится о значительном количестве орудий, отнятых у австрийцев; между тем, при его беспристрастном отношении к сообщаемым им цифрам, мы не в праве сомневаться в точности приводимых им данных. Несомненно, такие потери для войска в 30 000 чел. весьма значительны, они составляют для каждого рода оружия приблизительно одну треть и в этом отношении равняются результатам полного поражения.

Однако в моральном отношении результат этих боев едва ли соответствовал потерям. У австрийских солдат было такое чувство, что им повсюду пришлось сражаться с противником в два или в три раза сильнейшим; по всей вероятности, они приписывали это общему превосходству сил французов, о котором они, как это всегда бывает, имели преувеличенное представление. Если они при этом заметили, что их силы были очень распылены, то они приписывали это либо случайным обстоятельствам, либо ошибкам верховного командования, т. е. таким вещам, которых можно было бы избежать, если бы сражение было дано соединенными силами. Одна внезапная атака Дего выделялась из ряда мелких

поражений, как блестящий воинский подвиг, и после него, конечно, не было ни одного австрийского солдата, который не верил бы, что в открытом поле французы были бы легко разбиты наголову. Но если бы обе армии встретились в открытом поле и австрийцы оказались бы разбитыми явно слабейшим противником, то моральный результат для обеих армий выявился бы гораздо решительнее; уже не было бы места для каких-либо иллюзий. Между тем, войска, причинившие армии Больё потери в 10 000 чел. и 40 орудий, состояли, в сущности, из дивизий Массены в Лагарпа, бригады Виктора и нескольких эскадронов кавалерии, в общем около 20 000 чел.

Все эти соображения мы привели лишь для того, чтобы сказать, что одна крупная победа имеет бо́льшую цену, чем ряд мелких боев, хотя бы они нанесли побежденному такие же потери.

Если моральное действие этого поражения было на самом деле менее велико, чем то, которое оказало бы поражение, нанесенное в генеральном сражении, то, с другой стороны, мы должны признать, что эта победа досталась французам легче и что с самого начала она была гораздо несомненнее, чем победа, которая была бы одержана ими в генеральном сражении. На самом деле обстоятельства сложились так, что ни на одном пункте австрийцы даже *не могли рассчитывать* на благоприятный исход; между тем, генеральное сражение, данное 30 000 австрийцев со 140 орудиями 20 000 французов, располагавшим менее чем 30 орудиями, представляло для последних крайне мало шансов на победу.

Общий благоприятный результат зависел, главным образом, от чрезвычайно выгодных для французов стратегических комбинаций, благодаря которым отдельные бои были настолько удачно подготовлены, что успех их был несомненен. Следовательно, мы в праве сказать, что в данном случае стратегия играла огромную, даже, более чем когда-либо, преобладающую роль, и она-то, в конце концов, почти одна привела к окончательному решению. Правда, причину успеха французов надо искать не столько в чрезвычайно искусно составленных ими комбинациях, сколько в ошибках, допущенных австрийцами. Бонапарт действовал по очень простым планам, а там, где предстоят крупные решения, такие планы eo ipso всегда бывают самыми лучшими. Особой похвалы заслуживает та чрезвычайная энергия, та жажда победы, с которой он переходил от одного предприятия к другому. Но гораздо большее влияние оказало то, что австрийцы действовали без всякого плана или, по крайней мере, без такого, который предусматривал бы наступившие впоследствии случаи, а также и то, что силы их были беспримерно распылены. Причины такого распыления так и остались неизвестными и неразгаданными. В самом деле, такого раздробления сил еще ни разу не приходилось наблюдать в армии, отнюдь не связанной с постоянным кордоном.

Из 32 000 чел., составляющих главную армию Больё, он берет от 7 000 до 8 000 и ведет частичное наступление против французского ле-

вого фланга; от 3 000 до 4 000 чел. направлены против центра лишь для вспомогательных совместных действий, в то время как от 5 000 до 6 000 чел. расставлены отдельными постами по склонам Апеннин, а 14 000—15 000 еще сосредоточиваются у Акви.

Такое распределение сил, в общем, было весьма рисковано и лишь в том случае могло не принести вреда, если бы противник держался совершенно пассивно; но стоило ему энергично реагировать или перейти к стратегическому наступлению, как возникала величайшая опасность. Тогда уже не оставалось ничего другого, как отказаться от рискованного опыта частичных наступательных действий и, чтобы быть в состоянии отразить возможную и даже вероятную контратаку, сосредоточиться на расположенной позади позиции, для каковой Акви, казалось, было предуказано обстоятельствами.

Итак, когда Больё уже 11 апреля, узнав из раздавшейся жестокой перестрелки о сопротивлении, оказанном на Монте Леджино, был настолько поражен этим, что отказался от наступательных действий, и лично поспешил в Акви, он должен был бы отправиться в Саселло или Дего, чтобы из этого центра организовать отступление своих войск.

Предотвратить 11 апреля потери, понесенные 12-го у Монтенотте, было уже невозможно; они были обусловлены тем, что слабое и половинчатое решение столкнулось с сильным решением противника; известной жертвой за это пришлось поплатиться, но остальных потерь еще можно было избежать.

В Дего генерал Больё имел возможность еще 12 апреля ознакомиться со своим положением и мог в тот же день отдать приказ генералам Колли и Провере соединиться у Чевы и избежать сильных ударов, отступив на Мондови и дальше. Что же касается его собственных многочисленных отрядов, то он мог бы приказать им отступить на Акви, куда они прибыли бы 13-го. Французы едва ли могли появиться перед Акви раньше 14-го или 15-го, а серьезного боя можно было ожидать не раньше 15-го или 16-го; к этому времени, повидимому, Колли успел бы уже в достаточной мере сосредоточить свои войска. Если принять в расчет тысячи две человек, потерянных у Монтенотте, тысячи две, еще не успевших прибыть, несколько отрядов, которые необходимо было выделить,— то окажется, что Больё к этому времени мог сосредоточить у Акви до 20 000 чел. К тому же, на такой хорошей позиции, какую, повидимому, представляла собой позиция у Акви, ему на время не о чем было бы беспокоиться.

Весьма вероятно, что Бонапарт обратился бы с большей частью своих сил против Колли, а против Больё послал бы всего лишь одну дивизию, а это дало бы возможность последнему путем немедленного наступления вернуть все утраченное. Если бы обстоятельства сложились по-иному, то, по крайней мере, у главной армии было бы достаточно времени для того,

чтобы сосредоточиться и условиться с генералом Колли относительно дальнейших предприятий.

Вместо того чтобы избрать такой простой образ действий, Больё спешит еще 10 апреля выехать в Акви, остается поэтому в полном неведении того, что происходит, оставляет также в полном неведении всех начальников отдельных частей относительно своих намерений, а потому запаздывает со всеми своими распоряжениями. Кроме того, что он разбросал все свои силы, он не принимает мер против частичного распыления дивизии Аржанто и ожидает от сопротивления этих слабых постов, от комбинированных атак, от взаимной поддержки с флангов и диверсий при крайне трудных путях сообщения таких успехов, благодаря которым удалось бы задержать неприятеля на 3—4 дня. Подобные средства действительны только против очень осторожного противника и прежде всего требуют достаточного времени; между тем, Больё имел дело отнюдь не с осторожным противником; что же касается времени, то не трудно было сообразить, что ни одно из ожидаемых действий не могло иметь места. Рассмотрим хотя бы стратегические результаты такого образа действий для поста Дего. 14 апреля там подвергаются атаке четыре батальона; три батальона спешат на помощь из Спинью, но приходят слишком поздно, для того чтобы можно было в полной мере использовать их силы; Аржанто приходит из Паретто с двумя батальонами лишь после решения, два батальона прибывают из Миолии еще позже, а три батальона, высланных Больё 14-го из Акви, отступающие войска встретили лишь у Монтальто. Наконец, с опозданием на целый день прибывает Вукасович с пятью батальонами. Итак, в защите этого поста принимали участие девятнадцать батальонов, между тем самую атаку пришлось выдерживать 14-го только четырем батальонам, а 15-го — только пяти.

Но Больё так плохо отдавал себе отчет в том, как можно ему помочь, что еще 15 апреля, получив от Вукасовича донесение о достигнутом им успехе, послал приказ генералам Колли и Провере (о пленении которого происшедшем за 24 часа перед тем, он даже не подозревал): оказать всемерную поддержку Вукасовичу; при этом он добавил: «Я сам спешу в Дего, ибо от этого мгновения будет зависеть счастливый исход кампании». То была соломинка, за которую хватается утопающий.

Когда армия, перешедшая в наступление, но не успевшая еще объединиться, сама подвергается атаке в этом положении, то для нее остаются лишь два пути: либо продолжать свое наступление, рассчитывая на то, что своим конечным успехом она вернет себе все частичные потери, понесенные ею на других пунктах, либо, уклоняясь от решительных ударов, постараться сосредоточиться позади. Первое для нее возможно, если она уверена, что встретится с центром тяжести неприятельской армии, располагая превосходными силами; второе же она должна сделать, если

на это самое может рассчитывать противник. Нерешительно наступать и нерешительно отступать, создавать все новые и новые комбинации, которые в одном месте ведут к наступлению, в другом — к обороне, и пытаться найти выход из затруднений при помощи импровизаций — все это по существу полумеры. Такие полумеры являются самым рискованным и самым пагубным способом действий, какой может избрать полководец, когда ему приходится действовать в обыкновенной, ровной местности, но они становятся полным безумием при действиях в горах. А ведь именно таковым представляется нам поведение австрийцев.

Бонапарт полагает, что Больё должен был избрать местом для сосредоточения своих сил не Дего, а дальше в тыл, у Акви. В своих мемуарах (ч. IV, стр. 251) он говорит: «Если вас вытеснят из ваших первых позиций, то вам надлежит избрать для сбора ваших частей место, находящееся достаточно далеко позади, чтобы противник не мог их опередить; самое плохое, что может с вами приключиться,— это то, что противник атакует ваши части порознь раньше, чем они успеют соединиться».

Выводы Бонапарта из критических замечаний по поводу того, что генералу Больё следовало бы сделать, вполне тождественны с нашими, но Бонапарт поступает в данном случае, как большинство исторических критиков: он берет события en bloc (в целом) и не пытается вскрыть своеобразные обстоятельства и отношения, сопровождавшие их, а между тем это необходимо в том случае, когда приходится сопоставить теоретическое положение с историческим фактом и установить между ними связь.

В данном случае не было и речи о какой-либо первоначальной позиции, которую утратил бы Больё, потому что он в это время продвигался вперед и никакой позиции не занимал; не было также речи и о том, чтобы он намеревался избрать своим сборным пунктом Дего; повидимому, он избрал для такового скорее Акви или Нови; он лишь полагал, что ему удастся удержать такой крепкий пункт, как Дего, при помощи специально выделенного отряда; он надеялся прогнать ворвавшегося туда противника, которого он представлял себе в виде отдельной неприятельской колонны, при помощи соединенных сил Аржанто и Вукасовича, направленных на Дего. Предоставляем самому читателю решить, который из двух способов изображения точнее соответствует данному случаю и которая из двух теорий ближе к нему подходит: т е ли, к о т о р ы е д а е т Б о н а п а р т, и л и т е, к о т о р ы е д а н ы н а м и.

В данном случае так многое не выяснено и непонятно, что было бы в высшей степени интересно и поучительно пересмотреть в австрийских военных архивах специальные реляции, касающиеся этого периода, которые, несомненно, дали бы нам возможность заполнить главнейшие проблемы. Тогда, несомненно, обнаружилось бы, что дело было ведено вовсе не так неразумно, как это представляется в настоящее время,

а потому было бы безусловно необходимо, в целях ограждения чести австрийского оружия, обнародовать все эти документы [1].

Люди, действовавшие в данном случае, даже если они принадлежали к числу самых плохих полководцев, все же никогда не бывали лишены простого здравого смысла и никогда бы не допустили тех нелепых поступков, какие им приписывает огулом и без разбора широкая публика и историческая критика. Большинство представителей последней были бы изумлены, если бы могли ознакомиться с ближайшими мотивами действий и, по всей вероятности, сами подчинились бы им, как и тот полководец, который теперь представляется им и изображается ими чуть ли не полуидиотом. Ошибки, несомненно, имелись, но обычно они лежат гораздо глубже: в ошибочности общих воззрений и в слабости характера, которые на первый взгляд не кажутся таковыми, но которые удается отыскать и с полной ясностью постигнуть, когда сравнишь все внутренние мотивы, определившие действия побежденного полководца, с получившимся результатом. Такое раскрытие истины post factum дозволяется критике и не должно быть с насмешкой поставлено ей в укор, так как это и составляет ее основную задачу, однако оно, несомненно, легче, чем угадывание истины в то мгновение, когда надо действовать.

Поэтому безусловно неразумно поступают те (что, впрочем, наблюдается почти во всех армиях), кто о военных неудачах сообщает возможно меньше; такие дела всегда приобретут гораздо более благовидный характер при более подробном ознакомлении с ними, чем при поверхностном их рассмотрении.

14. Разбор обращения Бонапарта против Колли

Выше (§ 5) мы с достаточной подробностью высказались относительно того направления, какое французскому полководцу надлежало избрать в случае одержанной им решительной победы. Эту победу он одержал, и она, несомненно, привела бы его к По, если бы он того пожелал. Мы полагали, что эта преграда была бы наиболее естественным пунктом для направления главных сил французов. Не так думал французский полководец. Он поворачивает еще раньше, дает возможность Больё собрать свои рассеянные силы у Акви и от Дего направляется к Чеве против Колли.

Вопрос, совершил ли при этом Бонапарт ошибку или не совершил ее, для нас важен не столько из-за данного случая (так как, по всей вероятности, результат мало чем отличался бы), сколько из-за теоретического значения этого вопроса, который так часто возникает и в большинстве случаев является решающим.

[1] Вообще надлежит заметить, что все военные предприятия, закончившиеся неудачей вследствие ряда ошибок, никогда в своей внутренней связи не бывают такими, какими они представляются широкой публике.

Очевидно, это тот же самый вопрос, который мы разбирали в § 5, но только здесь границы его теснее, пространство, им занимаемое, уже, а результаты менее значительны.

Раз общий центр тяжести действительно находился в австрийской армии, то, если бы Бонапарт не переставал наносить ей удары, ее отступление через По должно было вызвать также отступление и генерала Колли. Напротив, нельзя предполагать, чтобы удар, направленный против Колли и заставивший его отступить, вынудил бы и австрийцев переправиться из-за этого через По. Скорее всего надо было предполагать, что Больё воспользуется отсутствием главных сил французов и постарается возместить нанесенный ему ущерб и, во всяком случае, притти на помощь подчиненному ему генералу. Нельзя сказать, чтобы понесенные им потери лишили его возможности это сделать, ибо если эти потери были так велики, что он не мог бы думать о серьезном сопротивлении главным силам французов в том случае, когда они на него наседали, то положение становилось совершенно иным, раз они направились против Колли. Если же Больё не предпринял ни того, ни другого, то объяснить это можно лишь чрезмерным и бесполезным распылением его сил и его нерешительностью; однако ни на то, ни на другое в такой мере нельзя было рассчитывать.

Бонапарт не опасался такого выступления со стороны Больё; и в самом деле, он оказался прав в своей оценке противника.

Между тем, Бонапарт мотивирует свой поворот против Колли опасностью, которая грозила со стороны последнего его флангу.

Как уже выше было сказано, мы убеждены, что отступление австрийцев за По непосредственно вызвало бы и отход Колли; чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить об угрожавшей ему в этом случае опасности оказаться совершенно отрезанным от Турина. Но даже если мы и не будем больше настаивать на этом, то все же никто нас не убедит, что Колли успел бы нанести существенный вред французскому флангу в те несколько дней, какие понадобились бы Бонапарту для того, чтобы прогнать австрийцев за По. Поэтому мы никак не можем признать правильность его мотива.

Итак, если бы Бонапарт еще 16-го выступил на Акви против Больё и прогнал его за По, то при последующем его предприятии, направленном против Колли, он был бы совершенно обеспечен от какого-либо нападения со стороны Больё, а если бы Колли не поспешил отступить перед ним, то ему представился бы удобный случай навлечь на сардинцев страшную катастрофу.

Впрочем, нет никакого сомнения, что этот генерал отступил бы; и этим-то, пожалуй, и можно объяснить, что, жадный до побед и до трофеев, Бонапарт обратился именно против него. Он уже не мог бы одержать крупной победы над Больё, который, вероятно, отступил бы за По; обратившись же по горячим следам от Дего прямо против Колли, раньше

ше чем тот узнает о неудачах Больё в полном их объеме, он мог рассчитывать на результаты, однородные с теми, каких он добился у Монтенотте, Дего и т. д. Если это послужило решающим мотивом, то нельзя не одобрить предприятия; тогда в этом преждевременном повороте против Колли заключалось усиление достигнутых успехов. Но в таком случае на него нельзя смотреть, как на более осторожное, а скорее как на более рискованное предприятие; а риск ради большего успеха никогда нельзя рассматривать как ошибку.

Даже то обстоятельство, что предприятие, направленное против Колли, хотя и приведшее к перемирию, не дало само по себе, т. е. непосредственно, тех результатов, каких надеялся добиться Бонапарт, не может изменить наше суждение. Тактика не всегда дает то, чего стратегия в праве ожидать.

15. Бой под Чевой 19 апреля

Теперь мы приступаем к описанию операций против Колли, которые Бонапарт выполнил с тремя дивизиями: Серюрье, Ожеро и Массены, в то время как Лагарп занял наблюдательную позицию против австрийцев.

Так называемое сражение под Мондови, которое по преимуществу принесло окончательное решение, на самом деле было не чем иным, как боем при отступлении, а потому это название сражения надлежит применять коллективно к трем боям против Колли: 19, 20 и 22 апреля.

Ожеро, тотчас после сдачи Проверы, взял направление на Монтеземоло и оттеснил войска Колли к Чеве, перед которой он уже оказался 16-го.

Серюрье спустился по долине Танаро и у Чевы соединился с Ожеро. Колли с 15 000 чел. из своего корпуса (по австрийским донесениям — 13 000; по всей вероятности, исчисление было произведено по дневному рапорту, следовательно, за вычетом больных, командированных и пр.) занял позицию, на которой он с 8 000 стоял позади Чевы, а с 4 000 на 1 милю севернее от нее у Педаджиеры; 3 000 чел. он держал, как резерв, у Мондови. Остальные его войска были, вероятно, отряжены в западные долины гор против Коль ди Тенде и т. д.

О том, что делал Бонапарт с обеими дивизиями правого крыла 16 и 17 апреля, источники умалчивают, так как 18-го мы находим Массену в Боркаро, Лагарпа в Бенедетто, обоих в долине р. Белло, первого — на пути против Колли, второго — для наблюдения за Больё. Главная квартира Бонапарта находилась в Саличетто на р. Бормиде. Резервная бригада Виктора стояла у Каиро для прикрытия тыла. Все эти три пункта находятся от Дего на расстоянии лишь нескольких миль. Вероятно, оба эти дня были использованы частью для преследования австрийцев, частью для отдыха, который был, конечно, чрезвычайно необходим после усиленных переходов и боевого напряжения.

Бонапарт решает, чтобы Ожеро атаковал фронт Колли как у Чевы, так и у Педаджиеры; Серюрье должен был обойти его через Монтбазилико, а Массене было приказано пройти мимо него справа и переправиться через Танаро у Кастеллино.

Атакованные таким образом сардинцы успешно сражались с Серюрье в своих редутах у Чевы, но как только Колли заметил обходные движения, которые должны были его опутать, он своевременно организовал отступление на заранее выбранную им позицию позади Курсальи.

Произошел ли бой под Чевой действительно 19-го,— мы утверждать не решаемся, приходим же к такому заключению лишь на основании того, что, согласно Жомини, главная квартира Бонапарта была перенесена в Саличетто только 18-го.

20 апреля мы находим Колли на чрезвычайно крепкой позиции, на крутом гребне над долиной Курсальи, с правым крылом у Мадонна Вико, с центром у Сан Микеле и с левым крылом против Лезеньо.

16. Бой у Курсальи 20 апреля

Бонапарт приказывает немедленно повести атаку на эту позицию. Серюрье должен атаковать неприятеля с фронта, причем правое крыло атакует бригада Гюйё через мост у Торре, центр — бригада Фиорелла, через мост Сан Микеле, а левое крыло у Лезеньо — бригада Домертена [1].

Ожеро должен был переправиться через Танаро, ниже впадения в него Курсальи, и обойти левое крыло противника.

Массена на месте не оказался: он не мог переправиться через разлившийся Танаро у Кастеллино, а потому возвратился в Чеву и лишь на другой день прибыл к месту назначения.

Эта атака, организованная экспромтом, без достаточного знакомства с местностью, не увенчалась успехом.

Домертен нашел мост у Лезеньо разрушенным, причем иных способов переправиться через реку не оказалось. Ожеро также не удалось перебраться через Танаро, как это не удалось накануне Массене. Правда, в центре Серюрье, во главе бригады Фиорелли, прорвался через мост, однако Колли, подоспевший с некоторыми резервными войсками, отбро-

[1] Повидимому, эта бригада принадлежала первоначально к дивизии Массены. Для этого периода кампании не приходится думать о каком-либо постоянном распределении боевых частей, во-первых, потому, что таковое не приведено ни у одного писателя, во-вторых, потому, что Бонапарт, повидимому, то и дело разрывал дивизии на части и, в сущности, смотрел на бригады, как на дивизии, т. е. как на боевые единицы первого порядка. Наша неосведомленность вполне извинительна, раз в четвертом томе наполеоновских мемуаров мы находим ряд ответов генералов Менара, Рампона и др. на запросы, обращенные к ним самим Бонапартом, вполне однородные с первым из них генералу Менару: состоял ли он в день боя у Монтенотте под командой Массены или не состоял?

сил его обратно, нанеся ему большие потери. Лишь левый фланг под командой Гюйё переправился через Курсалью выше Торре и оттеснил правое крыло австрийцев. Впрочем, это, повидимому, не оказало непосредственного влияния на положение Колли.

Таким образом, этот генерал 20-го до известной степени одержал победу.

Со времени последнего боя у Дего прошло уже 5 дней, и, казалось, можно было с уверенностью рассчитывать на немедленное наступление и непосредственное вмешательство Больё; Латур, который, от имени туринского двора, вел переговоры с этим генералом, обещал его скорое выступление; французские войска были несколько обескуражены боем 20 апреля и изнурены непрерывным напряжением сил; французский полководец должен был ежеминутно ожидать появления у себя на правом фланге или в тылу армии Больё; словом, наступил своего рода кризис, в котором положение дел находилось как бы в колеблющемся состоянии, обычно предшествующем повороту колеса Фортуны.

17. Бой под Мондови 22 апреля

При таких обстоятельствах Бонапарт созвал 21 апреля в Лезеньо военный совет, на котором он описал кризис данной минуты, а французские генералы признали, что все будет потеряно, если, несмотря на истощение и упадок духа солдат, не будет предпринято незамедлительно новое наступление и не будет достигнут решительный успех, прежде чем обстоятельства еще более ухудшатся.

Ввиду этого решения войска были следующим образом распределены для атаки, назначенной на 22 апреля.

Серюрье с теми тремя бригадами, которые 20-го были растянуты по всему фронту, должен был атаковать правое крыло неприятеля через Торре.

Новая дивизия, временно сформированная из бригад Миолиса и Пюлетье под командой генерала Мейнье, должна была двинуться через Сан Микеле против центра; Массена, продвинувшийся через Чеву на Лезеньо и усиленный присоединением к нему бригады Жубера, должен был атаковать левое крыло Колли, а Ожеро было поручено снова попытаться перехватить коммуникационную линию противника через Кастеллино.

Генерал Колли сосредоточил на своей позиции позади Курсальи от 10 000 до 12 000 чел. Он предполагал, вероятно, что имеет дело с вдвое или втрое сильнейшим противником; и в самом деле, действовавшие против него четыре дивизии вместе с кавалерией, вероятно, насчитывали до 20 000 чел. Он не в праве был надеяться, что то, что 20-го в первую минуту удалось, будет всегда удаваться. Он не мог принять на своей позиции решительного боя; следовательно, он должен был отступить, раз французы были готовы дать такой бой. Улучшение обстоятельств могло

наступить лишь при совместных действиях с Больё, следовательно, все сводилось к тому, чтобы выиграть время, пока не подойдет этот последний.

Поэтому генерал Колли решил, не ожидая подготовлявшейся на 22-е атаки французов, ночью покинуть свою позицию и занять другую, показавшуюся ему довольно сильной и расположенную впереди города Мондови, который находился на расстоянии всего 1 мили; на этой позиции он рассчитывал удержаться несколько дней, затем очистить Мондови и дождаться прибытия Больё.

Когда на рассвете французы двинулись в наступление, они с радостью заметили, что позиции, на которых они не без страха собирались вторично испытать свои силы, покинуты. Бонапарт приказал войскам немедленно спуститься в долину Эллеро в погоню за неприятелем и атаковать его, где бы его ни настигли.

Войска Колли при отступлении несколько замешкались. Серюрье вскоре их настиг в окрестностях Вико. Те несколько батальонов, которые Колли спешно бросил ему навстречу, не выполнили своего долга, и, прежде чем он успел устроиться на намеченной им позиции, дивизии Серюрье и Мейнье атаковали его тут же позади Вико и оттеснили на эту позицию. Немедленно последовала новая атака внутри позиции; сначала сопротивление, оказанное в центре, у так называемого Брике, бригаде Домертена, сопровождалось некоторым успехом, но генералы Гюйё и Мейнье обошли позицию, центр оказался под конец прорванным, и генерал Колли, потеряв 8 орудий и 1 000 чел., был вынужден отступить через Мондови и продолжить свой отход до Фоссано. Слишком поспешная атака французской кавалерии под командой генерала Штенгеля была отбита неприятельской конницей, и французы поплатились значительными потерями и смертью своего генерала.

18. Перемирие с сардинцами

Получив донесение о неудачном бое под Мондови, а также осведомившись о слабой поддержке, какой можно было ожидать от генерала Больё, туринский двор решил вступить в переговоры относительно перемирия и мира.

Уже 23-го генерал Бонапарт получил от генерала Колли предложение заключить перемирие, причем последний добавлял, что сардинский король отправил кого-то в Геную к французскому агенту для передачи через него французскому правительству мирных предложений.

Бонапарт был, несомненно, заинтересован в том, чтобы возможно скорее прекратить военные действия против Пьемонта, для того чтобы направить все свои силы против Больё; кроме того, можно было предвидеть, что перемирие поведет к сепаратному миру, а это входило в интересы французского правительства и составляло его цель. Следовательно,

дело сводилось для Бонапарта к тому, чтобы закрепить за собой путем известных гарантий достигнутые им успехи и обусловить этими гарантиями заключение перемирия. Такой гарантией могли служить одна-две пьемонтские крепости, которые, в случае возобновления военных действий, являлись бы удобными базами по эту сторону Апеннин и Альп.

Бонапарт отвечал 24 апреля генералу Колли, что хотя он и верит в возможность заключения мира между обеими державами, но что прервать свое победоносное продвижение на основании лишь гадательных предположений он не может, разве только при условии, что сардинское правительство согласится ему передать из трех крепостей — Алессандрия, Тортона и Кони — две по своему выбору. Если принять во внимание, что в Турине тайно работала республиканская партия, что настроение в самой армии не было вполне надежно и что французские войска находились всего в нескольких переходах от Турина, то нельзя не признать эти условия чрезвычайно умеренными.

Так как Бонапарт предвидел возможность отторгнуть всю Ломбардию от Австрии, если он не даст ей опомниться, и так как нельзя было терять времени, ибо Больё снова начал шевелиться, то приходится признать такую умеренность весьма мудрой; это нас бы и не удивляло, если бы мы не привыкли видеть, как революционные французские генералы действовали в те времена с безудержной самонадеянностью и ни с чем не считались.

Впрочем, проявляя и в этом случае вышеуказанные свойства, французский полководец присовокупил еще следующее неслыханное условие: он потребовал, чтобы ему в виде гарантии выдали австрийский вспомогательный корпус, находившийся при сардинской армии.

На эту выходку можно смотреть, как на неудачную попытку околпачить растерявшееся сардинское правительство, так как Бонапарт в дальнейшем не настаивал на этом требовании.

19. Передвижения армии до заключения перемирия

23 апреля Бонапарт приказал своим войскам переправиться через Эллеро. 24-го он направил Массену на Кару, Серюрье — на Трините, расположенную впереди Фоссано, а Ожеро — к Хераско.

Лагарп оставался у Бенедетто.

В тот же день, 24 апреля, из Акви выступил, наконец, Больё с 16 батальонами и 24 эскадронами к Ницца делля Палья, однако семь батальонов и шесть эскадронов он оставил у Акви для прикрытия своего фланга. Если принять во внимание, что это распоряжение о выступлении было отдано 23-го, то станет ясно, что оно было вызвано отступлением Колли, на которое он решился 21-го и которое выполнил 22-го, причем целью Больё была встреча обеих армий у р. Танаро в окрестностях Альбы. События под Мондови и начавшиеся переговоры с сардинцами

о перемирии сразу оборвали тонкую нить вновь образовавшейся связи совместной деятельности обеих армий.

25-го Серюрье подошел к Фоссано; после артиллерийской перестрелки, в ночь на 26-е, Колли продолжал свое отступление по туринской дороге и прибыл 26-го же в окрестности Карманьолы.

25 апреля французы заняли дивизией Серюрье—Фоссано, дивизией Массены — Хераско, дивизией Ожеро — Альбу.

26-го все три дивизии соединились у Альбы, и, таким образом, Бонапарт занимал позицию между Колли и Больё. Отряженная по направлению к Кони бригада, соединившись с генералами Макаром и Гарнье, окружила эту крепость, а генерал Вобуа, командовавший правым крылом Альпийской армии, уступая настойчивому требованию Бонапарта, двинулся к Салуцо.

20. Условия перемирия

26 апреля получен был ответ от генерала Колли, что сардинский король соглашается на передачу крепостей Кони и Тортоны, а 28-го было подписано самое перемирие.

Главные условия его были следующие:

1. Передача Кони и Тортоны, а до тех пор, пока не состоится передача последней, — временно Алессандрии.

2. Передача укрепленного замка в Чеве.

3. Демаркационная линия должна итти вдоль Стуры, затем вдоль Танаро до Асти, оттуда через Ниццу к Бормиде и вдоль ее течения снова к Танаро и к По.

4. Разрешение французам переправиться через По у Валенцы, находящейся за этой линией.

Три недели спустя, 15 мая, в Париже был заключен мир между Францией и Сардинией.

Это отпадение Сардинии после неудачной кампании не представляет вообще ничего из ряда вон выходящего в истории союзов, в данном же случае оно вдвойне объяснимо, если принять во внимание настроение, царившее в народе и в армии.

21. Положение после перемирия

После того как сардинская армия, насчитывавшая приблизительно 40 000 чел., удалилась с театра военных действий, соотношение сил сложилось настолько невыгодно для австрийцев, что можно было с уверенностью предвидеть потерю всей Ломбардии до Минчио или до Эча.

Правда, армия, которую Бонапарт мог выставить против Больё, насчитывала лишь 30 000 чел., но армия Келлермана в свою очередь равнялась 20 000; если из нее и надо было кое-что выделить для охраны границ, то все же 15 000 могли присоединиться к Итальянской армии,

которая, таким образом, стала бы продолжать свои операции против Больё с 45 000 чел. Последний подтянул к себе некоторые подкрепления, благодаря чему его силы достигли 36 батальонов и 44 эскадронов, что составляло до 26 000 чел.; к этому надо добавить 4 000—5 000 чел. вспомогательного корпуса, находившегося при сардинской армии, которых он присоединил к своим войскам и которые, повидимому, не входили в вышеприведенную цифру.

Следовательно, имелось значительное несоответствие сил в ущерб австрийцам; но не подлежит сомнению, что и в моральном отношении перевес французов был по крайней мере не меньше. К тому же на чашу весов приходится положить еще одно важное обстоятельство, а именно— политическое состояние Италии. Правительства итальянских государств были на стороне Австрии, однако воля слабых правительств не могла служить серьезной опорой. В народе можно было возбудить, при помощи духовенства, фанатическую ненависть против французов, как то пришлось наблюдать впоследствии, однако это удавалось лишь тогда, когда народ испытывал со стороны французов обиды и притеснения. Сверх того, всюду тайно работала могущественная партия, сочувствовавшая республиканским идеям французов и связывавшая с этими идеями свои надежды на грандиозное возрождение Италии. Эта партия смотрела на французского полководца, как на мессию, и надо было ожидать, что его прокламации зажгут во всей Италии страшный пожар и вызовут во всей стране сокрушительное и грозное для правительств землетрясение.

В таких условиях, несомненно, в интересах австрийцев было бы, считаясь с общим положением в стране, удержаться либо на По, либо на Сезии, либо на Тичино и таким образом сохранить возможность непосредственно прикрывать Нижнюю Италию; но для этого соотношение как физических, так и моральных сил было слишком для них неблагоприятно, и самое настроение народа еще более затрудняло эту задачу, потому что в тылу, в таких городах, как Милан, необходимо было оставить более сильные гарнизоны.

Между тем, если бы австрийцы отошли за Минчио или за Эч, то, хотя французам и была бы предоставлена свобода действий в военном и политическом отношении в Нижней Италии, но зато наличное соотношение сил значительно улучшилось бы для австрийцев. Все правительства Нижней Италии ничего не сделали для войны, если не считать ничтожной поддержки в 2 000 чел. неаполитанской кавалерии, находившейся при армии Больё, так что последняя никакого существенного ущерба от своего отступления не понесла бы. Между тем, можно было предвидеть, что это вначале скорее ослабит французов, а не усилит их, ибо для поддержки своих военных и политических операций им придется оставить в тылу часть войск.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, приходишь к убеждению, что гораздо лучше было бы, если бы австрийское правительство

приказало Больё очистить Ломбардию до Минчио и занять позиции позади этой реки.

Не могло быть никаких сомнений, что Ломбардию придется утратить, и самое мужественное сопротивление, с целью возможно дороже продать уступаемую территорию, все же произвело бы впечатление ряда новых поражений, новых ошибок и явилось бы новым доказательством неспособности полководца. Это значительно усилило бы моральный перевес французов и нанесло бы сокрушительный удар престижу австрийского оружия.

Между тем, и то и другое имеет сугубое значение в войне, связанной с идейной борьбой.

К этим общим соображениям присоединяется еще одно специфическое, касающееся стратегической базы австрийцев. Эта база находилась между Тиролем и Адриатическим морем. Она соответствовала фронту, который тянулся от Генуи до Швейцарских Альп. Достаточно было австрийцам быть оттесненными с левого берега По, чтобы их левый фланг стратегически оказался под угрозой, так как база слишком узка, а соотношение сил и прочие обстоятельства не давали возможности о т п л а т и т ь у г р о з о й з а у г р о з у.

Вследствие всех этих обстоятельств австрийский полководец неизбежно должен был запутаться среди ряда неразрешимых задач, что действительно и произошло.

ГЛАВА II

ЗАВОЕВАНИЕ ЛОМБАРДИИ

22. План Бонапарта

Бонапарт понял все преимущество своего положения и не только увлекся мыслью завоевать Ломбардию, но дал волю своей фантазии, как это впоследствии с ним не раз случалось.

28 апреля он пишет Директории:

«Если вы не договоритесь с сардинским королем, то я пойду на Турин... а тем временем я завтра же иду против Больё, заставляю его перейти через По, сам вслед за ним немедленно переправляюсь через эту реку, овладеваю всей Ломбардией и меньше чем через месяц я надеюсь оказаться на горах Тироля, соединиться с Рейнской армией и совместно с ней открыть военные действия в Баварии. Отдайте приказ, чтобы 15 000 чел. из Альпийской армии присоединились ко мне, тогда я буду располагать армией в 45 000 чел., и возможно, что часть этих сил я двину на Рим».

Бонапарт забывает, что отношения с Неаполем враждебны, с Римом — натянуты, а с остальными государствами — весьма сомнительны; что, для того чтобы превратить эти отношения в такие, которые до некоторой степени обеспечивали бы тыл французов, требовалось время и применение на это время известной части своих сил для подкрепления переговоров демонстрациями; что в Ломбардии предстояло окружить и блокировать несколько небольших крепостей, как то: Миланскую цитадель, Брешию, Пичигетоне и др.; что Мантуя представляет обширное и весьма важное укрепленное место, вероятно, снабженное сильным гарнизоном, — оставить его у себя в тылу было невозможно, не окружив его значительным осадным корпусом; что Венецию и главную дорогу, ведущую из Австрии со стороны Виллаха, ему нельзя было оставить без наблюдения, если он намеревался проникнуть в Тироль через долину Эча (Адижа).

Когда и с какими силами мог бы Бонапарт появиться в Тироле, приняв во внимание все эти обстоятельства, и в каком опасном стратегическом положении оказалось бы это выдвинутое вперед острие!

Не одна Директория отвергла этот план — плод разнузданной фантазии; мы увидим, что и сам Наполеон о нем больше не вспоминал.

23. Больё переходит через По

Вероятно, под впечатлением полученного известия о начавшихся переговорах относительно перемирия Больё 27 апреля приблизился со своей армией к Алессандрии и с главными силами стал близ этого города, оставив один отряд у Акви, а другой — у Поцоло Формигаро (Фарлис).

Получив известие о том, что перемирие уже заключено, Больё принял смелое решение — внезапным налетом своей кавалерии овладеть цитаделями Алессандрии, Тортоны и Валенцы. С Валенцей это удалось, но два других предприятия постигла неудача.

Возможно, что Больё надеялся продержаться еще некоторое время в образуемом этими крепостями треугольнике, т. е. на правом берегу По.

В самом деле, этот треугольник носил характер стратегического бастиона и, внушая почтительный страх противнику, мог прикрывать как все течение Сезии, так и нижнее течение По. Будь Больё и по личным качествам и по прочим условиям полководцем, подобным Тюренну, Бонапарту или Монтекуколи, оно так бы и случилось. Но против Бонапарта, стоявшего во главе революционного войска, такие стратегические ухищрения не могли служить практическим средством; он очень скоро разорвал бы эту паутину, а на голову Больё, вероятно, обрушилась бы катастрофа.

К тому же покушение овладеть Алессандрией и Тортоной не удалось, а одна Валенца делу не могла помочь; вследствие этого Больё покинул и эту крепость, 2 мая переправился у Валенцы через По, разрушил мост через эту реку и с главной армией занял позицию позади р. Конии близ Валеджио и Лумелло, с тем чтобы защищать в этой местности не По, а Конию; левое крыло под командой генерала Россельмини стало у Соммо на дороге, идущей от Вогеры на Павию между По и Тичино; аванпосты правого крыла стояли на Лезии, аванпосты левого — на По, а наблюдение за этой рекой до Олоны было поручено отдельному, выдвинутому на фланг, отряду.

Правда, эта позиция не отвечала ни одной из тех задач, какие стояли перед австрийским полководцем.

Фронтом она была обращена на запад, откуда неприятель не мог появиться, фланг и тыл опирались на нейтральную территорию, на нейтральность которой Бонапарт не обратил бы внимания. Очевидно, выбор этой позиции был основан на предположении, которому сам Бонапарт подал известный повод, — что он переправится у Валенцы.

Но так как на этой позиции главные силы австрийцев численностью в 20 000 чел. были сосредоточены между Лумелло и Соммо на протяжении не более 4 миль, а позиция, занимавшаяся до 6 мая главными силами французов, между Алессандрией и Вогерой, несомненно, более всего угрожала По выше впадения в него Тичино, — то нельзя признать выбор австрийской позиции безусловно ошибочным. Пожалуй, предпочтительнее была бы центральная позиция у Павии, потому что таким образом более длинный участок По оказался бы прикрытым и Тичино заменило бы Конию.

24. Переправа Бонапарта через По

Бонапарт включил в условия перемирия право перейти через По у Валенцы лишь для того, чтобы ввести в заблуждение Больё. Ведь ясно было: чем дальше на восток Бонапарт предпримет переправу, тем дальше назад будет вынужден перенести театр военных действий его противник и тем большее число стекающих с Альп потоков сам он обойдет. Будучи сильнейшим, будучи победителем и предписывая законы противнику, он располагал этой возможностью. Однако такому обходному движению были положены известные границы. Бонапарт не мог дойти до Адриатического моря и там осуществить свою переправу, чтобы тем самым сразу заставить австрийцев перебраться на тот берег Эча. Так как ему все же пришлось бы остановиться на своем пути против Мантуи, то, ввиду значительной близости австрийцев, он не мог смотреть на Миланскую область, как на действительно завоеванную провинцию. Если бы он имел возможность сразу прогнать австрийцев за горы, то эта область сама собой оказалась бы в его руках, но при тогдашних обстоятельствах этого быть не могло: французам еще надо было в нее фактически проникнуть, прогнать австрийские гарнизоны и военные учреждения, кое-где еще удержавшиеся в ней, блокировать Миланскую цитадель и крепость Пичигетоне и во время своего продвижения организовать там свой тыл (театр войны). Если бы они этого не сделали, так сказать, «по пути», одновременно ведя через эту провинцию свое наступление, им пришлось бы специально выделять для этого особые отряды, что, безусловно, является злом. Следовательно, это ограничивало обход австрийского театра войны с левого фланга.

Еще другое соображение ставило такой предел, и даже в большей мере. Так как По представляет значительную водную преграду, а французская армия хотя и обладала личным составом понтонного парка, но не располагала самыми понтонами, т. е. средствами переправы через реки (за исключением тех, какие можно было найти на месте), то понятно, что крайне важно было осуществить переправу без боя, следовательно, в таком пункте, где не оказалось бы крупных неприятельских сил. Чтобы обеспечить себя в этом отношении, Бонапарт решил, вместо того чтобы двинуться со всей своей армией вправо вниз по течению По,

задержать при помощи демонстрации неприятельскую армию на том месте, где она ожидала переправы и к отражению ее подготовилась, а тем временем сперва овладеть переправой посланным вниз по реке отрядом, после чего быстро последовать туда же со всей армией. Это еще более ограничивало стратегический обход, потому что, чем дальше отстояло бы от обеих армий место переправы, тем меньше можно было рассчитывать на то, что эта переправа застанет противника врасплох.

Руководствуясь этим последним соображением, Бонапарт не решился даже спуститься до Кремоны, хотя это и дало бы ему преимущество обойти р. Адду и пересечь главную дорогу на Мантую, проходящую как раз через Кремону, а избрал местом переправы Пьяченцу. К этому выбору его склонили местные условия, которые в подобных случаях всегда имеют решающее значение.

Таким образом, французский полководец осуществил свою переправу по мотивам, согласным с самыми простыми и исчерпывающими стратегическими принципами, и, конечно, нет никакого сомнения, что, если и не в этой форме, все же эти принципы рисовались его уму, когда он принимал свое решение.

Многие читатели могут подумать, что нельзя было не принять в соображение и той опасности, которая грозила французской операционной линии при полном отходе французской армии вправо, если бы Больё начал действовать против нее со стороны Павии. Вполне возможно, что на решение французского полководца повлияло и это соображение, хотя мы, с своей стороны, не можем с ним согласиться. Операционной линии австрийцев, благодаря их расположению, грозила такая же опасность, как и французской, но французская армия, располагая и материальным и моральным превосходством, держала в своих руках и решение, а потому косое расположение австрийской операционной линии могло оказаться выгодным лишь для одних французов. Где же будет конец рассуждениям, если позволить себе односторонне снова и снова возвращаться к отдельным равенствам положений, не задаваясь вопросом — что же в конце концов явится решающим моментом?

Вскоре после заключения перемирия, в первых числах мая, Бонапарт двинул свои войска в область Алессандрии и Тортоны. Лишенные более подробных сведений, мы знаем лишь, что 4 мая французские войска были расположены следующим образом:

Серюрье — Алессандрия и Валенца;

Массена — Тортона и Сале;

Ожеро — Кастелланио;

Лагарп — Вогера, с авангардом в Кастеджио.

Такое расположение, несомненно, угрожало переправой через По в районе Валенцы. Одна лишь дивизия Лагарпа с ее авангардом словно готовилась к прыжку, но, собственно, угрожала лишь местности, расположенной ниже Павии.

И вот, 6 мая этот прыжок был сделан: Бонапарт во главе 3 000 гренадер и 1 500 всадников пошел форсированным маршем на Пьяченцу, достиг ее 7-го и на лодках, собранных на правом берегу По, переправился через реку. На том берегу реки стояли два эскадрона австрийской кавалерии, которые вскоре удалось отогнать.

Быстро последовала вся армия за этим авангардом; часть ее достигла места переправы еще 7-го, но, за недостатком перевозочных средств, ей потребовалось 3 дня — 7-е, 8-е и 9-е — для завершения переправы.

25. Бой под Фомбио 8 мая

Уже 4 мая продвижение французов на Вогеру привлекло внимание Больё к опасности, грозившей его левому крылу; тут начинается ряд перемещений и выделений отдельных отрядов, производимых Больё, на которые надлежит смотреть, как на оборону линии По в собственном смысле этого слова. Кризис этой обороны разразился боем под Фомбио 7 и 8 мая, результатом которого была потеря линии По.

Всего лучше, если мы изобразим эти события в хронологическом порядке.

4 мая, получив сообщение о движении вправо головной части французов у Кастеджио, Больё посылает генерала Липтая с восемью батальонами и восемью эскадронами к Бельжиозо, куда последний прибывает 5-го и занимает берег По до впадения в него Ломбро.

6 мая Липтай доходит до Порто Морена, проходя недалеко от По, посредине между реками Ломбро и Олона. Сам Больё идет к Групелло, с тем чтобы отступить за Тичино. Он посылает Колли с четырьмя батальонами и двумя эскадронами в Буффалора.

Вукасович идет на Валеджио.

Посылка отряда к Буффалора ничем не мотивируется, кроме неясно выраженного желания прикрыть Милан. А в результате армия Больё растянулась уже на 12 миль.

7 мая Больё идет к Павии (на Тичино), останавливается там на несколько часов, а затем с семью батальонами и двенадцатью эскадронами направляется к Бельжиозо, что составляет переход в 5 миль. Следовательно, он должен был уже знать не только о выступлении авангарда, но и о походе дивизии Лагарпа на Пьяченцу.

Зеботтендорф остается в Павии с шестью батальонами и шестью эскадронами, чтобы спасти магазины, что ему, однако, не удается.

Вукасович следует за главной армией до восточного берега Тердоппо.

Липтая Больё выдвигает между рр. Ломбро и Аддой.

Чтобы поддержать Липтая, Больё посылает полковника Вецеля до Корте Олона.

В этот день главная австрийская армия, за вычетом отряда, отправленного в Буффалору, растянулась на 8 миль, а именно, от окрестностей

Фомбио, куда направляется Липтай, до р. Тердопио, и распадалась на пять отрядов — Зеботтендорфа, Вукасовича, Липтая, Больё и Веделя,— хотя приближался решительный момент.

Как мы видели, 7 мая Бонапарт переправился с авангардом через По у Пьяченцы, Лагарп тут же последовал за ним. Два эскадрона, на которые он наткнулся, были головной частью Липтая. Этот генерал, во главе своего отряда силой в 8 000 чел.[1], получил 7-го же на пути к Ломбро донесение о первой переправе французов; он поспешил вперед и у Гуардо Милио, в нескольких часах от места переправы по направлению к Кастель Пустерленго, наткнулся на головную часть французов, которую после упорного боя, длившегося до самой ночи, оттеснил почти к самой реке.

Опасаясь, как бы не столкнуться с превосходными силами, генерал Липтай ночью отходит назад до Фомбио.

Если генерал Липтай действительно располагал отрядом в 8 000 чел., как то ему приписывает при его отступлении австрийский источник, то крайне сомнительно, чтобы к этому времени силы французов на левом берегу По могли значительно превосходить это число. Впрочем, весьма вероятно, что, согласно французской поговорке: tel maître, tel valet[2], этот генерал выделил много отрядов, хотя значительно себя ослабить он, конечно, не мог, если хотел решительной атакой окончательно разгромить французов, которые, без сомнения, дрались бы до последней крайности.

8 мая в 1 час дня Бонапарт выступает против Липтая тремя колоннами, из которых одна отрезает последнего от Больё и Казаль Пустерленго, другая — от Кодоньо и Пичигетоне, а третья должна атаковать его с фронта. Силы французов, вероятно, достигали 10 000—12 000 чел. После оживленного боя, в котором Липтай теряет 600 чел., он, опасаясь быть отрезанным от Пичигетоне, куда он должен был отступить, начинает отходить на Кодоньо, причем ему уже приходится местами силой пробивать себе путь через отдельные неприятельские отряды.

Лагарп следует до Кодоньо, д'Аллеманъ с гренадерами — до Пичигетоне, а Бонапарт отходит назад до Пьяченцы. Тогда корпус Липтая почти окончательно распадается: три батальона оказались настолько отрезанными во время боя, что вынуждены были отойти обратно к Лоди; три батальона и пять эскадронов, согласно ранее полученным распоряжениям, он посылает вперед в Казаль Маджиоре, где дорога между Мантуей и Пармой пересекает По, а два батальона и три эскадрона он оставляет при себе у Пичигетоне.

---

[1] Так категорически говорят австрийские источники, хотя трудно себе представить, чтобы восемь батальонов и восемь эскадронов могли в это время еще иметь такое число людей в наличности.

[2] Точный перевод: каков хозяин, таков и слуга; приблизительно соответствует русской поговорке: каков поп, таков и приход. — Прим. перев.

В этот день Больё намеревался продвинуться на расстояние нескольких часов хода от Бельжиозо до Санта Кристина, чтобы из этой центральной позиции иметь возможность поддержать стоявшего направо Зеботтендорфа, а налево — Липтая; он хотел выступить лишь после раздачи солдатам обеда. Однако, получив в течение утра известие о бое, происшедшем 7 мая, он с девятью батальонами и двенадцатью эскадронами выступает на Оспедалетто, отстоящее от Бельжиозо на расстояние около 4 миль по дороге на Кремону и всего лишь в 1 миле от Казаль Пустерленго. Следовательно, он выступил почти в то самое время, когда в 6 милях от него генерал Липтай был атакован и разбит в том бою, который мы в праве считать, в сущности, решающим. Генерал Больё полагает, что еще не настало время подтянуть к себе отряды Зеботтендорфа и Колли: повидимому, он все еще опасается, что французы, переправившись через Тичино, пойдут на Милан, и считает, что, соединившись с Липтаем и располагая 13 000—14 000 чел., он достаточно силен для того, чтобы снова отбросить за По все те войска, которые успели переправиться у Пьяченцы.

На пути к Оспедалетто Больё еще следующим образом дробит свои силы: он посылает

1 батальон — на Сенне,
1 » — на Сомальо,
2 батальона — на Фомбио,
2 » и 4 эскадрона — на Кодоньо,
3 » и всего 8 эскадронов остаются при нем в Оспедалетто.

Цель столь удивительного разъединения указана в австрийском повествовании в следующих словах: «В целях обеспечения правого крыла со стороны По и подготовки общего наступления, эти батальоны должны поддержать и подкрепить корпус генерала Липтая, где бы они его ни нашли».

Вечером в Оспедалетто Больё получил запоздавшее донесение Липтая, что он все еще стоит в Фомбио и отразил атаки противника. Но еще позже в тот же вечер патрули принесли известие, что Липтай разбит и неприятель занимает Кодоньо. Тогда Больё принимает решение — 9-го на рассвете пробиться на соединение с Липтаем. Между тем, генерал Шубиртс, командовавший, повидимому, двумя отправленными в Кодоньо батальонами и находившийся с ними и двумя эскадронами кавалерии поблизости от Кодоньо, составляя, таким образом, как бы авангард Больё, попытался атаковать ночью дивизию генерала Лагарпа. Попытка эта увенчалась успехом, но удар, как кажется, был нанесен лишь ее аванпостам. Австрийцы уверяют, что при этом они захватили 6 орудий, о чем французы не упоминают. Генералу Шубиртсу не удалось окончательно овладеть Кодоньо, и 9-го утром ему пришлось отступить на Казаль Пустерленго. Во время этого ночного боя генерал Лагарп был случайно подстрелен собственными солдатами.

Весть об этом удачном налете генерала Шубиртса еще более укрепила Больё в его намерении перейти в наступление. Он послал Липтаю, Шубиртсу и Питтони приказ, чтобы они в 3 часа утра атаковали со всех сторон противника, стоявшего в Фомбио и Кодоньо. Однако скоро Больё убедился, что ни один из посланных им офицеров уже не мог проникнуть к Липтаю, что побудило его отказаться от дальнейшей мысли о сопротивлении и думать исключительно об отводе своей армии за р. Адду. Он послал приказ Колли пойти через Милан, снабдить его цитадель гарнизоном и переправиться через Адду у Кассано, Зеботтендорфу же — подтянуть к себе отряд Вукасовича и спешно отойти на Лоди, куда сам он выступил 9-го рано поутру.

9-го мая Бонапарт оставался со своей армией на месте. У него еще не было моста через По. Этот мост был закончен постройкой лишь 10-го. Сам же он занялся переправой своей кавалерии и артиллерии.

Эта приостановка в движении Бонапарта дала возможность Больё со своими собственными отрядами (ибо так приходится называть его всегда раздробленный главный корпус) достигнуть Лоди без дальнейших потерь, а также подтянуть к себе через находившийся мост Зеботтендорфа и Вукасовича.

Бонапарт же воспользовался этим днем передышки, 9-го мая, чтобы навязать герцогу Пармскому трактат, — хотя он и не воевал с Францией, — по которому на него наложена была контрибуция в 2 миллиона.

26. Бой под Лоди 10 мая

10 мая Бонапарт выступил на Лоди во главе гренадер, за которыми шла дивизия Массены. Несколько позже за ними двинулся и Ожеро.

Дивизия Лагарпа, командиром которой временно был назначен генерал Менар, осталась у Пичигетоне; дивизия Серюрье пошла на Павию, чтобы окончательно овладеть этим городом, а оттуда двинуться на Милан.

Больё был настолько далек от мысли удержаться за Аддой, что уже 10-го вечером он с шестью батальонами и десятью эскадронами выступает на Крему, а четыре батальона и четыре эскадрона, под командой генерала Шубиртса, оставляет в Лоди, чтобы дождаться Зеботтендорфа и затем последовать за ним на Крему.

Около 11 час. 10 мая прибыли последние войска Зеботтендорфа, и теперь, после ухода Шубиртса, пост в Лоди состоял из 12 батальонов и 16 эскадронов — всего 12 600 чел. [1]

[1] И эта цифра, взятая из австрийского источника, представляется нам непонятной, ибо тот же источник определяет к маю общую численность австрийской армии, состоявшей из 35 батальонов и 44 эскадронов, всего лишь в 26 000 чел. Здесь заключается явное противоречие, которое тем более нас удивляет, что приведенные данные почерпнуты нами из австрийских военных актов.

Распределение австрийских войск к 10 мая было следующее:

12	батальонов	и	16	эскадронов	у Лоди
10	»	»	14	»	» Кремы
2	»	»	3	»	» Пичигетоне
3	»	»	5	»	» Казаль Маджиоре
4	»	»	2	»	» Кассано
Итого . . .	31	батальон	и	40	эскадронов

Так как австрийская армия к этому времени состояла из 35 батальонов и 44 эскадронов, то нехватает еще 4 батальонов и 4 эскадронов, применение которых не указано в австрийском источнике.

Зеботтендорф должен удержаться на Адде по крайней мере 24 часа, чтобы дать возможность войскам найти, хотя бы на один день, надежную позицию, где они могли бы отдохнуть от своих форсированных маршей. Он поручил трем батальонам кроатов при 14 орудиях защищать мост через Адду. Пять батальонов и кавалерия были поставлены несколько позади в качестве резерва.

Три батальона посланы были на Кредо, на расстоянии часового перехода ниже Лоди, где имелась переправа (вероятно, паром или брод).

Кроме того, один батальон и два эскадрона были оставлены в Лоди, на той стороне моста, чтобы встретить Вукасовича.

Кто бы мог подумать, что при таком построении боевому престижу австрийской армии будет нанесен беспримерный в истории удар!

7 000 чел. при 14 орудиях, выставленных для обороны одного единственного моста длиной в 300 шагов, перекинутого через не переходимую в брод реку! Кто бы не признал такой пост неуязвимым!

Для военной истории является истинным позором, что нам почти ничего не известно ни о ближайших обстоятельствах этого боя, ни о деталях местности, где он происходил, в то время как этот бой представляет из ряда вон выходящее событие. Между тем, в условиях местности и в ближайших подробностях организации боя мы можем найти ключ к этой загадке, и тогда, надо полагать, исход его уже не будет казаться таким невероятным.

Вукасович со своим арьергардом, повидимому, благополучно дошел до моста у Лоди и перешел через него, хотя неприятель и сильно на него наседал.

Также один батальон и два эскадрона, стоявшие на правом берегу Адды, отступили благополучно, причем неприятель не настолько близко следовал за австрийцами, чтобы по их пятам прорваться через мост. Австрийская артиллерия еще внушала французам некоторый страх. Одного только не успели сделать в этих условиях: заранее сломать хотя бы часть моста, что, впрочем, казалось невыполнимым, да и ненужным.

Бонапарт из того, что ему пришлось выдержать бой с батальоном, построенным при входе в город, заключил, что мост не разрушен; он лично поспешил ко входу на мост и велел немедленно под жестоким картечным огнем подвезти к нему два орудия, находившиеся при его авангарде, и поставить их вплотную у моста (вероятно за прикрытием), чтобы помешать его разрушению.

На некоторых участках городского вала были поставлены внушительные батареи, обращенные фронтом к мосту. Тут французская артиллерия открыла убийственный огонь по австрийским орудиям, стоявшим без прикрытия, а потому, повидимому, сильно от него пострадавшим. Это заставило австрийцев отодвинуть назад свои орудия, чтобы вывести их из-под самого действенного обстрела картечью.

Такое положение длилось несколько часов, а именно (согласно мемуарам Бонапарта) до 5 час. пополудни; все это время шла артиллерийская перестрелка.

Наконец, Бонапарт решил взять мост штурмом. Единственное облегчение этой атаки заключалось в том, что генералу Бомону было поручено с частью кавалерии переправиться вброд у Моцаники, на расстоянии получасового перехода выше Лоди, и обстрелять своей артиллерией правое крыло австрийцев. Однако эта переправа оказалась более трудной, чем предполагал Бонапарт; генерал Бомон не мог принять действительного участия в бою; впрочем, можно думать, что известие о такой попытке вызвало некоторое замешательство среди австрийских войск.

Бонапарт велел построить 3 500 гренадер густой колонной, скрыв их за городским валом там, где этот вал находился совсем близко от австрийских орудий, даже ближе (как утверждает Бонапарт), чем самые австрийские войска. Едва он заметил, что огонь их орудий несколько ослабел, он приказал колонне броситься вперед и быстро кинуться на мост.

Сперва колонна приостановилась, но тотчас же несколько генералов стали во главе ее; они возбудили энтузиазм войск и беглым шагом ворвались на мост. Однако на середине его произошла новая заминка, ибо толпа застрельщиков спустилась с моста на воду: они заметили, что вторая половина реки почти совсем пересохла. Застрельщики быстро развернулись широким фронтом и облегчили колонне выход с моста [1].

---

[1] Рассказ, заимствованный из книги Жомини «Итальянская кампания генерала Бонапарта 4-го и 5-го годов, составленная офицером генерального штаба», — не что иное, как донесение Бонапарта Директории (ч. VIII, стр. 125), которое гласит следующее.

«Эта грозная масса гренадер со вторым батальоном карабинеров во главе бросилась ко входу на мост. Изрыгаемая из 20 орудий и врывающаяся в их ряды картечь вызвала на мгновение среди них колебание, и так как сужение прохода могло превратить это колебание в замешательство, то генералы стали во главе войск и своим воодушевлением увлекли их за собой. Дойдя до середины реки, французские солдаты заметили, что другая половина реки была не только не так глубока, как первая, но

Это описание, заимствованное из донесения Бонапарта о сражении, темно и даже несколько противоречиво. Сейчас мы не в состоянии выяснить фактическую сторону дела; более точные сведения о характере местности, может быть, дадут нам возможность сделать это впоследствии; очевидно, некоторые особые свойства местности облегчили это предприятие. Во всяком случае не подлежит сомнению, что, благодаря ряду неудач, моральные и физические качества пехоты и артиллерии австрийцев значительно понизились и что напуганные беспримерной смелостью предприятия австрийские солдаты в данном случае не выполнили своего долга.

За колонной гренадер последовала дивизия Массены, а за ней — только что подоспевшая дивизия Ожеро; австрийские батальоны были без труда оттеснены и орудия их взяты.

Зеботтендорф собрал свою пехоту у Фонтаны под прикрытием 20 эскадронов кавалерии и отступил в некотором порядке до Бенцоны на полпути к Креме, а затем ночью прибыл в Крему, потеряв 15 орудий и 2 000 чел.

Французские дивизии сравнительно мало его беспокоили во время отступления, частью из-за недостатка в кавалерии, которой при них было очень мало, частью по причине усталости, что не вполне понятно, так как между Пьяченцей и Лоди всего лишь 4½ мили и большинство войск переправилось через По еще 7 и 8 мая.

27. Разбор событий. Больё

Этим так называемым сражением при Лоди временно заканчиваются военные действия Бонапарта против австрийской армии, причем он не следует за ней, а, как мы увидим ниже, обращается к другим делам.

Теперь мы хотим изложить некоторые соображения по поводу событий, происшедших после перемирия.

Еще в § 21 мы высказали мысль, что лучше было бы, если бы австрийскую армию сразу отвели за Минчио. Легко понять, что это не было сделано потому, что из Вены не поступало в этом смысле приказа, а простой генерал в положении Больё едва ли мог взять на себя ответственность добровольного очищения Миланского герцогства.

Что же касается занятия им позиции позади Конии близ Валеджио, то эта мера ни с какой точки зрения оправдана быть не может. Главнейшие соображения, которые должны были руководить им при выборе позиции, заключались в следующем: возможно дольше прикрывать Милан

что ее легко было перейти, не замочив ног. Тотчас туча застрельщиков незаметно спускается с моста и, проявив не меньше догадливости, чем мужества, бросается на противника, чтобы облегчить наступление колонне. Ободренная этой помощью, она с удвоенным жаром и уверенностью бросается беглым шагом на мост, перебегает через него, атакует и опрокидывает первые ряды Зеботтендорфа, захватывает его орудия и рассеивает его батальоны и т. д.»...

и в то же время, по возможности, сохранить путь отступления на Минчио и, главное, дорогу на Мантую. А так как он никак не мог думать, что территория Пармского герцогства обеспечивает его левый фланг (а дорога на Мантую проходила именно на его левом фланге и притом весьма близко от По), то поэтому линия По от впадения в нее Тичино вниз должна была являться его главной оборонительной линией, между тем как течение По выше впадения Тичино должно было рассматриваться как менее угрожаемое неприятелем и для Больё менее опасное. А так как он избрал для себя в качестве оборонительной линии не только линию выше впадения Тичино, но и, вместо По, реку Конья, то уж лучше было бы, если бы он избрал вместо того Тичино, т. е. с главными силами занял позицию у Павии. В таком случае, если бы французы, повернув на север, пошли на Милан, то, располагая кратчайшим путем, он мог бы преградить им дорогу, если бы почел это целесообразным, а если бы они повернули на восток, чтобы пойти вниз по течению По, он мог бы при наличии дороги на Мантую, идущей параллельно течению По, при ширине этой реки в 700—800 шагов и при недостатке у французов собственных средств для переправы, питать до известной степени надежду удержать линию По.

Мы говорим «до известной степени», ибо мы должны определенно поставить себя в положение Больё. Он располагал 26 000 чел., силы же своего противника он должен был расценивать в 40 000, так как, хотя в первое время никаких подкреплений от Альпийской армии прибыть еще не могло, все же самая ее близость давала Бонапарту возможность держать свои войска более сосредоточенно. Правда, австрийцы определяли силы французов в Альпах и в Апеннинах в 80 000 чел., и не без основания, как мы это показали в § 1, поэтому не было никакого преувеличения полагать, что в первых числах мая Бонапарт может переправиться через По во главе сорокатысячной армии. А превосходство сил на две пятых, разумеется, дает возможность полководцу облегчить себе переправу при помощи действенных демонстраций.

Французские войска находились в самом разгаре побед и удач; во главе их стоял молодой, талантливый, горячий генерал; можно было наперед сказать, что он приступит к делу с чрезвычайной дерзостью и энергией. Следовательно, в деле обороны По отпадал как раз тот фактор, который, при обычной обороне реки, играет, пожалуй, первостепенную роль, именно: боязнь наступающего, как бы самому не попасть в опасное положение, а это для заурядных осторожных генералов обычно служит сдерживающим началом, которое останавливает их перед решительными действиями.

Поэтому, видя Больё, стоящего позади такой реки, как По, мы не должны утверждать, что раз Катина и Вандом с успехом вели оборону такой реки против принца Евгения Савойского (в 1691 г.), то и Больё должен быть в состоянии это выполнить против Бонапарта.

Наконец, хотя австрийская армия, в сущности, и не потерпела поражения ни в одном генеральном сражении, все же ряд постигших ее неудач сильно понизил ее моральный уровень и, главное, окончательно подорвал в ней всякое доверие к своим генералам.

Если принять во внимание все эти обстоятельства, то нельзя не признать, что, предприняв оборону По, Больё оказался в крайнем затруднении, ибо если бы он при этом потерпел неудачу, то рисковал бы попасть почти в безвыходное положение.

Если самая оборона По была опасным делом и если выбранная позиция у Валеджио была с самого начала не из удачных, то способ, принятый Больё для осуществления этой обороны, т. е. все его передвижения, начиная с 4 мая, еще менее могли привести к успешному завершению этого предприятия.

Мы позволим себе привести здесь несколько общих соображений относительно обороны большой реки.

Непосредственная оборона значительной водной преграды, какую представляют первоклассные европейские реки в последней трети их течения, не является такой невыполнимой задачей, как то многие утверждают. Под непосредственной обороной я разумею такую оборону, когда неприятельской армии препятствуют переправиться в полном ее составе и когда она подвергается нападению раньше, чем начнется ее переправа, и раньше, чем мост будет наведен. При этом речь идет не об обороне самого берега, которая, впрочем, частично может происходить при наличии особых условий местности, но не характеризует всей операции. Непосредственная оборона, как мы только что ее определили, всегда приводит к сражению или, по крайней мере, к серьезному бою между крупными частями обеих армий, если неприятель осуществляет свою переправу. Единственная роль реки в таком случае заключается в том, что она в этом бою дает обороне перевес в отношении более выгодной обстановки. Таким образом, вся организация обороны должна быть построена на этом, а так как на больших реках достижение такого перевеса удается не так уж редко, как мы увидим в дальнейшем, то страх перед таким невыгодным соотношением и является тем, что удерживает противника от попытки переправиться через реку, и этот-то страх является в большинстве случаев причиной удачной обороны рек. Итак, если история войн знает столь мало примеров удачных оборон крупных рек, то это лишь оттого, что к ним не причисляют те обороны, которые произошли без шума, незаметным образом.

Мы утверждаем: нередко бывает, что при обороне реки соотношение сил в решительном бою так выгодно складывается для обороняющегося, что он всегда предпочтет этот исход всякому решительному сражению в открытом поле, лишь бы известные величины были в должном соответствии. Эти величины заключаются в численности нашей армии, в длине обороняемой линии реки, в ширине этой реки, в наличных сред-

ствах переправы. Если бы мы имели возможность прибыть с 20 000 чел. на любой пункт обороняемой линии раньше, чем противник переправит там 10 000 чел., то задача была бы разрешена.

Чтобы по возможности приблизиться к этой цели, обычно, как нам кажется, избирают неправильный путь.

Главные силы располагают в 3 или 4 милях от реки, позади ее, между тем как, по нашему убеждению, их следует придвигать как можно ближе к ней; далее, их раздробляют на множество мелких отрядов, мы же полагаем, что они должны оставаться соединенными в такие крупные корпуса, какие только дозволит результат подсчета. Тот и другой ошибочный прием вызывает потерю времени, а ведь все сводится здесь к тому, чтобы выиграть время.

Атакующий, несомненно, всегда так выберет место переправы, чтобы перевозка в лодках его первого авангарда не встретила чрезмерных затруднений; поэтому обороняющийся не должен придавать особого значения этому первому акту всего предприятия. Раз это так, то совершенно очевидно, что если атакующий начинает с того, чтобы при выборе места переправы поразить нас неожиданностью и, следовательно, выиграть у нас время, то этот первый момент является наиболее выгодным для него. Но с той минуты, как мы узнали, где он совершает переправу, и до окончания постройки моста это преимущество будет постепенно уменьшаться, так что с каждым последующим мгновением отношение между сторонами изменяется в нашу пользу. Поэтому отнюдь не в интересах обороняющегося иметь в первую же минуту или как можно раньше какие-либо войска на месте переправы,—наоборот, для него выгоднее всего иметь их как можно больше во второй критический момент, переживаемый атакующим. Этим устраняется всякая мысль о раздробленном расположении сил обороняющегося у реки, ибо маломальски знакомому с военным делом известно, какую огромную потерю времени представляет сбор рассеянных мелких отрядов и как трудно ожидать успешного совместного действия от частей, собранных с разных пунктов, где они стояли.

Имея 20 000 чел., сосредоточенных на одном пункте и предназначенных для обороны известного участка реки, мы знаем наверняка, что за 6 или 8 час. мы попадем к месту переправы, если оно находится на расстоянии примерно 3 миль от места расположения наших сил, и что последние будут действовать в бою дружно и без особых недоразумений.

Поэтому из сил, которые предназначены для решающих действий, не должно быть выделено ни одного отряда, кроме легких наблюдательных цепей, составленных из кавалерийских разъездов, численность которых должна быть настолько ничтожна, чтобы отсутствие их во время боя не было чувствительно.

Расположение оборонительного корпуса у самой реки представляет следующие преимущества: во-первых, придется проходить более короткое расстояние — по катету, а не по гипотенузе, во-вторых, дороги, идущие вдоль реки, вверх и вниз по течению, обычно бывают лучше тех, которые идут перпендикулярно к ней, и, в-третьих, наблюдение за рекой осуществляется гораздо успешнее, так как начальники находятся тут же, на месте, и собственными глазами видят, что происходит на ней. Нет надобности и в выдвинутой вперед цепи аванпостов, так как сама река будет ограждать нас от опасностей.

Чтобы узнать, насколько сильны должны быть отдельные корпуса, на которые делится армия, или, что то же самое, как малочисленны могут быть эти корпуса, надлежит уяснить себе вопрос, сколько времени потребуется наступающему, чтобы построить мост, и сколько сил ему удастся переправить при помощи имеющихся в его распоряжении перевозочных средств за это время.

Дело в том, что время, потребное для постройки неприятелем моста, определяет то расстояние, на котором могут быть размещены наши корпуса один от другого. Разделив всю длину линии речной обороны на это расстояние, получим число отдельных корпусов, а следовательно, и численность каждого из них; если же мы сравним эту численность каждого корпуса с количеством войск, какое атакующий может переправить во время постройки моста какими-либо иными средствами, то это укажет нам на то, чего мы можем ожидать от обороны реки.

Если время, потребное для постройки моста, равняется не менее чем 36 часам, а крупных рек, на которых можно было бы построить мост в более короткий срок, найдется немного, то корпуса, предназначенные для обороны реки, могут каждый легко взять на себя оборону участка в 6—8 миль длиной, а следовательно, и стоять друг от друга на таком расстоянии.

Ибо если корпус стоит на середине этого пространства, то под его наблюдением находится справа и слева по 3—4 мили, которые он может пройти в 8—10 часов; если к этому времени добавить еще 6—8 часов на потерю времени из-за ночной темноты и столько же на доставку извещения о начавшейся переправе, то корпус может прибыть на место переправы через 24 часа, т. е. за 12 часов до окончания постройки моста. Итак, если оборонительная линия реки равняется приблизительно 20 милям, то для обороны ее требуется три корпуса, и если численность армии достигает 50 000 чел., то, за вычетом наблюдательных отрядов, сила корпуса будет равняться 16 000 чел.

Между тем, если часть перевозочных средств на реке будет заранее увезена или уничтожена, то уже наверное лишь в редких случаях неприятелю удастся переправить такое количество войск за 24 часа и во всяком случае без артиллерии и кавалерии. Всего вероятнее, обороняющийся найдет на своей стороне реки от 10 000 до 12 000 чел. неприятель-

ской пехоты с ограниченным количеством артиллерии и кавалерии и без моста.

Правда, мы здесь не приняли в расчет демонстративных атак; но, во-первых, на больших реках и при недостатке в перевозочных средствах такие демонстрации чрезвычайно затруднительны и мало действенны, а, во-вторых, так как при такой организации каждому корпусу отведен свой участок, то демонстрация не так опасна, ибо если один из корпусов и направится к месту демонстративной атаки, то соседний всегда поспеет к действительной переправе.

Итак, если в самых обыкновенных условиях 50 000 чел. в состоянии оборонять реку на протяжении 20 миль, то это составляет уже немаловажное стратегическое достижение.

Если применить все вышесказанное к генералу Больё, то вывод получается простой. С того момента, как французская армия начала продвигаться вправо, он должен был остаться с половиной армии у Павии, чтобы не терять из виду и Тичино, о котором, собственно говоря, нечего было особенно беспокоиться, а генерала Липтая послать не с отрядом, а с другой половиной армии в 12 000 чел. к Порте Морена. Тогда этот генерал имел бы возможность дать 7 мая бой переправившимся французам с этими 12 000 чел., а сам Больё со всеми своими силами — 9 мая поутру. Так как в то время у французов моста еще не было и переправа на лодках еще не была закончена, отчаянная атака могла бы привести к блестящему успеху, который загладил бы все предшествующие неудачи.

Если результат оказался все же более благоприятным для Больё, чем мы допускали при общем обзоре его положения, то причина заключалась в том, что Бонапарт в действительности располагал не 40 000, а лишь 30 000 чел. Главная ошибка Больё заключалась в неслыханном раздроблении его сил от Буффалоры до Казаль Маджиоре. В данном случае он сделал то, что, впрочем, случается весьма часто: он принял оборону По и Тичино за цель, в то время как она была лишь средством к тому, чтобы дать сражение или крупный бой при благоприятных условиях. Если бы у французов действительно возникла мысль растянуться до одного из этих фланговых пунктов, то, преследуя вышеуказанную цель, Больё, занимая центральную позицию, оказался бы лишь в более выгодном положении.

Бонапарт в своих мемуарах высказывает мысль, что Больё следовало бы у Страделлы, т. е. несколько ниже Павии, поместиться à cheval (верхом) на реке, т. е. построить два моста с сильными предмостными укреплениями. Бонапарт воображает себя на месте Больё и притом сохраняет за собой все превосходство своих сил. На месте Больё он последовал бы за противником, если бы последний вздумал пойти на Пьяченцу, точно так же, как он это сделал в долине Бренты. Бонапарт говорит, что в этом случае он не решился бы переправиться через реку ниже Страделлы, опасаясь быть атакованным с тыла. Однако нам сдается, что

Бонапарт в своей жизни отваживался на гораздо более рискованные предприятия.

Больё, который уже не решался встретиться лицом к лицу со своим противником в открытом поле, с полным правом опасался бы предпринять такую искусственную косвенную оборону реки По, при которой он рисковал быть окруженным и лишиться всякого пути к отступлению. К тому же он ничего не выигрывал бы, воспрепятствовав Бонапарту переправиться ниже Страделлы, так как переправа выше Павии становится благодаря этому гораздо легче; а Больё в то мгновение, когда он принял бы решение пойти на такое предприятие, которое не могло быть выполнено в короткое время, никак не мог знать, в каком направлении лежит пункт, намеченный для переправы французским полководцем.

Так называемое сражение при Лоди и меры, принятые Больё по ту сторону Адды, повидимому, не дают повода к упреку. Позор поражения при Лоди всецело падает на войска, и, может быть, доля ответственности лежит и на частных распоряжениях генерала Зеботтендорфа.

Если генерал Жомини к числу таких ошибок относит помещение одного батальона и двух эскадронов на правом берегу Адды, то нам кажется, что в данном случае он смешивает два разных случая. Когда генерал для упорной обороны какого-нибудь пункта на реке выбирает позицию на неприятельском берегу, это может быть оправдано лишь с одной единственной точки зрения — что он желает устроить для своей армии предмостное укрепление, из которого он намерен впоследствии повести наступление. Но, даже в этом случае, это — мера опасная, и, конечно, лучше было бы, если дозволит время, построить несколько сильных редутов, которые вмещали бы в себе один-два батальона в качестве гарнизона и выполнили бы ту же задачу.

Расположение же на неприятельском берегу во всех других случаях представляет настолько неразумную меру, что, казалось бы, никому не могла даже притти в голову подобная мысль, если бы военная история не являла нам многочисленные примеры такого мероприятия (например, Монтеро, 1814 г.). Однако меру, принятую под Лоди, отнюдь нельзя смешивать с этим случаем. Непостижимо, как человек, сколько-нибудь знакомый с военным делом, может удивляться этой мере или даже признавать ее за ошибку. Если надо подтянуть за собой еще и свой арьергард, то нельзя же ломать мост, а раз мост остается в целости, то можно оставить и воинскую часть впереди его, для того чтобы встретить и принять этот арьергард. Всякий знает, что для прикрытия отступающей по трудному месту,— например, по теснине,— воинской части всегда лучше воспользоваться другой частью, а последняя при своем отходе по мосту встретит не больше затруднений, чем вновь прибывшие войска. Если же можно опасаться, что за этой частью может прорваться по мосту и неприятель, то против этого нужно принять какие-нибудь другие меры. Нигде во всем свете в подобных случаях и не поступали иначе.

28. Бонапарт

В отношении действий французского полководца у нас возникает лишь три сомнения.

Первое — это выбор пункта переправы; в § 24 мы уже указывали, что могло помешать Бонапарту переправиться через По ниже по течению, однако теперь мы снова вернемся к этому предмету, так как тогда нам не хотелось чересчур отвлекаться от изложения событий.

Тех, кто полагает, что переправа у Кремоны вывела бы Бонапарта непосредственно на главную дорогу, ведущую на Мантую, что австрийцы могли бы быть совершенно отрезаны от этой крепости, после чего последняя была бы лишена всяких средств к обороне и быстро должна была бы пасть, и что во всяком случае это сделало бы ненужным безумное предприятие против моста у Лоди, — тех, вероятно, не удовлетворило сказанное нами в § 24.

Поэтому мы должны доказать, что в этих предположениях заключается не одно заблуждение.

Правда, если бы Бонапарт появился в Кремоне раньше австрийцев, они оказались бы отрезанными от Мантуи по прямой ведущей к ней дороге, однако, чтобы окончательно отрезать противника от столь обширной крепости, как Мантуя, надо ее блокировать, т. е. иметь возможность прочно расположиться на обоих берегах. Чтобы дойти до Мантуи самым далеким обходным путем на Брешию, австрийцам потребовалось бы только несколько лишних дневных переходов, а за эти несколько дней французы, конечно, не успели бы переправиться через По, через Олио и через Минчио и осуществить эту блокаду. Таким образом, нечего было рассчитывать на то, чтобы окончательно отрезать Мантую. Кроме того, едва ли Бонапарт мог думать, что он встретится с такими трудностями при переправе через Адду, а потому он полагал, что, находясь в Пьяченце, он не меньше, чем в Кремоне, стоит на дороге в Мантую.

Что Пьяченца от его армии находилась ближе на добрый дневной переход, т. е. на 4 мили, мы уже упоминали. К тому же этот город стоит на правом берегу реки, в то время как Кремона находится на левом, а потому Пьяченца представляла больше средств для переправы; кроме того, Пьяченца расположена на глубокой излучине реки, которая давала серьезную защиту переправившимся дивизиям; наконец, даже после занятия Кремоны, находящееся по соседству Пичигетоне могло доставить немало хлопот. Все эти основания в достаточной мере мотивируют выбор французского полководца, и было бы грубым непониманием штурма позиции у Лоди видеть в нем попытку восполнить ранее упущенное.

Второе сомнение заключается в следующем: нельзя ли было переправиться через Адду в нижнем ее течении и этим не только отрезать австрийцев от Мантуи по прямому пути, но и угрожать их пути через Брешию?

Возможно, что сам Бонапарт и не предполагал, что эта переправа будет трудна. Между тем, понять, в чем заключалась эта трудность, легко, если принять во внимание: что уже в Пьяченце был такой недостаток в средствах для быстрой переправы, что единственная понтонная рота, которая состояла при армии Бонапарта, была ему еще крайне необходима; что, кроме моста в Пичигетоне, не бывшего в распоряжении французского полководца, ниже Лоди не было другого моста и что Адда не такая река, через которую можно было бы переправиться по простому мосту на козлах или на плотах, сколоченных на скорую руку. Кроме того, главная задача Бонапарта, или, вернее, главное его желание, было разбить австрийцев.

8 мая они уже двинулись к нему навстречу со значительными силами через Казаль, поэтому вполне естественно, что и он пошел им навстречу и последовал за ними по дороге на Лоди, когда они стали туда отходить.

Если он не сделал этого уже 9-го, то надо сказать, что еще не все его войска успели переправиться через реку и что мост еще не был готов; в таких условиях для него важнее было выиграть время, чем ускорить решительное столкновение. Наконец, штурм моста у Лоди представляет предприятие, которое, с одной стороны, настолько отступает от обычных приемов, с другой — является настолько немотивированным, что невольно возникает вопрос, можно ли найти ему оправдание или же это невозможно.

Если бы атака Бонапарта была отражена с кровавыми потерями, то все в один голос признали бы ее за сплошную ошибку.

Но как раз достигнутый в данном случае успех предостерегает нас от слишком поспешного суждения и указывает на то, что здесь есть над чем задуматься. Мы тем более не можем пройти без внимания мимо этого боя, что встречаемся в данном случае с элементом войны и, в частности, стратегии, до известной степени в изолированном виде, — элементом, которому, по нашему глубокому убеждению, мы должны придавать величайшую цену: мы говорим о моральной силе победы и о том, как она оказывает свое действие в противоположных направлениях на обе стороны.

Бонапарт опьянен победой, т. е. он находится в приподнятом состоянии надежды, смелости, самоуверенности, благодаря чему его дух подымается над обычными расчетами рассудка. Он видит, как его противник, пораженный ужасом, в страхе и смятении бежит, и в это мгновение для него нет ничего невозможного! Это не дерзкое самомнение, заслуживающее порицания, это не легкомыслие и необдуманность, а это чувство, рожденное насыщением и удовлетворением духа, которое он черпает из того, что он создал собственной деятельностью.

Когда человек видит, как разительно действуют принятые им меры, как неожиданно его идеи объективно оправдываются, в нем возникает естественный энтузиазм к собственной деятельности, к собственному со-

зданию. Такое воодушевление испытывает поэт и художник при удаче своего творения, то же испытывает и полководец, а чем меньше последний при этом поддается самообману, тем сильнее и напряженнее действует на него это воодушевление.

Оно ведет к господству отваги, и вообще чувства, над расчетом. А ведь на войне работают не одним рассудком, и деятельность полководца не сводится к одному расчету. Войну ведет весь человек в целом, а потому он, как таковой, должен входить в теорию войны и подлежать ее критике.

Представим себе, как Бонапарт прибыл к мосту у Лоди в таком настроении; тогда нас не удивит, что он, которому уже многое удавалось против австрийцев, пытается прорваться через мост с 1 000—2 000 храбрых французов, опьяненных вином и речами, напугать противника беспримерной отвагой и под эгидой этого страха сорвать для себя лавры, какими не может похвалиться ни один полководец, ни одно войско. И какое представление о победоносном полководце и его войске создаст в изумленной Европе этот неслыханный подвиг, если он увенчается успехом, и каким ударом будет он для оскудевшего мужеством и духом разгромленного противника!

А какая кара угрожала в случае неудачи? — Потеря 300—400 чел., приглушенная критика нескольких подчиненных генералов и изжитое через несколько дней чувство посрамления.

Предприятие отважного Бонапарта увенчалось полным успехом, и последствия оказались теми самыми, какие мы с ним связали. Бесспорно, никакой боевой подвиг не вызвал такого изумления во всей Европе, как эта переправа через Адду. В связи с этим возгорелся изумительный энтузиазм среди друзей французов и у самого полководца. Однако мы должны судить о моральном значении этого дела не по тому месту, какое оно заняло в последующей критике, а по немедленному его действию.

Итак, когда говорят, что штурм у Лоди стратегически не мотивирован, так как Бонапарт мог получить этот мост на другое утро даром, то имеют в виду только пространственные отношения стратегии. А разве моральные результаты, на которые мы указали, не принадлежат стратегии? Тому, кто в этом может усомниться, еще не удалось понять войну в целом, в ее живой сущности.

Бонапарт в своем донесении сознательно называет этот бой за обладание одним единственным мостом, этот удар, нанесенный одной единственной колонной, — сражением при Лоди, украшенным трофеями, состоящими из 20 орудий и нескольких тысяч пленных. В таком образе весть об этом бое облетела всю Европу, вызывая в одном месте радость и счастье, в другом — стыд и страх, в третьем — беспокойство и осторожность.

Бонапарт так и смотрел на штурм моста у Лоди, он доказал это тем, что, завоевав этот пункт, он дальше не преследовал австрийцев, но про-

был 4 дня близ Лоди, полагая, что сейчас он уже больше ничего не может добиться от Больё, и обратил свои взоры в другую сторону.

29. Бонапарт овладевает Миланской областью

Ожеро со своей дивизией последовал за австрийцами через Крему, Массена по левому берегу Адды пошел на Пичигетоне, Серюрье должен был отказаться от своего похода на Павию, с тем чтобы блокировать Пичигетоне на правом берегу реки; что сталось с прежней дивизией Лагарпа,— неизвестно, вернее всего, что входившие в ее состав войска были распределены между остальными тремя дивизиями — Серюрье, Массены и Ожеро, потому что с этого времени из этих трех дивизий и состояла Итальянская армия.

Больё продолжал отступать через Пичигетоне и Кремону к р. Олио, через которую он переправился 14 мая, заняв ее берег арьергардом, между тем как сам он отошел через Мантую за Минчио.

Пичигетоне с гарнизоном в сотни две человек сдается тотчас после того, как через него прошел Больё (вероятно, 11 мая); из французских дивизий Массена идет прямой дорогой на Милан, Ожеро направляется туда же кружным путем через Павию, а Серюрье остается в Кремоне для наблюдения за австрийцами. Бонапарт признал бесполезным следовать за ними непосредственно до Минчио, так как считал опасным немедленно переправляться через него. Он хотел сперва более прочно закрепить за собой Миланскую область и считал целесообразным показать свою мощь Павии и Милану; первой — потому, что в ней находился знаменитый университет и она имела огромное влияние на общественное мнение, второму же — как столице.

Можно сомневаться в правильности такой мотивировки действий, приводимой самим Бонапартом: непрерывное преследование австрийцев до Минчио и за эту реку не дало бы им возможности остановиться, а это неизбежно повлияло бы и на положение Мантуи.

Если бы и не удалось помешать Больё усилить гарнизон, тем не менее все пришлось бы сделать наспех, и те 14 дней, которые, таким образом, были подарены Мантуе, оказали, вероятно, большое влияние на снабжение крепости продовольствием и на другие мероприятия.

Между тем, было очевидно, что возвращаться в Милан особой надобности не было, и возникшие впоследствии волнения были бы, вероятно, менее серьезны, если бы солдатам не было дано времени грабить население, особенно же, если бы этой остановкой и кажущимся отступлением не подтверждались распускаемые слухи о подходе подкреплений к австрийцам.

Правда, надо сознаться, что сам Бонапарт несет ответственность за нашу критику; ведь мы лишь благодаря ему узнали о той быстроте действий, какую мы от него требуем, а в первых кампаниях она для него самого являлась чем-то новым.

Ожеро должен был итти через Павию, где он занял цитадель гарнизоном в 300 чел., и 14 мая он соединился с Массеной у Милана, куда Бонапарт торжественно вступил 15-го.

Генерал Колли бросил в цитадель этого города гарнизон в 1 800 чел. Осада ее была поручена Бонапартом генералу Депинуа.

В то время как Бонапарт занимался важнейшими делами военного и гражданского управления и заключал договор с герцогом Моденским, войска были расквартированы в окрестностях Милана и впервые с начала кампании в течение восьми дней пользовались отдыхом.

Уже 23 мая они были собраны на Адде, а 24-го, едва сам Бонапарт успел прибыть в Лоди, как пришло известие о вспыхнувшем в Милане волнении.

Грабежи и жестокости, в те времена широко распространенные в рядах французской армии [1], огромные контрибуции и поставки, наложенные на население, и революционная тенденция, угрожавшая разрушением всех установившихся отношений, возбуждали против французов почти всеобщую ненависть как среди знатных, так и среди маленьких людей; французская партия частью очень ослабела, частью была запугана. Духовенство прилагало все усилия к тому, чтобы эта ненависть, разгоревшись, превратилась в действие. Ложные слухи о приближении Конде через Швейцарию, о 60 000 чел. подкреплений, будто бы прибывших к Больё, о высадке англичан в Ницце довершили остальное, так что во многих местах ударили в набат, и французской армии грозило всеобщее восстание в тылу.

Даже в самом Милане наблюдались признаки волнения, а Павия, охваченная настоящим восстанием, впустила в свои стены несколько тысяч вооруженных крестьян, принудила французский гарнизон цитадели сдаться и затем разоружила его.

Бонапарт с батальоном пехоты, 300 чел. кавалерии и шестью орудиями конной артиллерии немедленно отправился в Милан, куда он прибыл 24-го вечером. Здесь спокойствие было скоро восстановлено и обеспечено обычными мерами — расстрелами, взятием заложников и возложением круговой ответственности за своих членов на целые корпорации.

Затем с 1 800 чел. он обратился на Павию, рассеял у Бинаско от 700 до 800 вооруженных крестьян и 26-го подступил к воротам Павии.

---

[1] Генерал д'Аллеманъ, принадлежавший к дивизии Лагарпа и стоявший у Пичигетоне, 9 мая писал Бонапарту: «Тщетно до сегодняшнего дня пытался я прекратить грабежи. Поставленная мной стража не помогает, бесчинства достигли крайних пределов.

Необходимо было бы для устрашения примерно наказывать виновных. Я не знаю, в праве ли я налагать такие наказания.

Человек чувствительный и честный страдает и подвергается бесчестию, стоя во главе воинской части, в которой так много негодяев. Если бы я не находился на самом передовом посту, я бы предупредил вас, чтобы вы заменили меня человеком, здоровье и таланты которого давали бы ему возможность добиться больших успехов, но я обязан забыть о себе, раз я призван трудиться для славы моего отечества».

Предложение сдаться было отвергнуто. Попробовали разбить ворота огнем орудий. Эта попытка не увенчалась успехом, зато удалось картечью прогнать толпы вооруженных крестьян с валов, находящихся у ворот. После этого колонна приблизилась к ним и разрушила их ударами топоров. Тотчас вся колонна ворвалась через ворота и овладела несколькими соседними домами; под их защитой проникла в свою очередь и кавалерия и помчалась по улицам, разгоняя вооруженных людей. После этого вскоре появились магистрат, духовенство и пр. и заявили о покорности города.

Бонапарт приказал расстрелять каждого десятого человека из гарнизона, коменданта предал военному суду, приговорившему его к смертной казни, приказал поджечь город с нескольких концов и подвергнуть его разграблению в течение нескольких часов.

После этого решительного акта строгости Бонапарт вернулся в Лоди и нагнал свою армию на пути в Брешию, куда он вступил с ней 28 мая.

30. Бонапарт переходит через Минчио. Бой под Борметто 30 мая

Больё, больше нигде не останавливаясь, прошел через Ривальту к Ровербелле на восточном берегу Минчио. Он бросил в Мантую, как подкрепление, 20 лучших своих батальонов, благодаря чему ее гарнизон достиг 13 000 чел., и решил попытаться оборонять Минчио.

Его армия получила некоторые подкрепления, благодаря которым силы ее достигли 42 батальонов и 41 эскадрона, численностью всего в 31 000 чел.

Из них несколько тысяч человек находились близ озера Гарда, у города Ривы и даже близ истоков Эча в Мюнстертале у Тауферса, где генерал Лаудон без всякой надобности стоял на страже против Граубюнденского кантона.

Размещение войск на восточной стороне Минчио в конце мая в общем было следующее:

Генерал Липтай . . . . . составлял правое крыло; он занимал Пескьеру, которую захватил у Венеции внезапным налетом, а аванпосты поставил на Кьезе.	с 4 500 чел.
Мелас стоял у Олиозо . . . . . составляя в сущности резерв.	с 4 500 чел.
Зеботтендорф стоял у Валеджио . . . составляя в сущности центр.	с 6 000 чел.
Колли с 4 500 чел. гарнизона Мантуи и с кавалерией из армии составлял левое крыло у Гоито	с 5 000 чел.
Всего . . .	20 000 чел.

Кроме того, в Мантуе оставалось еще от 8 000 до 9 000 чел., из которых от 4 000 до 5 000 было выслано на нижнее течение Кьезы и на По. Зеботтендорф и Колли также имели свои аванпосты еще и на правом берегу Минчио.

Главная квартира Больё находилась в Сан Джорджио, недалеко от Боргетто, вниз по течению Минчио.

На Минчио было четыре моста: у Пескьеры, у Боргетто, у Гоито и у Ривальты, и ни один не был разрушен. Мост у Пескьеры прикрывался этой крепостью. Мост у Ривальты находился слишком близко от Мантуи, для того, чтобы французы могли им воспользоваться. На Минчио нет переправ, зато есть много островов, облегчающих постройку мостов, к тому же в это засушливое время года он был маловоден, и ниже Боргетто было место, где через него можно было легко перейти вброд. Это место также было занято двумя ротами австрийцев из Боргетто.

Так как единственный угрожаемый участок Минчио от Ривальты до Пескьеры не превышает 4 миль (если не считать извилин реки, которые могли играть роль только в случае непосредственной обороны берега), так как стояла середина мая, и, следовательно, ночи становились уже короткими, и так как французы не имели в своем распоряжении понтонов, — то при целесообразных мероприятиях для обороны Минчио результаты таковой еще могли получиться вполне удовлетворительные. Если даже считать необходимыми для Мантуи 8 000—9 000 чел., сперва для наблюдения за нижним течением Кьезы и за По, а затем, в случае, если бы противник стал наступать в этом месте, — для обороны Минчио ниже Мантуи, все же 20 000 чел. для небольшого участка в 4 мили были совершенно достаточной силой. Если отсюда вычесть тысячи две для обороны Пескьеры и тысячи две для наблюдения за рекой, то остается 16 000 чел., с которыми, держа их вместе, Больё мог прибыть на любой пункт переправы французов за 5—6 часов.

Однако было одно обстоятельство, которое вносило значительное изменение в этот вывод и настолько ослабляло оборону Минчио, что рассчитывать на абсолютно благоприятный исход ее было невозможно; в лучшем случае эта оборона могла бы превратиться в довольно успешный арьергардный бой. Это обстоятельство заключалось в косом положении линии отступления. В случае дальнейшего отступления Больё должен был отходить не в Фриуль, а в Тироль, следовательно, через долину Эча, которая является кратчайшим к нему путем; а кратчайшая дорога от Минчио к долине Эча ведет через Кастельнуово, поэтому для генерала Больё крайне важно было не дать себя оттеснить от этого пути, который находился не прямо позади позиции и шел не перпендикулярно к фронту, а тянулся на крайнем правом фланге и чуть ли не составлял его продолжение. Это заставляло генерала Больё с главными силами стать между Валеджио и Пескьерой, что он и сделал. Если бы он действительно смотрел на течение Минчио ниже Валеджио, как на пункт

второстепенного значения, то в случае перехода там французов он мог искать успеха в том, чтобы пойти им навстречу и вынудить их принять бой на такой позиции, где они тылом были бы обращены к Мантуе. Однако, последствием такого образа действий было бы то, что ему пришлось бы обходиться без того корпуса в 4 000—5 000 чел., который принадлежал к Мантуе и стоял у Гоито, или, вернее сказать, действовать с ним совершенно раздельно, а на полный эффект от таких разрозненных действий нельзя рассчитывать.

Поэтому, как бы сосредоточенно ни держал Больё свои силы, он все же не имел бы возможности встретить французов на месте их переправы более чем с 10 000—12 000 чел. и едва ли мог рассчитывать на то, что в случае переправы неприятеля близ Валеджио или выше этого пункта войска, стоящие у Гоито, могли принять участие в бою в решительный момент.

Тем не менее, несомненно, в порядке вещей было то, что Больё сделал попытку оборонять Минчио, частью потому, что эта оборона могла все же превратиться в удачный бой, частью потому, что никогда нельзя знать, как неприятель смотрит сам на такую организованную оборону реки, не ожидает ли он встретиться при этом с бо́льшими трудностями, чем те, которые имеются на самом деле. При этом необходимо было одно: чтобы Больё принял такие меры, которые, в случае неудачи, гарантировали бы его от больших потерь; эти меры совпадают с теми, какие надо было принять для успешной обороны, а именно: держать свои силы возможно более сосредоточенными.

Если при обороне большой реки можно надеяться атаковать противника, прежде чем он закончит постройку своего моста или иным способом успеет переправить достаточные силы, и если, опираясь на большую массу воды, можно стать близко у самого ее берега, то при такой реке, как Минчио, на все это рассчитывать было нельзя. Обороняющаяся армия должна была занять позицию в нескольких часах пути от реки на лежащих позади ее высотах и считаться с тем, что к ее прибытию на место переправы мост уже будет построен; тогда единственное преимущество, которое ей оставалось, заключалось в том, что она могла атаковать еще не вполне устроившегося противника на самом берегу реки с одной единственной узкой линией отступления в тылу. Таков вообще результат, получаемый от обороны средней величины рек. Здесь дело заключается главным образом не в том, чтобы помешать противнику переправить все его силы, а в том, чтобы воспользоваться его стесненным положением тотчас после переправы. Главное преимущество обороняющегося заключается в том, что он располагает множеством путей отступления, между тем как наступающий снова должен забраться в скорлупу яйца, из которого он только что вылупился. Но как раз в этом пункте Больё не сумел воспользоваться своими естественными преимуществами.

Если вообще при обороне рек средней величины, как, например, Минчио, разделение и раздробление сил еще менее может быть оправдано, чем при обороне больших рек, то надо сказать, что в данном случае такое раздробление совершенно исключается и что вся армия, за вычетом гарнизона Пескьеры и цепи аванпостов, должна была быть сосредоточена на одном пункте, и этим пунктом целесообразнее всего было бы избрать Олиозо, где стоял Мелас с резервом.

Итак, мы могли бы признать целесообразными для обороны Минчио следующие меры:

1) стянуть с правого берега все аванпосты;

2) сломать все мосты;

3) снабдить Пескьеру гарнизоном тысячи в две человек;

4) расставить по Минчио цепь аванпостов тысячи в две человек;

5) занять местность близ Гоито 4 000—5 000 чел., взятыми из гарнизона Мантуи;

6) для главного корпуса в 10 000—12 000 чел. избрать позицию у Олиозо.

Теперь посмотрим, какие, совсем иные, меры принял Больё, какой от этого получился результат и какой был бы результат, если бы он принял вышеуказанные меры.

Как мы сказали выше, Бонапарт со своими тремя дивизиями — Массены, Серюрье и Ожеро — и резервной частью под командой Кильмэна продвинулся в конце мая через Брешию к Минчио. 29 мая Кильмэн прибыл в Кастильоне, Ожеро — в Дезенцано, Массена — в Монтекиаро, а Серюрье — в Монцу.

После того как Бонапарт сделал демонстрацию небольшим отрядом на Сало, угрожая послать его через Риву на Тироль, чтобы отвлечь в этом направлении австрийские войска (что, впрочем, не дало существенных результатов), 30 мая, в 2 часа утра его войска выступили к Минчио, Кильмэн, Массена и Серюрье — на Боргетто, Ожеро — к Монзамбано и Пескьере. Первые три должны были силой овладеть переправой у Боргетто, а Ожеро — попытаться перебраться на тот берег выше по течению, для того чтобы или в самом деле отрезать путь отступления на Кастельнуово, или только угрожать этим.

Австрийский полководец, в это время больной, находился в своей главной квартире в Сан Джорджио; вследствие этого в командовании австрийской армии, повидимому, исчезло всякое единство и даже появилось своего рода замешательство. По этой-то причине, согласно австрийскому источнику, по получении известия о приближении французов австрийцы перешли от построения, уже и раньше чрезвычайно распыленного, о котором было сказано выше, к форменной обороне берегов, для чего как резерв Меласа, так и центр Зеботтендорфа вечером 29 мая оказались распределенными следующим образом:

1) У Салионе	$2^2/_3$ батальона		
2) Против Монзамбано. . .	3	»	
3) Олиозо	1	»	
4) Каза Борозина.	1	»	
5) Валеджио	1	»	10 эскадронов, распределенные по аванпостам.
6) Боргетто	1	»	
7) Кампаньола ниже Боргетто.	2	»	7 »
8) Поцоло.	1	»	
Итого около . . .	13 батальонов,		17 эскадронов

Этого мало, сами эти части, каждая в отдельности, были тоже сильно раздроблены и занимали берег реки отрядами, каждый в составе роты или разъезда; точно так же и артиллерия была распределена по всему берегу отдельными орудиями. При этом мосты близ Гоито и Боргетто, хотя и были подготовлены к слому, но не уничтожены, потому что вся цепь аванпостов оставалась еще по ту сторону реки.

Не диво, если при таких порядках главный пост, мост у Боргетто, через который французы и прорвались, был занят всего одним батальоном при одном орудии. Мало того, из этого батальона был еще откомандирован отряд в часть селения, находившуюся на противоположном берегу реки, для приемки аванпостов, и посланы две роты к тому месту, где через Минчио можно было перейти вброд.

30 мая в 7 час. утра генерал Кильмэн бурным натиском отбросил стоявшие перед Боргетто на аванпостах три эскадрона австрийцев, на помощь которым прислано было еще несколько взводов кавалерии с левого берега, и взял у них одно орудие. Австрийцы едва успели сбросить с моста настил и этим помешали французам последовать за ними; но при этом, повидимому, произошло замешательство, так что часть австрийской кавалерии не успела перейти по мосту и должна была искать брода на мелком участке реки, для защиты которого была поставлена рота солдат. Естественно, что за ними последовали и французы; а так как по мосту они перейти не могли, то полковник Гардан во главе части гренадер бросился в реку; они перешли ее, держа ружья высоко над головой; вода доходила до груди. Австрийцы тотчас же прислали на помощь еще одну роту, но обе они, повидимому, не оказали особенно сильного сопротивления.

Само собой разумеется, что единственное орудие у моста скоро было вынуждено замолчать, а потому не удивительно, что австрийцы очистили Боргетто и французы получили возможность приступить к починке моста.

Австрийцы отступили сперва на Монте Бьянка, а оттуда на Валеджио; между головными частями французов и отступающими австрийцами в самом селении произошла ожесточенная рукопашная схватка. Впрочем,

австрийская кавалерия несколькими удачными атаками очистила до известной степени дорогу отступающей пехоте.

Первое время Бонапарт не слишком настойчиво теснил противника, частью потому, что он еще не успел переправить достаточно войск и был еще занят починкой моста, частью потому, что он ничего не имел против того, чтобы австрийский центр здесь задержался, в надежде, что тем временем Ожеро успеет переправиться выше по течению через Минчио и выйдет раньше австрийцев на дорогу, ведущую на Кастельнуово.

В то время как отряды из Боргетто, Олиозо и Валеджио объединялись под командой генерала Гогенцоллерна и, как арьергард, отражали атаки французов, генерал Мелас, по приказанию Больё, подтянул к себе отряды из Салионе и из находящегося напротив Монзамбано и начал с ними отступать на Кастельнуово, отправив Гогенцоллерну приказ следовать туда же.

Липтай еще утром получил от Больё приказ для отступления и уже стал к нему готовиться, когда Ожеро после полудня повел на него наступление. Генерал Липтай с имевшейся у него кавалерией атаковал головную часть французов, оттеснил ее и тем остановил продвижение Ожеро, благодаря чему выиграл нужное время, чтобы отступить на Кастельнуово, куда он и прибыл с наступлением ночи одновременно с генералом Гогенцоллерном; оба в ту же ночь продолжали свое отступление, последовали за генералом Меласом и у Буссоленго перешли по плашкоутному мосту через Эч в Дольче.

Замечательно то, что во время атаки на Боргетто генерал Больё, находившийся в Сан Джорджио, едва не был взят в плен там, где французский полководец, тоже занемогший, подвергся через несколько часов той же опасности.

Бонапарт с дивизией Серюрье последовал за своим авангардом под командой Кильмэна по дороге на Кастельнуово. Заметив, что австрийцы нигде не оказывают ни малейшего сопротивления, он вернулся в Сан Джорджио, около Боргетто, к дивизии Массены, чтобы ножной ванной избавиться от сильнейшего припадка головной боли.

Левое крыло австрийцев под командой Зеботтендорфа и Колли все утро не получало никакого уведомления. Когда около полудня генерал Зеботтендорф услыхал, что канонада у Боргетто начинает затихать, он отправился с эскадроном кавалерии на рекогносцировку по направлению к Сан Джорджио, где его отряд так неожиданно наткнулся на Бонапарта, что часовые едва-едва успели запереть ворота, а сам Бонапарт в одном сапоге, с босой ногой спасся через заднее крыльцо [1].

Зеботтендорф спешно собрал свои три батальона и семь эскадронов, намереваясь сперва попытаться атаковать Валеджио, чтобы помочь Больё;

---

[1] С этого времени Бонапарт учредил роту охраны (гидов) под командой Бессьера, предназначенную для его личной охраны.

однако он скоро убедился в том, что об этом уже не может быть и речи, и в тот же вечер отступил на Виллафранка и продолжил затем ночью свое отступление через Сонну на Буссоленго; там он на лодках переправил свою пехоту через Эч, а кавалерию послал на Кастельнуово.

Понятно, что Колли еще позднее, чем Зеботтендорф, узнал обо всем приключившемся. Сперва он также попытался направиться со всем своим отрядом на Валеджио, но, убедившись, что Больё отступил, отослал свою пехоту в Мантую, а сам с кавалерией пошел также через Виллафранка на Кастельнуово, куда прибыл ночью, и соединился с Гогенцоллерном и Липтаем.

Австрийское повествование определяет потери австрийцев в 4 орудия и 600 чел.

Причины постигшей австрийцев неудачи ясны, как день, так что нет надобности подробно на них останавливаться. Оборонять берег реки возможно лишь при особо благоприятных обстоятельствах и только в о т д е л ь н ы х пунктах, но отнюдь не на всем протяжении оборонительной линии; вести же такую береговую оборону на Минчио, который по своей ширине представляет лишь реку третьей категории, является ничем не оправдываемой мерой. Если же это ведет к тому, что один из главных пунктов обороны, как Боргетто, пытаются охранять при помощи одного батальона и одного орудия, то можно смело сказать, что в данном случае командование в самом точном смысле этого слова забыло азбуку военного дела. К этой азбуке принадлежит установленный опытом факт, что одно единственное орудие, действующее против главной неприятельской колонны, будет приведено к молчанию и не окажет никакого действия, подавленное силой значительно более мощного огня противника.

Мы в праве сомневаться в том, что нездоровье Больё оказало в данном случае сильное влияние на организацию обороны, так как все распоряжения были совершенно в духе предшествующего поведения этого генерала.

Наоборот, мы склонны приписать нездоровью французского полководца то, что этот прорыв австрийской оборонительной линии не повлек за собой большей удачи французов при попытке отрезать левое крыло австрийцев. Можно было ожидать, что сам Бонапарт более подробно коснется этого предмета в своих мемуарах. Как бы то ни было, но мы вынуждены признать, что на этот раз мы не наблюдаем тех умелых приемов использования завоеванных преимуществ, изобретателем которых Бонапарт в известном смысле должен почитаться.

3-го июня Бонапарт приказал дивизии Массены итти на Верону, сам же с дивизиями Серюрье и Ожеро двинулся против Мантуи, 4-го овладел фортом С. Джорджио и блокировал крепость на всех пяти подступах к ней.

Массена вслед за Больё прошел по долине Эча до Риволи, после чего австрийский полководец отступил до Кальяно между Ровередо и Триентом.

Австрийцы и здесь не упустили случая разбиться на бесчисленное множество отдельных отрядов, растянувшихся вправо до Граубюндена, а влево до долины Бренты.

31. Нижняя Италия

В данное время судьба Верхней Италии в военном отношении была решена. Теперь для французов важно было решить, в какие отношения им надлежит стать к Нижней Италии. С Тосканой они состояли в полном мире, так как великий герцог признал республику. Между тем, французы находили неудобным и внушавшим некоторые сомнения, что англичане были допущены в Тосканскую гавань Ливорно.

С Римом не было формальной войны, но отношения были враждебные, потому что в 1793 г. французский посланник Басевиль был там убит и французам до сих пор еще не удавалось добиться достаточного удовлетворения за это; в то же время папа многочисленными протестами против всего того, что совершалось во Франции по отношению к церкви, придал занятой им в данном случае позиции резко враждебный характер.

С Неаполем Франция вела открытую войну, ибо корпус неаполитанской кавалерии находился при армии Больё.

Поэтому, в то время как для всей французской армии не находилось достаточно дела в Ломбардии, представлялась вполне естественной мысль употребить часть этих сил на улучшение отношений с государствами Нижней Италии, либо принудив их правительства к миру, либо изгнав их окончательно и превратив данные государства в республики.

Мы говорим, что это было желательно, но утверждать, что это было абсолютно необходимо, было бы очевидным преувеличением, ибо французская армия могла продолжать вести войну против австрийцев и продолжала бы ее, появись они, например, с новой армией на Эче, даже при таких же сомнительных отношениях с государствами Нижней Италии.

Меры, принимаемые правительствами Рима и Неаполя, были слишком слабы, чтобы угрожать французской армии в Верхней Италии серьезной опасностью, а если бы эта армия оказалась в конце концов победительницей, то оба эти правительства даже не пошевелились бы.

Уже раньше Директория занялась вопросом о Нижней Италии, и еще 14 мая Бонапарт получил в Лоди послание от нее, содержавшее план ведения войны в Италии, впрочем скорее намечаемый в общих чертах, но не высказанный определенно, и во всяком случае не предписанный к исполнению. План состоял в разделении французской итальянской армии, исчисляемой в 40 000 чел., на две части. Одна половина под начальством Бонапарта должна была пойти в Нижнюю Италию с той целью (так по крайней мере говорит в своих мемуарах Бонапарт), чтобы революционизировать эти области. Другая половина под начальством Келлермана должна была блокировать Мантую и охранять линию Эча.

Для того чтобы до некоторой степени восстановить упраздненное таким образом единство командования, решено было придать новую силу уже существовавшему при республиканских армиях установлению: при командующих армиями состояли правительственные комиссары, которым был поручен своего рода политический надзор за ними и которые в тех случаях, когда необходимо было принять немедленное решение, выступали в роли представителей правительства с правом потребовать от соседней армии присылки войск на помощь. Таким образом, правительственный комиссар, состоящий при Нижнеитальянской армии, имел бы возможность присоединить часть этой армии к Верхнеитальянской, в случае требования о том со стороны комиссара этой армии.

Заслуживает внимания крайне робкий и нерешительный характер послания Директории, которым она 7 мая сообщает своему победоносному полководцу об этих ее намерениях; в этом сказывается тревога, как бы эти планы не оскорбили его, не вызвали крайнего неудовольствия и не побудили его либо немедленно подать в отставку, либо оказать открытое противодействие; и то и другое представляло для слабого правительства серьезную опасность.

Многие находили совершенно непонятным этот план французского правительства и полагали, что в основе его лежало намерение подорвать власть полководца, начинавшего становиться опасным для правительства. Мы же полагаем, что это — частью неправдоподобное, частью ненужное предположение.

В то время, когда Директория составляла этот план, она только что получила известие о достигнутых в Апеннинах успехах и о перемирии с Сардинией. На каком основании стала бы она ревниво относиться к полководцу, который всегда проявлял по отношению к ней умеренность и почтительность? В сущности, Директория ничего другого не желала, как того, что несколько недель спустя Бонапарт сам нашел нужным выполнить, а именно: тотчас по изгнании австрийцев из равнин Ломбардии с освободившейся частью войск предпринять поход на Ливорно, Рим и Неаполь, чтобы выгнать из Ливорно англичан, а Рим и Неаполь принудить заключить мир. Как далеко заведет его это предприятие, сколько времени оно займет, сколько для этого понадобится войск, постепенно туда высылаемых, — ни Директория, ни Бонапарт определенно не могли предвидеть. Директория намеревалась присоединить к Итальянской армии большую часть Альпийской, с тем чтобы половину образовавшихся сил употребить на этот поход; Бонапарт же полагал, что его можно выполнить при помощи нескольких размещенных эшелонами дивизий; разница во взглядах, повидимому, невелика. Однако Директория хотела организовать командования той и другой армии независимыми друг от друга; Бонапарт же хотел сохранить все командование над обеими половинами армии, а потому и изображал поход в Нижнюю Италию как побочное

предприятие, руководство которым должно было оставаться за командующим Итальянской армией.

Помимо личной заинтересованности в этом деле, Бонапарт был безусловно прав по существу, потому что оба эти театра войны настолько зависят один от другого, что единство командования было необходимо, а предположение управлять военными операциями в Италии из Парижа— просто смешно.

Впрочем, мы часто встречаемся с такими смехотворными планами, и французская Директория в этом отношении сотни раз была превзойдена другими правительствами. Директория думала, что, может быть, потребуется поход на Неаполь, а Неаполь отстоит от Мантуи на расстоянии 80 миль; если упустить из виду, что обе армии имеют одну общую узкую базу между Пьемонтом и морем, то это расстояние и могло навести на мысль о необходимости раздельного командования, независимого друг от друга. Мысль, что предприятие в Нижней Италии должно было быть поручено Бонапарту, вероятно, вызывалась тем, что Директории только что (в том же письме от 7 мая) пришлось отклонить проект Бонапарта о немедленном выступлении в Германию, и Карно, вероятно, опасался, что если этот полководец сохранит командование в Верхней Италии, то его не удержать от необдуманного проникновения в Альпы.

Бонапарт, как мы видим из его мемуаров, был возмущен такой неблагодарностью Директории. Однако в своем ответе Директории от 14 мая он довольствуется тем, что, лишь намекнув на свою обиду, доказывает нецелесообразность разделения командования.

На это послание Директория с видимым и почти комическим смущением отвечает, уступая желаниям генерала. Датированное 28 мая послание ее гласит: «Гражданин генерал, вы, повидимому, желали бы продолжать вести всю совокупность операций настоящей кампании в Италии. По зрелом обсуждении этого предложения и питая глубокое доверие к вашим талантам и республиканскому усердию, Директория разрешила этот вопрос в положительном смысле.

Генерал Келлерман останется в Шамбери и т. д...».

32. Разбор событий

Вопрос о том, целесообразно ли было предприятие в Нижней Италии, и если да, то в какой мере,— слишком важен в стратегическом отношении и недостаточно разъяснен последовавшими событиями, чтобы не остановить на нем своего внимания. Подобные вопросы играют гораздо более решающую роль, чем расположение отдельных корпусов в те моменты, когда не происходит решающих боев; они гораздо глубже проникают, шире охватывают, а потому в них содержится безусловно важнейшая часть стратегии.

Когда Директория решила предпринять поход в Нижнюю Италию, армии еще находились на верхнем течении По. Правда, во всех своих

посланиях, обращенных к Бонапарту (от 7-го, 15-го, другое от 15-го и от 28 мая), Директория категорически подтверждает, что об этом не может быть и речи до тех пор, пока Больё непрерывным преследованием не будет окончательно разгромлен и рассеян. Под этим, конечно, разумелось — пока его не загонят в Тирольские Альпы. Все это правильно, но что могла знать Директория о тех подкреплениях, которые могли быть посланы в Италию из Германии? Разве отпадение Сардинии не могло быть тем фактом, который заставил бы австрийское правительство принять решение усилить свою Итальянскую армию за счет Рейнской? В таком случае эти подкрепления могли легко прибыть в конце июня, как раз к тому времени, когда половина французской армии могла оказаться на расстоянии 50, 60 или 80 миль от По. Что с остальной половиной не удалось бы удержаться на Минчио, показали августовские события.

Не рассчитывала ли Директория при первом известии об уходе с Рейна подкреплений спешно отозвать свои войска из Нижней Италии? Но это сделало бы политическое положение там гораздо более плохим, чем оно было раньше. К тому же эти войска все равно прибыли бы слишком поздно. Даже если эти подкрепления пришли так же поздно, как Вурмзер, все же армия, дошедшая уже до Неаполя, никоим образом не могла бы вернуться своевременно.

Поэтому нам кажется, что не должно было быть и речи о походе на Неаполь и что в начале мая никак нельзя было сказать наперед, можно или нельзя предпринять поход на Ливорно и Рим. Отмечаем эту серьезную неясность в плане Директории, которая доходит до полной путаницы в двух последних из упомянутых нами писем, где, с одной стороны, говорится, что Келлерман должен вторгнуться в Тироль и угрожать Германии, а с другой стороны — что в это самое время (в конце мая) австрийцы, вероятно, переведут из Рейнской армии в Италию подкрепления и что этим случаем хотят воспользоваться для того, чтобы отказаться от перемирия, которое еще существовало в Германии; и тут же мы читаем, что, за недостатком магазинов, придется дождаться урожая! Какой может быть прок для полководца от такой путаницы планов и идей! Такая бессвязная и противоречивая болтовня представляет истинную пагубу для всякого верховного управления военными делами. Оно может и должно брать на себя одно — направлять предприятия полководца в русло великих политических предначертаний, принятых им, но это надлежит делать с большой ясностью и определенностью.

Когда Бонапарт, после перехода через Минчио, направил часть своих сил в Тоскану и в Римские провинции, он имел возможность гораздо лучше уяснить свое положение. Больё был загнан в Альпы; Бонапарт знал, что к нему должны были присоединиться 30 000 чел. из Рейнской армии, но они еще не выступили, и Бонапарт мог рассчитывать, что раньше шести недель они не успеют встретиться с Больё. Для осады

Мантуи надо было еще принять некоторые подготовительные меры, а потому он мог воспользоваться этим временем для того, чтобы с одной из своих дивизий вторгнуться в Легатские провинции Папской области и отправить на Ливорно другую дивизию (Вобуа), которая шла к нему из Альпийской армии. Обеих этих мер было достаточно для того, чтобы добиться исполнения своих требований по отношению к Ливорно и заключения мира с Римом; они не повлекли за собой тех последствий, какие сопровождал бы поход на Рим, а тем более на Неаполь.

Оба эти предприятия удалили французские войска не более как на 20 миль от Мантуи.

Мы видим, что прежние, крайне неопределенные планы Директории и Бонапарта были сведены к этому второстепенному, но точно соответствовавшему реальным потребностям предприятию; возразить против этого нам нечего, мы лишь можем похвалить мудрую бережливость в расходовании средств и сил. Но если бы хотели обосновать направленный против Нижней Италии совершенно неопределенный, расплывчатый план на необходимости обеспечить фланг и тыл, то такая мотивировка, на наш взгляд, была бы неосновательна, потому что никакая серьезная опасность ни флангу, ни тылу не угрожала, между тем как такое мероприятие, несомненно, подвергало фронт опасности неизбежного поражения.

33. Выполнение плана

Бонапарт усилил дивизию Массены, доведя ее численность до 12 000 чел. В этом составе она должна была оставаться в долине Эча для наблюдения за Больё. Серюрье с 10 000 должен был продолжать блокаду Мантуи на обоих берегах Минчио, а Ожеро с такими же силами двинулся на Болонью, переправившись 14 июня через По у Боргофорте.

Раньше чем Бонапарт приступил к этому продвижению, 5 июня к нему в Брешию прибыл герцог Бельмонто, чтобы от имени неаполитанского короля предложить ему заключить перемирие. Отсюда видно, как предшествовавшие успехи французов оказали свое отраженное действие на Нижнюю Италию, как государства Нижней Италии могли быть окончательно побеждены одной победой над австрийцами и как мало следовало опасаться их атаки в тыл французской армии. Бонапарт тем охотнее согласился на это перемирие, что, по его условиям, неаполитанская кавалерия, состоявшая при армии Больё, должна была оставаться в окрестностях Брешии и, таким образом, служила как бы залогом в руках французов. Теперь уже тем более можно было ожидать полного успеха от предприятия против Легатских провинций Папской области. Сам Бонапарт направился в Милан, чтобы ускорить открытие подступов к Миланской цитадели. 17-го он отправился в Тортону, в то время как летучая колонна из 1 200 чел. под командой полковника Ланна была послана на юг в Арквату, в окрестностях которой в имперских владениях возникли

серьезные волнения, в результате которых коммуникационная линия французов была прервана и несколько небольших французских отрядов разоружены. Огнем, мечом и взятием заложников эти беспорядки были прекращены, а строгое обращение к генуэзскому сенату предупредило повторение подобных волнений. После этого Бонапарт через Модену направляется в Болонью, куда 19 июня вступила дивизия Ожеро.

Уже 23-го в этот город прибыл полномочный представитель папы для заключения перемирия, на основе которого должны были вестись в Париже мирные переговоры. До их окончания французы продолжали удерживать Болонью, Феррару и Анкону, папа выплачивал 21 миллион франков контрибуции, должен был поставить лошадей и другое военное снаряжение и передать 100 произведений искусства.

26 июня Бонапарт покинул Болонью, в Пистойе присоединился к дивизии Вобуа и 29-го с ней вместе вступил в Ливорно.

Захватив английские товары (что внесло в кассу Директории 12 миллионов), Бонапарт оставил Вобуа с 2 000 чел. в качестве гарнизона в Ливорно, а сам с остальными войсками отправился обратно через Апеннины и По, чтобы присоединиться к армии, стоявшей у Эча.

То же сделал Ожеро со своей дивизией, после того как из найденных в Урбино и Ферраре орудий он отправил в артиллерийский парк в Боргофорте 70 орудий для осады Мантуи.

Ожеро оставил в цитадели Феррары один батальон; больше французских войск на правом берегу По не оставалось. Настроение жителей городов было настолько благоприятно для Франции, что достаточно было вновь учрежденной национальной гвардии для обеспечения обладания этими городами. В конце июня дивизия Ожеро снова присоединилась к армии.

А 27 июня пала также и цитадель Милана.

34. Начало осады Мантуи

Мантуя была снабжена гарнизоном в 13 000 чел. при 316 орудиях, продовольствием на 4 месяца и имела превосходного коменданта в лице генерала Канто д'Ирль, офицера с блестящей репутацией. Ввиду такого мощного снаряжения и трудности доступа к этой крепости, надо было ожидать от нее продолжительного сопротивления. С другой стороны, гарнизон страдал от беспримерно большой заболеваемости: сам Бонапарт определяет число больных в 4 000 чел.

В течение всего июня один Серюрье со своей дивизией поддерживал блокаду Мантуи. Теперь с прибытием Ожеро осаждающие войска были усилены и осадные работы поведены быстрее и энергичнее.

Бонапарту было известно, что Вурмзер прибыл в Тироль и что вскоре из гор этой провинции разразится гроза. Поэтому он колебался, приступать ли ему к осаде еще до решительного сражения с австрийской армией.

Генерал Шаслу уверял его, что он возьмет крепость в 14 дней, и это повлияло на его решение. Однако нельзя было приступить к открытию параллелей раньше 18 июня. Заложили их на расстоянии 300 шагов, и осадные работы шли таким быстрым темпом, что 29 июня, когда Вурмзер приближался на выручку Мантуи, падение ее казалось уже близким.

Французская армия, прибывшая на Минчио в числе 27 000 чел., мало-помалу усилилась и после возвращения войск из Апеннин насчитывала уже 44 000 чел. Из них 15 000—16 000 чел. под командой Массены, главная квартира которого находилась в Буссоленго, стояли от Вероны до Риволи, причем они занимали на этом пространстве важнейшие пункты в долине Эча. Они составляли центр обсервационной армии. Ожеро с 5 000—6 000 стоял у Леньяго и наблюдал за Эчем вверх и вниз от этого места. Он составлял правое крыло.

Соре с 4 000—5 000 стоял у Сало на правом берегу озера Гарда и в долине реки Кьезы, образуя левое крыло. Депинуа с 5 000 стоял частью в качестве резерва у Пескьеры, частью же у Дзевио для наблюдения за Эчем в его течении ниже Вероны. Кавалерийский резерв в составе 1 500—1 600 сабель стоял в Валезе между Леньяго и Вероной.

Таким образом, вся обсервационная армия насчитывала 32 000—33 000 чел., и ее расстановка была такова, что ее можно было собрать воедино в два дня либо между Эчем и Минчио, либо между Минчио и Кьезой.

Серюрье с 10 000—11 000 чел. составлял осадную армию.

ГЛАВА III

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВУРМЗЕРА

35. Вурмзер приближается на выручку Мантуи

Уже в июне генерал Больё сложил с себя звание главнокомандующего, временно передал командование генералу Меласу и в конце того же месяца отбыл из армии.

Как выше было сказано, в конце мая на южногерманском театре Журдан объявил об отмене перемирия и устремился вперед к р. Лан; отраженный эрцгерцогом Карлом, он был скоро вынужден отступить за Рейн. А три недели спустя, 23 июня, Моро с Рейнско-мозельской армией перешел через Рейн в верхнем его течении у Страсбурга.

В то время как эрцгерцог Карл был занят отражением наступления Журдана и раньше чем последовал отказ от перемирия на Верхнем Рейне, австрийское правительство определило генералу Вурмзеру итти с подкреплениями в Италию и взять на себя командование Итальянской армией, а эрцгерцогу Карлу вступить в командование Верхнерейнской армией.

Согласно этому распоряжению, Вурмзер с 25 000 из Верхнерейнской армии выступил в Тироль; кроме того, к нему подходили значительные подкрепления из внутренних областей Австрии, так что все силы, находившиеся в распоряжении командующего Итальянской армией, достигали 60 000 чел.; впрочем, из них 10 000 были оставлены внутри страны, вероятно, в Тироле и Каринтии. В середине июля, т. е. по прошествии 4 недель, Вурмзер прибыл с этими подкреплениями в Триент. Расстояние между Оффенбургом в Шварцвальде и Триентом составляло около 60 миль, так что время, потраченное на прохождение этого пути, не представляло ничего особенного; к тому же для успеха предприятия не так важно было поспешить с началом его, как хорошенько к нему подготовиться.

Вурмзер решил организовать свое наступление по плану, составленному начальником его штаба полковником Вейротером. План этот заключался в том, чтобы выступить из гор двумя колоннами по обеим сторонам

озера Гарда. Главная колонна численностью в 32 000 чел., под непосредственным начальством самого Вурмзера, должна была следовать по долине Эча. Вторая, вспомогательная колонна в 18 000 чел., под командой генерала Квадановича, должна была итти через Риву и Сало по западному берегу озера Гарда.

Основания для такого разделения сил, которые мы подробнее рассмотрим в дальнейшем, были, бесспорно, следующие:

1) не итти по одной дороге крупными силами, для того чтобы располагать более широкой базой;

2) побудить и французов к такому же разделению сил;

3) угрожать их линии отступления и, таким образом, освободить Мантую одним маневрированием;

4) в случае, если последний расчет не оправдается, придать ожидаемой победе более решающий характер.

Выполнение этого плана привело к восьми последовательным боям, в период времени от 29 июля до 5 августа, обычно обозначаемым одним собирательным названием «сражение при Кастильоне».

Мы намерены описать их также в хронологическом порядке.

36. Бои под Риволи и при Сало 29 июля

Массена с 15 000 чел. занимал долину Эча от Риволи до Вероны, т. е. у него было два главных поста в Вероне и в Риволи. Здесь, на месте расширения долины Эча, отдельно от прочих горных кряжей находится плоскогорье, представляющее весьма сильную позицию, которая перехватывает боковую дорогу, идущую долиной Эча, по правому его берегу. Главная дорога, идущая по левому берегу, в 1 миле от Риволийской позиции, ведет на Кьюзе (близь Черадино) — узкое скалистое ущелье, выход которого замыкается небольшим фортом. Правда, существует еще много других боковых дорог, вполне доступных хотя бы для пехоты. Три или четыре из них идут через Монте Бальдо — главнейший горный хребет, находящийся между Эчем и озером Гарда и окружающий Риволийское плоскогорье. А многие другие идут прямо на Верону через тянущиеся вдоль левого берега Эча горные хребты — разветвления Монте Моларе.

Эти, в конечном счете, довольно многочисленные подступы, которые частью пришлось занимать постами, частью держать под наблюдением, обширность Риволийского плоскогорья, главный фронт которого тянется на несколько часов пути, наличие высот, господствующих над фортом Кьюзе, — все это, в сущности, делает оборону в этой горной долине против превосходных сил противника крайне затруднительной, тем более, что корпус, которому таковая была бы поручена, все время находился бы под угрозой утратить всякие пути отступления, если эта оборона слишком затянется.

Впрочем, если Бонапарт и рассчитывал на энергичную оборону в долине Эча для того, чтобы выиграть время, необходимое ему для использования прочих своих сил, то все же упорная оборона долины Эча не входила в его план и во всяком случае не составляла существенной его части. Ожеро было поручено у Леньяго наблюдение за дорогой, идущей от Бренты; на Соре, стоявшего у Сало, было возложено наблюдение за дорогой, идущей через Риву по западному берегу озера Гарда, Массена же должен был наблюдать за главной дорогой, идущей через Риволи, и прикрывать ее.

Основная цель Бонапарта заключалась в том, чтобы сопротивлением этих трех корпусов выиграть столько времени, сколько надо для сосредоточения своих сил на том пункте, который представит для него наибольшие преимущества. Так как дорога через Риволи была самая важная, то поэтому и корпус Массены был самым сильным; к тому же и позиция у Риволи была настолько сильна, что для боя на ней, конечно, при своевременной подержке, представлялись наиболее благоприятные условия.

Массена поместил свою главную квартиру в Буссоленго. Никакие подробности относительно дальнейшего размещения его сил нам не известны, за исключением того, что аванпосты Риволийской позиции стояли у Брентино на так называемой Короне, где проходят многие дороги, ведущие на Риволийское плоскогорье, подымаясь на предгорье Монте Бальдо, носящее название Монте Маньоне. Оборона этих пунктов должна была составить первый акт сопротивления. На Риволийском плоскогорье были вырыты окопы.

После того как Вурмзер выделил из своих главных сил небольшой отряд и послал его в долину Бренты, чтобы отвлечь внимание противника, он стал спускаться по долине Эча двумя главными и несколькими боковыми колоннами.

Давидович с левым крылом должен был пройти по левому берегу Эча, т. е. по главной дороге до Дольче, где он должен был построить мост, с тем чтобы, переправившись на правый берег, перейти в наступление против позиции у Риволи. Он должен был отрядить генерала Мессароша через Монте Моларе прямо на Верону, а генерала Митровского из Дольче на Кьюзе.

Вторая главная колонна, под личным командованием Вурмзера, перешла через Монте Маньоне, направляясь прямо против главного фронта Риволийской позиции, а справа от нее была еще боковая колонна под командой Меласа, которая должна была прорваться на самый Монте Бальдо через Люмини между Риволийской позицией и озером Гарда.

Таким образом, главные силы Вурмзера на расстоянии 3—4 миль разбились на пять колонн. Если бы они в данном случае имели дело с главными силами французов, то этого разделения было бы достаточно для того, чтобы вызвать поражение австрийцев, но так как они насчитывали 30 000 чел. и столкнулись лишь с дивизией Массены силой в 8 000 —

10 000 чел., то можно сказать с уверенностью, что две средние колонны обрушились бы на французов вдвое превосходными силами, если бы последние оказали упорное сопротивление на своей главной позиции.

Между тем, атакованный 29 июля в 3 часа утра на своих аванпостах, Массена оказал лишь такое сопротивление, какое было необходимо для того, чтобы снять эти аванпосты, после чего отступил на Пиовезано между Риволи и Кастельнуово, понеся при этом довольно значительные потери убитыми, ранеными, пленными и доставшимися противнику орудиями. Он прибыл на место незадолго до наступления вечера. В то время как это происходило в районе действий главной армии, Кваждановичсо своей стороны проник в Сало того же 29 июля. Генерал Соре после довольно горячего боя был разбит, а отрезанный от остального корпуса генерал Гюйё вынужден был укрыться с одним батальоном в обширном здании, расположенном впереди Сало. Генерал Кваждановичпроник до Гавардо, откуда он послал генерала Кленау в Брешию, где тот атаковал гарнизон и взял в плен четыре роты и эскадрон кавалерии, а с ними вместе нескольких генералов.

Соре отступил на Дезенцано.

37. Бонапарт идет на Кваждановича

Главная квартира Бонапарта находилась в Кастельнуово. Относительно принятых 29-го решений и выполненных в этот день передвижений точных сведений мы не имеем. Надо полагать, что дивизии Кильмэна и Депинуа собрались у Кастельнуово, а Ожеро получил распоряжение двинуться вверх по течению Эча на левый фланг неприятеля. Относительно выполнения этого приказания не имеется никаких сведений; надо полагать, что оно тут же было отменено. Если оно действительно было отдано, то это доказывало бы, что сперва Бонапарт думал оказать сопротивление еще в горах. Что касается сосредоточения дивизий Депинуа и Кильмэна, то странно, что на следующий день они оказались в Виллафранка; ведь если они действительно находились уже 29-го в Кастельнуово, то естественно было бы оставить их там же для встречи и приема дивизии Массены.

Одно можно считать достоверным: когда из подробного донесения Массены Бонапарт узнал, что его дивизию сильно потрепали (причем сведения о численности армии Вурмзера были, вероятно, преувеличены), а одновременно поступило донесение о другой, почти столь же мощной колонне, наступающей через Сало и Гавардо, разбившей генерала Соре и уже выславшей свои кавалерийские разъезды на миланскую дорогу, — Бонапарт осознал необходимость принятия более общей меры.

Если бы мы ограничились тем, что сосредоточили бы свое внимание на одном лишь ходе событий, то мы сказали бы: Бонапарт 30 июля принял решение не только снять осаду с Мантуи, но даже не терять времени на спасение осадного парка и бросить 120 орудий (забранных,

впрочем, из чужих арсеналов), собрать свою армию в кулак и повести ее против одной из двух масс неприятельских войск, разделенных озером Гарда, и притом предпочтительнее против Кваждановича, во-первых, потому, что из двух он был слабейший, а во-вторых, потому, что он наступал в тыл французскому расположению, так что в случае неудачного исхода наступления французов им не приходилось по крайней мере опасаться за свое отступление.

Этому простому представлению о событиях противоречит то, что, вследствие происшедшего между Бонапартом и Ожеро раздора, последний рассказывал, будто 30 июля 1796 г. во время военного совета, собравшегося в Ровербелла, он, Ожеро, по преимуществу настаивал на решительном наступлении на противника, а Бонапарт, в состоянии полного малодушия, вначале высказывался за отступление за По.

Сторонники Бонапарта отрицают правдивость этого сообщения. Они не оспаривают того, что 30-го в Ровербелла состоялся своего рода военный совет, но утверждают, что Бонапарт хотел лишь проверить на нем взгляды своих генералов. В самом деле, трудно поверить, чтобы Бонапарт, который вообще не легко терялся, потерял голову по поводу событий, за развитием которых он следил уже несколько недель и к которым, несомненно, успел подготовиться. Конечно, главнокомандующий, которому только что минуло 27 лет и который лишь год тому назад стал пользоваться некоторой известностью, не находился в таких отношениях со своими генералами, в каких впоследствии состоял император, и вполне естественно, что в момент такого кризиса он счел необходимым прийти с ними к соглашению. Ведь уже в Курсалии имело место нечто подобное. Поэтому, если решение Бонапарта не было таким быстрым и четким, каким мы охотно себе его представляем, все же мы не должны дать себя убедить в том, что это уменьшает его заслугу. Вообще война далеко не так театральна, как большинство любит себе ее представлять.

30 июля мы видим французские силы сосредоточенными следующим образом: Массена — у Кастельнуово; Ожеро с одной бригадой Серюрье — у Ровербелла; Депинуа и Кильмэн — у Виллафранка; Серюрье с остальными двумя своими бригадами занят снятием осады Мантуи и готовится к отходу на Боргофорте и Маркарию для прикрытия дороги на Кремону; Соре стоит 30-го у Дезенцано.

Австрийцы под командой Кваждановича продвигаются на Понте Сан Марко и Монтекиаро на р. Кьезе, в то время как левое крыло в Сало занято атаками на Гюйё, который, как было сказано выше, был отрезан с одним батальоном 29 июля и укрылся в большом доме.

Что в этот день делает главная армия австрийцев — источники не говорят. Бесспорно, она продвигается к Мантуе, но так как она вступает туда лишь 1 августа, а отделяло ее от этой крепости всего лишь два дневных перехода, то деятельность ее в течение этих трех дней остается не вполне выясненной.

Переправа французов через Минчио в ночь с 30 на 31 июля

В ночь с 30 на 31 июля французские войска переправляются через Минчио: дивизия Массены — у Пескьеры, дивизия Ожеро — у Боргетто. Массена оставляет на Минчио генерала Пижона с несколькими тысячами человек, а Ожеро — генерала Лавалета.

Второй бой у Сало 31 июля

Массена направился на Лонато, а Ожеро — на Монтекиаро. Бонапарт спешит к Дезенцано. Он приказывает генералу Соре снова итти к Сало на выручку генерала Гюйё, который, несмотря на полное отсутствие продовольствия, с большой стойкостью отражает в течение двух дней, 29-го и 30-го, повторные атаки австрийцев. Соре выступает, атакует совершенно неожиданно для них левый фланг австрийцев, наносит ему поражение и освобождает Гюйё, после чего отходит 1 августа на позицию, расположенную между Сало и Дезенцано.

Первый бой под Лонато 31 июля

Первым прибыл в Лонато генерал Депинуа, но вынужден был отступить перед превосходными силами только что подошедшего генерала Очкая, который сильно его потрепал. Однако, как только подошли бригады д'Аллеманя и Рампона из дивизии Массены под личным предводительством Бонапарта, превосходство сил оказалось на стороне французов, и Очкай был вынужден отступить, потеряв 500—600 чел.

Кважданович, узнав о поражении двух своих колонн под Сало и под Лонато, понял, что имеет дело с главными силами французов, а потому, не дожидаясь прибытия Ожеро в Монтекиаро, отошел на Гавардо.

Бонапарт с дивизиями Ожеро и Депинуа идет всю ночь с 31 июля на 1 августа на Брешию, куда прибывает к 8 час. утра, и без труда выгоняет оттуда австрийцев.

Это движение носит несколько эксцентрический и не вполне понятный характер. Надо полагать, что Бонапарт рассчитывал найти в Брешии значительный корпус австрийцев, атаковать его и отрезать от р. Кьезы. Но так как это оказалось ударом по воздуху, то, оставив в Брешии дивизию Депинуа, он вернулся 2 августа в Монтекиаро с дивизией Ожеро. Массена все еще стоял у Лонато, а Соре — к северу от Дезенцано.

38. Вурмзер переправляется через Минчио

1 августа, в то время как Бонапарт шел на Брешию, а Кважданович собирал свои войска у Сало и Гавардо, Вурмзер подошел к Минчио и вступил в освобожденную Мантую. С частью своих войск он занимает позицию вдоль реки, посылает свой авангард под командой Липтая на Гоито, а части гарнизона Мантуи приказывает следовать за двумя бригадами из дивизии Серюрье по дорогам на Боргофорте и Маркарию.

Вероятно, Вурмзер полагал, что французская армия отступает по всему фронту, — ведь он нашел осаду снятой с величайшей поспешностью и в

полном беспорядке, всю артиллерию и прочие осадные принадлежности брошенными и Серюрье отступающим. Позиция французов походила на комнату, в которой все было оставлено в том виде, в каком ее покинул владелец, когда он поспешно бежал. Радостное удивление овладело австрийцами. Вурмзер полагал, что это является следствием превосходства его сил, его охватывающего наступления и его удачных боев 29-го под Риволи и Сало; таким образом, ему показалось, что им одержана полная победа и что цель его похода уже достигнута. А потому 2 августа он спокойно оставался в Мантуе, выслав лишь для преследования побежденных генерала Липтая из Гоито на Кастильоне. Лишь 2-го вечером узнал он, к великому своему удивлению, что Кваждановичь, атакованный на всех пунктах, отступил на Гавардо, понеся значительные потери. Запоздание, с которым до него дошла эта весть, объясняется вполне естественно тем, что противник находился между ним и Кваждановичем.

39. Сражение под Лонато 3 августа

Правда, Бонапарт отбросил генерала Кваждановича, но он не нанес ему решительного удара и тем менее такого поражения, которое было бы решающим и окончательным. Достигнутые успехи отнюдь не могли уравновесить потерю всего осадного парка. На этом дело не могло остановиться, надо было нанести решительный удар, но еще было неизвестно, на кого он будет направлен — на Вурмзера или же на Кваждановича.

Первый бой у Кастильоне 2 августа

2 августа арьергарды Массены и Ожеро были оттеснены. Арьергард Массены, стоявший у Пескьеры под командой генерала Пижона, отошел на Лонато в полном порядке. Между тем, генерал Лавалет был отброшен из Кастильоне в таком беспорядке, что, покинув половину своих войск, спасся в Монтекиаро и распространил там панику. За это Бонапарт немедленно его сменил. Это поражение Лавалета являлось признаком приближения Вурмзера. Когда читаешь донесение Бонапарта Директории, можно подумать, что в сражении 3 августа под Лонато французская армия в своем стратегическом построении обернулась фронтом назад и сражалась с отдельными дивизиями Вурмзера. Однако дело обстояло не так просто. 3 августа произошло два главных боя — у Кастильоне и у Лонато, и несколько мелких боев на линии от Брешии до Сало, однако до сих пор не удалось еще извлечь истину из той путаницы, которую представляет первое донесение французского полководца, так как австрийское повествование, помещенное в военном повременном издании, доведено лишь до отхода в Тироль, а из австрийских официальных донесений никому еще не удалось извлечь события из окружающего их мрака. Генерал Жомини в своей «Истории революционных войн» дает описание событий, которое противоречит французскому официальному

донесению в сомнительных пунктах, не разъясняя их надлежащим образом. Так, например, совершенно не выяснено, с кем, собственно, сражался Бонапарт под Лонато—с частями ли армии Кваждановича или с частями армии Вурмзера? Мы удовлетворимся тем, что оставим вопрос в том положении, в котором он находится еще поныне, не вдаваясь в бесплодные дискуссии, так как в будущем, несомненно, несколько данных из австрийских военных архивов разъяснят всю эту путаницу.

В изложении Жомини события представляются в следующем виде.

Второй бой под Лонато и второй бой под Кастильоне 3 августа

Бонапарт полагал, что хотя Квадданович и был отброшен 2 августа, но что надо его оттеснить еще дальше в горы. Он поручает это выполнить генералу Депинуа с 5 000—6 000 чел.

3 августа должно начаться наступление, а именно, Гюйё должен снова двинуться на Сало, Депинуа из Брешии—на Гавардо, д'Аллемань, наступая через Пьетро, должен поддерживать между обоими связь, а генерал Гербен должен угрожать правому флангу противника через Озетто. Таков порядок наступления на Кваждановича. С другой стороны, потеря Кастильоне заставляет взять этот пункт обратно. Итак, Ожеро, усиленный кавалерийской дивизией Кильмэна, должен атаковать засевшего в Кастильоне генерала Липтая.

Бонапарт с дивизией Массены остается посредине, у Лонато, с тем чтобы сообразно с обстоятельствами обратиться туда, куда понадобится. Ожеро ведет успешный бой против Липтая. Правда, последний получил некоторые подкрепления из главной армии и оказывал упорное сопротивление, все же Ожеро осиливает его и вынуждает австрийцев очистить позицию, которую сам прочно занимает.

Зато наступление французов против Кваждановича было неудачно. Дело в том, что этот генерал решил, что он обязан сделать 3-го еще одну попытку пробиться к Минчио на соединение с Вурмзером, чтобы, во всяком случае, его поддержать, если он уже схватился с Бонапартом. Итак, он идет вперед и натыкается со своими превосходными силами на слабые колонны генерала Депинуа. В результате последний отброшен с потерями на Брешию, д'Аллемань с трудом спасается в Резато по дороге, ведущей из Лонато на Брешию, а одна из колонн Кваждановича под командой Очкая прорывается до Лонато. Зато генерал Гюйё действительно доходит до окрестностей Сало.

У Лонато генерал Очкай прежде всего сталкивается с авангардом, или, правильнее говоря, с арьергардом Массены под командой генерала Пижона; последний был опрокинут с большими потерями, три его орудия взяты, и сам генерал Пижон попадает в плен. В это мгновение из Сан Марко подходит Бонапарт с дивизией Массены. Он ведет свои войска очень тесным и сомкнутым строем; австрийцы хотят охватить его с обоих флангов, но он прорывает центр и заставляет левое крыло противника

отступить к берегу озера Гарда. Здесь их чуть было не отрезали, если бы головная часть резерва под командой принца Рейса не высвободила их. Но так как это оттесненное левое крыло при дальнейшем своем отходе на Сало и Гавардо нашло, что часть проходов через горы занята войсками генерала Гюйё, то несколько батальонов оказались все-таки отрезанными. Три из них с тремя орудиями, как мы увидим в дальнейшем, на следующий день сложили оружие у Лонато. Кваждановичснова собрал свои войска у Гавардо.

Бонапарт с дивизией Массены остался у Лонато; он послал подкрепление под командой генерала Сент Илера генералу Гюйё и приказал Депинуа 4-го снова атаковать Кваждановича.

Это изображение событий не свободно от неправдоподобностей, натянутых положений и неясностей.

В своем донесении Директории Бонапарт совсем не упоминает ни о своих распоряжениях на 3 августа, направленных против Кваждановича, ни о наступлении этого генерала. Он так изображает бой 3 августа, словно стратегический фронт был обращен против генерала Вурмзера; Гюйё он называет своим левым крылом, предназначенным для того, чтобы продвигаться на Сало (следовательно, совсем обращенным фронтом) и сдерживать Кваждановича; Ожеро он называет правым крылом, которое должно итти на Кастильоне; Массену — центром, направленным на Лонато. При этом он не обмолвился ни единым словом о том, какого противника предполагалось встретить у Лонато и с кем там произошел бой. Позднее Бонапарт в своих мемуарах говорит, что противник под Лонато состоял из двух дивизий Вурмзера, пришедших из Боргетто, но это сведение, видимо, взято целиком с потолка.

Каков бы ни был действительный ход событий, несомненно одно: что австрийцы потерпели поражение в этот день в двух пунктах — у Кастильоне и у Лонато, причем их потери достигли 3 000 чел. и 20 орудий.

Это так называемое сражение у Лонато снова не дало решающего исхода; очевидно, оно еще являлось подготовительным боем, но безусловно удачным, и этот подготовительный бой не оставлял никаких сомнений относительно исхода предстоящего генерального сражения.

Сотрудничество Кваждановича теперь сделалось почти невозможным, уже затронуты были войска и Вурмзера, а Бонапарт получил теперь возможность выступить против них с превосходными силами. Так как Вурмзер 3-го перешел через Минчио и продвинулся вперед до Гоито, то Бонапарт мог надеяться дать ему сражение на правом берегу реки, а если бы Вурмзер от этого сражения уклонился, то снова его загнали бы в горы, а от неустанного его преследования можно было ожидать многочисленных трофеев.

Итак, Бонапарт решил 5-го двинуться против Вурмзера; он отложил свое выступление на один день, во-первых, потому, что его войска сражались 3-го и надо было кое-что привести в порядок и устроить; во-вторых,

потому, что ему хотелось привлечь к участию в деле обе бригады Серюрье, отступившие к По, а для этого требовалось время.

Генерал Фиорелли, временно командовавший этими бригадами, находился с ними, повидимому, почти в полном сборе у Маркарии; 4-го он получил приказ выступить еще ночью на Гвидиполо, с тем чтобы утром 5-го быть готовым к совместным действиям с прочими войсками.

Бой под Гавардо 4 августа

Итак, 4 августа Бонапарт с дивизией Массены стоял у Лонато, Ожеро с Кильмэном — у Кастильоне, Фиорелли шел на Гвидиполо, а Гюйё из Сало вел атаку на Гавардо против Квазданович; смущенный этой внезапной атакой, а также угрожаемый с правого фланга со стороны Сант Озетто, последний решается на дальнейший отход к Риве и оставляет князя Рейса в Рокко д'Анфо близ озера д'Идро.

Вурмзер, со своей стороны, использовал день 4 августа на то, чтобы подтянуть к себе несколько отрядов, но о том, где он стоял, всё ли у Гоито, и где Липтай занял позицию, — нам не известно. Вероятнее всего, что последний оставался в Сольферино, на месте, где завтра должно было произойти сражение.

В то время как Бонапарт стоял со своей главной квартирой в Лонато, перед этим селением появились те три отрезанных австрийских батальона, о которых мы упоминали выше, со своими тремя орудиями; так как им уже не удалось добраться до Гавардо, то они решили итти на Минчио, с тем чтобы пробиться к Вурмзеру, что и могло им удаться, если бы им посчастливилось не наткнуться ни на одну крупную неприятельскую часть. Они направились к Лонато, никак не предполагая встретить там те самые войска, с которыми они сражались накануне. Так как в поле они никого не встретили (дивизия Массены стояла, вероятно, на квартирах по селам, либо лагерем на некотором расстоянии), то они, не без наглости, предложили лонатскому гарнизону сдаться. То был сам Бонапарт, правда, имевший при себе лишь 1 200 чел.; но при данных обстоятельствах он увидел в этом величайшую дерзость и пригрозил, что велит всех без исключения расстрелять, если они в течение 8 минут не положат оружия, что и было немедленно исполнено.

40. Сражение при Кастильоне 5 августа

Бонапарт подтянул к себе еще две полубригады из дивизии Депинуа и двинулся 5-го утром к Сольферино.

Здесь он нашел генерала Вурмзера с 25 000 чел., занявшего позицию, причем правое крыло его стояло у Сольферино, левое — у дороги, ведущей из Мантуи на Брешию, перпендикулярно к ней; таким образом, французский отряд, идущий из Маркарии через Черезару и Гвидиполо, мог легко атаковать его с тыла.

На рассвете в Гвидиколо прибыл Фиорелли, после чего силы Бонапарта достигли приблизительно 30 000 чел., если определить потери французов, понесенные ими в различных боях, в 4 000—5 000 чел., а войска, посланные против Квазданович и в другие места, — в 6 000—7 000 чел. и вычесть эти две цифры из первоначального состава его армии.

Дивизии Ожеро назначено было правое крыло, левое получил Массена, кавалерийская дивизия Кильмэна была размещена эшелонами позади правого крыла, а Фиорелли получил направление на Кавриану в тыл Вурмзера.

Чтобы выиграть время до вступления последнего в дело, атаки обеих дивизий носили характер демонстраций слабыми силами, в то время как главные массы войск оставались построенными в колонны. Австрийцы преждевременно поверили в свой успех и попытались обойти левый фланг французов, рассчитывая в этом направлении скорее всего соединиться с Квазданович, об окончательном отходе которого они еще не получили уведомления. Это еще более отвечало намерениям Бонапарта. Австрийцы усилили свое левое крыло, возведя там редут, который должен был служить им опорным пунктом. Бонапарт велел открыть сильный огонь из 12 тяжелых орудий по этому укреплению, после чего двинул против него в атаку три батальона гренадер под командой генерала Вердье. После довольно упорного сопротивления редут был взят. Тогда часть кавалерии обошла левый фланг австрийцев, взяв направление на Кавриану; благодаря этому вскоре установилась связь с Фиорелли. Последний так неожиданно обрушился на австрийцев, что сам Вурмзер едва не был взят в плен французской кавалерией. Австрийцы либо не имели резервов, либо израсходовали их на обход левого фланга французов, поэтому им пришлось повернуть фронтом назад свою вторую шеренгу, чтобы противостать наступающему Фиорелли. В это мгновение дивизии Ожеро и Массены всеми силами произвели натиск на фронт первой шеренги. Вурмзер вскоре почувствовал, что положение его не таково, чтобы он мог надеяться выиграть сражение и что пора, не теряя времени, подумать об отступлении, каковое ему и удалось выполнить без особых потерь под прикрытием своей многочисленной кавалерии. Все же потери его в этот день достигли 2 000 чел. убитыми и ранеными, 1 000 чел. пленными и 20 орудий.

Главная масса отступила на Валеджио, правое же крыло отошло на Пескьеру. Это показывает, насколько изменился первоначальный фронт благодаря попытке правого крыла обойти французов.

Французы последовали 5-го за австрийцами лишь до Поцоленго и Кастелларо на расстоянии двухчасового перехода от поля сражения.

41. Отход Вурмзера в Тироль

Естественно, что на это сражение приходится смотреть, как на главное, решающее сражение, и хотя Вурмзер и не потерпел полного поражения, все же этого боя было достаточно для того, чтобы решение было

окончательным, ибо теперь уже этот генерал не мог и думать о том, чтобы оборонять Минчио или какую-либо другую позицию на равнинах Италии. Он был слишком слаб, чтобы избрать такую позицию недалеко от французов, а чтобы не оставить Тироль открытым, у него не было другого исхода, как снова войти в долину Эча.

Но, как это часто бывает на войне, Вурмзер не сразу отдал себе ясный отчет в неизбежных последствиях того, что произошло, а потому приказал спешно приступить к постройке у Пескьеры укрепленного лагеря. Уже 6 августа Массена атаковал этот лагерь и отнял его у австрийцев, нанеся им урон в 500 чел. и 10 орудий. Тогда Вурмзер поспешил отступить в Тироль. Он обновил гарнизон в Мантуе, доведя его численность до 15 000 чел., а затем вернулся в долину Эча.

Сначала французы последовали за ним со всеми пятью дивизиями, но потом, использовав дивизию Серюрье на то, чтобы принудить венецианского губернатора Вероны снова открыть ворота города, Бонапарт послал эту дивизию для возобновления блокады Мантуи.

Уже 7-го дивизия Массены продвинулась до Риволи, где заняла свою прежнюю позицию, прогнав оттуда арьергард Вурмзера.

Последний занял позицию у Алы и установил связь с Квазданови чем. Тот еще занимал Корону и другие пункты на Монте Бальдо. 11 августа французы выбили австрийцев из этих позиций, отняв у них при этом 7 орудий. Точно так же они потеряли 12-го пост Рокко д'Анфо на западном берегу озера Гарда. Затем Вурмзер отошел к Триенту, оставив свой авангард в Ровередо.

Бонапарт оставил дивизию Массены в долине Эча, а дивизию Ожеро послал на равнину.

Так как осадный парк был утрачен и не так скоро мог быть восстановлен, Бонапарту нельзя было надеяться в ближайшее время возобновить осаду Мантуи и он должен был ограничиться ее блокадой.

На этом заканчивается второй акт этой замечательной кампании.

42. Конечный стратегический результат

Раньше чем высказать окончательное заключение относительно австрийского наступления и его формы, мы должны ясно осознать, что́ это наступление дало и чего оно не дало, т. е. мы должны установить конечный результат этого акта, а этого мы не можем сделать без рассмотрения его отношения ко всей войне в целом.

В июле Мантуя была накануне падения; в таком случае австрийцы теряли гарнизон в 14 000 чел. и большую крепость; а ведь и то и другое могло задержать французов в Италии, т. е. помешать им перейти в энергичное наступление через горы против коренных австрийских провинций. Таково значение этой крепости для австрийцев, как обороняющейся стороны. Другое значение она имела для австрийцев, как стороны наступаю-

щей. Овладей французы Мантуей, и перспектива одним удачным ударом снова овладеть Миланом стала бы крайне ничтожной, так как все вращалось вокруг Мантуи. Если бы Мантуе удалось удержаться, то одно удачное сражение могло довести австрийцев до Тичино, т. е. вернуть им обладание Миланом.

Когда австрийское правительство приняло решение послать из Германии подкрепление в Италию, тогда равновесие на германском театре военных действий еще не было нарушено, поэтому такое решение вполне было оправдано значением, какое имела для австрийцев Мантуя. Бесспорно, австрийский кабинет полагал, что раз удастся снять осаду с Мантуи, то, как следствие, удастся вернуть себе тут же и Милан, что легко могло случиться, и тогда это повлекло бы за собой целый ряд разнообразнейших последствий, связанных с политическими отношениями с другими итальянскими государствами и имевших первостепенное значение. Эти соображения усугубляли значение итальянского предприятия.

Каков же оказался результат? А результат оказался такой, какой едва ли кто мог предвидеть: с Мантуи осада была снята, и опасность ее падения устранена, следовательно, первая половина задания оказалась выполненной; со второй же половиной получилась полная неудача. На первую половину, несомненно, надо было смотреть, как на самое главное, и австрийцы не слишком дорого заплатили за свой успех потерей 10 000 чел. и от 50 до 60 орудий, тем более, что отсюда надо вычесть то, что потерял противник. Впрочем, в заключение этого акта австрийцы оказались в Италии в том самом положении, в каком находились до того.

Таким образом, Мантуя в данное время утратила для австрийцев свое наступательное значение, зато оборонительное свое значение она сохранила, а это, по общему положению дел, было, безусловно, самое главное.

Дело в том, что к этому времени в Германии обстоятельства совершенно изменились. Хотя до сих пор еще нигде не произошло решительного сражения, но чаша весов начинала склоняться к невыгоде австрийцев. В Швабии и Франконии французские армии успели проникнуть на восток до линии города Регенсбурга. Все стычки, имевшие место во время этого продвижения, кончались в ущерб австрийцам. Правда, эрцгерцог Карл решил воспользоваться разделением наступавших французов, чтобы превосходными силами атаковать Журдана на среднем течении Дуная, но как мало можно было рассчитывать, что такое предприятие приведет к крупному, решительному сражению, и как мало могло австрийское правительство надеяться на удачный исход такого сражения! Самая личность главнокомандующего представляла слабую гарантию успеха, так как это была первая кампания, когда эрцгерцог выступал в этой роли.

Итак, если мы точно представим себе положение дел в середине августа в Германии, то станет ясно, что австрийское правительство не могло рассчитывать, что продвижению французов в скором времени будет положен предел. Гораздо вероятнее было ожидать, что без крупного реши-

тельного боя наступление французов будет продолжаться и через несколько недель они будут угрожать Вене — сердцу Австрийской монархии. Если австрийское правительство не захотело бы под давлением этой угрозы заключить мир, то единственным средством оказать сопротивление было для него дать большое сражение, а если бы таковое было неудачно для австрийцев, то условия мира оказались бы совсем иными.

Таким образом, здесь имелась налицо близкая серьезная опасность, перед которой все итальянские дела теряли большую часть своего значения.

Правда, теперь нам трудно себе представить всю серьезность опасности, угрожавшей на Дунае, потому что мы знаем, что скоро должно было наступить блестящее разрешение этого напряженного положения. Но при составлении нашего суждения мы могли бы с ним считаться лишь в том случае, если бы можно было его до известной степени предвидеть, между тем, мы утверждаем, что для этого было слишком мало или даже совсем не было никаких оснований.

Эрцгерцог Карл не был сильнее обоих своих противников,—напротив, они превосходили его на 20 000 чел., все его попытки оказать сопротивление кончались неудачей, а его отступление не носило характера тех добровольных отходов в глубь страны, которые до высокой степени повышают силу обороны. В те времена это средство еще не было известно.

Происшедшее в то время отпадение от союза швабских и саксонских правительств в достаточной мере показывало, как мало тогда было надежды на успех.

Так как теперь за Мантую нечего было беспокоиться и итальянский театр военных действий временно потерял всякое иное значение, то было бы вполне естественно, чтобы австрийское правительство не только послало к германской армии все наличные резервы, но и из армии Вурмзера, все еще насчитывавшей 40 000 чел., половину направило в Германию, в тыл генералу Моро. Таким образом, к концу августа или началу сентября этому генералу мог быть нанесен решительный удар, в исходе которого едва ли могли быть какие-либо сомнения.

Если бы таким образом была предотвращена опасность, грозившая сердцу Австрийской монархии, если бы обе французские армии были вынуждены отойти на тот берег Рейна, — тогда настало бы время заняться снятием осады с Мантуи.

Мы утверждаем, что такова должна была быть правильная и естественная стратегия австрийского правительства. Если же оно все же пошло по другому пути и решило послать новые подкрепления на итальянский театр войны, то причина этого заключается в том, что люди, руководящие подобными делами, редко достигают ясного и глубокого взгляда на них. Где дело ведет один человек единолично, там в большинстве случаев огромную ценность имеет такт суждения, ибо трудность исполнения и ответственность за него служат прекрасными путеводителями. Этот такт

заключается в умении чутьем извлечь истину. А там, где решает военный совет, главную роль играют объективные основания. В те времена стратегия, как наука, не настолько продвинулась вперед, чтобы дать для таких объективных оснований твердые точки опоры, из которых должно исходить всякое рассуждение. Надо обеспечить Тироль, надо в Италии наверстать то, что потеряли в Германии, надо прикрыть Каринтию, нельзя оставить Венгрию беззащитной,— все это основания, которые в военном совете имели такое же значение, как всякое другое, хотя ясно, что сами по себе они не что иное, как материал для умозаключений, и каждое из этих оснований далеко не является неизбежно необходимым. Кроме того, на войне, как, впрочем, и повсюду, всего естественнее отражать зло там, где оно проявляется, не спрашивая себя, не следует ли искать помощи на другом каком-либо месте.

Как бы там ни было, но мы заглянули в самую сущность обстоятельств того момента, который нас занимает, не для того, чтобы из этого извлечь критику австрийского правительства, но для того, чтобы показать, что если скоро последовавшая вторая попытка освободить Мантую придает первой впечатление совершенно неудачного предприятия, то это впечатление ошибочное, так как австрийцы неправильно оценивали значение, какое имела для них Италия. Главное было то, что Мантуя устояла и не позволяла французской армии двинуться из Италии в Германию и принять там участие в решительном сражении, между тем как австрийская армия под командой Вурмзера имела возможность это сделать.

Раз это установлено, то установленным является и то, что главный результат этого акта оказался благоприятным для австрийцев, что вполне победоносным он мог быть для Бонапарта лишь при условии, если бы он либо прикрыл осаду Мантуи или по крайней мере сохранил свой осадный парк, либо вознаградил себя за эту потерю такой победой, которая возместила бы ему понесенные убытки и дала бы ему возможность преследовать австрийскую армию по пятам через Тироль до самой Германии. А так как ни одна из этих целей достигнута не была, то дела французской армии в Италии с 29 июля по 11 августа не улучшились, а ухудшились.

43. Разбор наступления Вурмзера и обороны Бонапарта

Изумление и восхищение, какие вызвал у современников и потомков этот второй акт кампании, отразили в той же мере взгляд на высокое мастерство Бонапарта, как и убеждение в ошибках австрийского командующего. Тем не менее, как раз этот, всюду потерпевший поражение, полководец в главном достиг своей цели. В первую минуту упустили из виду это обстоятельство, и лишь теперь этот результат выступил наружу, как неоспоримый факт. Мы здесь, повидимому, имеем дело с серьезным

противоречием, разрешить каковое мы считаем необходимым прежде всего.

Что Вурмзер всюду потерпел поражение — неоспоримый факт; что он допустил ряд ошибок — вытекает само собой из этого факта. Сейчас мы займемся этими ошибками. В основе своей противоречие, следовательно, должно лежать либо в предполагаемом мастерстве Бонапарта, либо в неисполнимости самой задачи. И как раз это-то мастерство при ближайшем рассмотрении мы вынуждены отвергнуть.

Способ действия Бонапарта был нов, неожидан, крайне решителен и неслыханно деятелен; мы назвали бы его б л е с т я щ и м, но он был неверен и никоим образом не мог разрешить всей стоявшей перед ним задачи.

Цель австрийской армии была двоякая: освобождение Мантуи и победа над французами, что дало бы ей возможность вернуть Милан.

Поэтому и перед Бонапартом стояла двоякая задача: удержаться на линии Минчио и прикрыть осаду Мантуи.

Блокировать и осаждать крепость с гарнизоном в 12 000 чел., прикрывать эту осаду против неприятеля в 50 000 и притом на крайне н е в ы г о д н о м театре войны, вследствие окружения Альпийскими горами, находившимися в распоряжении неприятеля и угрожавшими стратегическому флангу и коммуникационной линии, против неприятеля, добивающегося снятия осады,—все это с армией в 44 000 чел. составляет чрезвычайно трудную задачу, граничащую с полной неосуществимостью в случае применения обсервационной (прикрывающей осаду) армии. Правда, австрийцы не настолько были сильнее французов, чтобы одним численным превосходством добиться победы и увеличить ее последствия охватывающим движением, как то намеревалось сделать их командование. Но если бы они объединенными силами, отказавшись от охватывающего маневра, встретились с Бонапартом, то они настолько превосходили бы те силы, которыми французский полководец мог располагать, что он едва ли мог рассчитывать на победу. Если бы они применили маневр охвата фланга, то для Бонапарта было бы невозможно воспрепятствовать снятию осады Мантуи. Вероятно, та австрийская колонна, которая продвигалась вдоль реки Кьезы, и принудила Бонапарта прекратить осаду Мантуи и перенести поле предполагаемого им сражения на правый берег Минчио.

У французского полководца был лишь один способ, охватывавший всю задачу в целом,— это окопаться в циркумвалационной линии[1]; хотя этот прием и пользовался дурной репутацией и окончательно вышел из моды, тем не менее серьезное размышление должно было к нему привести и побудить к проверке всех обстоятельств, чтобы убедиться, насколько они благоприятствуют применению этого средства.

[1] Линия укреплений фронтом в поле (от крепости), окружавшая и прикрывавшая осадные работы (контрвалационные линии), обращенные фронтом к крепости. П р и м. р е д.

Более подробное развитие этой мысли мы откладываем до разбора всей кампании, потому что тогда ее поддержит все стратегическое значение поставленной задачи и читатель ясно почувствует, что средства определяются целью, а не пристрастием к тому или другому способу действия.

Недостаточно широко охватывающий взгляд на всю кампанию был причиной того, что Бонапарт не придавал должной цены второй половине своей задачи и питал пристрастие к положительному, блестящему и насильственному образу действий — пристрастие, увлекшее его на такой путь, который никогда не мог привести его к разрешению второй задачи. Как раз ретроспективный взгляд на всю кампанию, на последовательное сцепление обстоятельств привел нас к этому заключению,— другими словами, нас научила история. Если критика до нас этого не сделала, то это доказывает одно: насколько она подпадает под влияние предвзятых мнений и как мало она придерживается истории. Бонапарта, молодого полководца, можно извинить, когда он, стоя на своей точке зрения, не сумел чутьем схватить то, что мы сейчас видим перед собой фактически, но как раз поэтому мы вынуждены отказать ему в признании его мастерства.

Итак, относительно разрешения кажущегося противоречия, о котором сейчас идет речь, мы можем сказать: либо задача, стоявшая перед Бонапартом, граничила с полной невыполнимостью (и тогда не приходится удивляться, что, несмотря на ошибки противника и ряд одержанных им побед, он не сумел ее выполнить), либо она стала невыполнимой благодаря избранному французским полководцем пути, и в таком случае, как ни блестящи его боевые подвиги, он совершил ошибку, и в этой-то ошибке и заключается причина неблагоприятного результата.

Это, как мы уже сказали, — наше неизменное убеждение, которое мы высказываем тем определеннее, что здесь мы имеем дело со случаем, который, согласно общему нашему взгляду на войну, встречается крайне редко: когда блестящие победы не достигают той цели, которая легко и без шума могла бы быть достигнута самым простым средством.

Обратимся теперь к плану наступления австрийцев. Как мы уже говорили, у них был выбор между двумя совершенно различными мероприятиями: либо одновременным наступлением на стратегический фланг и фронт французов, одним лишь стратегическим маневрированием, заставить их снять осаду, а может быть, и отступить еще дальше, либо, прорвавшись соединенными силами через долину Эча, дать решительное сражение на левом берегу Минчио; в этом сражении, благодаря крупному превосходству сил (50 000 против 35 000), победа была за ними обеспечена в достаточной мере и привела бы к снятию осады с Мантуи и, вероятно, к завоеванию всей Миланской области.

Если бы австрийцы остановили свой выбор на первом способе, то им следовало бы всемерно избегать решительного столкновения с главными

силами французов и ограничиться лишь освобождением Мантуи Вурмзером или Кважда новичем, все время отступая перед Бонапартом, доколе будет длиться его наступление. То была совсем нетрудная задача, и если проследить ход событий, то легко убедиться, что, например, Кважданович, после первого далеко не решительного боя под Лонато 31 июля, убедившись в присутствии Бонапарта, мог отступить до Гавардо и затем уже продвигаться вперед лишь крайне осторожно; точно так же и Вурмзер без труда мог уклониться от сражения при Кастильоне 5 августа. В военной истории мы встречаем очень много случаев, когда одним лишь стратегическим маневрированием цель достигалась столь же несомненным образом, как она могла быть достигнута и в данном случае.

Между тем, австрийцы, собственно говоря, искавшие крупного, решительного дела, перепутали, благодаря весьма распространенному смешению идей, оба мероприятия — они хотели сражаться и победить и в то же самое время маневрировать. Мы называем это смешением идей, потому что раз стратегическое маневрирование представляет собой нечто особое, т. е. отличное от одного лишь планомерно комбинированного наступления, то понятие его заключается как раз в том, чтобы достигнуть намеченного результата без решающего боя, без сражения, без победы.

Австрийцы стремились дать решительное генеральное сражение; в таком случае самое простое средство достигнуть этой цели было — проникнуть объединенными силами через долину Эча, с тем чтобы уж наверняка не лишиться своего преимущества — абсолютного превосходства сил. Простейший план должен первым приходить в голову, и отклоняться от него можно лишь под давлением непреодолимых обстоятельств.

Какие же причины побудили австрийцев уклониться от этого простейшего плана? Надо полагать — те самые, которые мы привели в § 34.

Во-первых, они не хотели наступать по одной единственной дороге с такими значительными силами. Несомненно, проходя через горы, гораздо приятнее иметь позади себя несколько дорог, выводящих из этих гор, но абсолютной необходимости в этом нет; да ведь вообще об одной единственной дороге нет и речи; мы же видим, что австрийцы идут четырьмя-пятью колоннами по так называемой Эчской дороге. Там, где они продвигались с 32 000, они с успехом могли продвигаться и с 50 000. Ведь в данном случае вопрос о стратегической базе роли не играл, потому что путей отступлений на Бренту или на Фриуль у них было достаточно. При таких обстоятельствах поместить между обеими армиями такое препятствие, как озеро Гарда, было непростительной ошибкой, хотя бы из-за его ширины.

Второе основание — заставить противника разделить свои силы, — собственно говоря, ничего не выражает, так как если я добьюсь разделения неприятельских сил ценою разделения собственных сил, то я этим ничего не выигрываю. Мы бы и не приводили этого осно-

вания, если бы не знали по опыту, что эта наполовину не продуманная мысль заволакивает своим туманом большинство стратегических планов.

Третье основание — угрожать отступлению противника — относится к маневренной задаче, и против него нельзя было бы возражать, если бы в долину Кьезы послали отряд настолько небольшой, чтобы его отсутствие на пункте решительного боя не почувствовалось и не причинило никакого ущерба. Но, как мы выше говорили, когда главные силы сражаются, они маневрировать не могут.

Наконец, четвертое основание—усиление результата в случае победы — можно было бы оправдать лишь в случае значительного физического или морального превосходства. С ростом цели растет и опасность; это закон общий, с которым, впрочем, несмотря на его простоту, редко считаются. Если риск неудачи очень мал, то можно расширить цель, но вероятность успеха — первое соображение, которое должно руководить нашими действиями. Насколько можно уменьшить эту вероятность, т. е. до какой степени можно рисковать, зависит, правда, от полководца, но регулировать его отвагу, несомненно, будет сознание собственной силы. Если бы Вурмзер был юным героем, который, гордый своей гениальностью, берется всегда за самое блестящее, то, даже в случае неудачи, следовало бы говорить не то, что он сделал ошибку, но что он переоценил свои силы. Но ведь австрийский план наступления был совершенно объективным искусственным произведением, созданным начальником генерального штаба, а не рожденным из души полководца; а в таком плане решающее значение могли иметь лишь объективные величины, от него можно было ожидать лишь ума и расчета, но никак не отваги.

Если бы австрийская армия была сильнее на 20 000 чел., то можно было бы допустить продвижение по обеим сторонам озера Гарда; тогда 55 000 чел., проникнув через долину Эча, дали бы Бонапарту сражение, в котором он не мог бы остаться победителем, в то время как 15 000 чел. овладели бы дорогой на Милан и повысили бы успех главной австрийской армии в случае ее победы. Но так как численное превосходство австрийцев, какого они могли достигнуть при наибольшем сосредоточении своих сил (50 000 к 35 000), было достаточно лишь для того, чтобы с известной степенью вероятности обеспечить за ними победу, то разделение сил, не допускающее возможности соединиться до решительного сражения, составляет, безусловно, основную ошибку. Ослабленный разделением своих сил, но все же стремящийся дать решительное сражение, Вурмзер вынужден 5 августа с 25 000 принять бой против Бонапарта во главе 30 000 чел. Спрашивается, был ли у первого малейший шанс победить при моральном состоянии той и другой армии? Между тем, если бы он шел по одной дороге со всеми своими объединенными силами, он сразился бы с тем же числом французов, располагая сам вдвое большими силами.

После того как мы таким образом установили те преимущества, какие доставило бы австрийцам продвижение всеми силами по одной дороге, мы смело можем признать их план за одну из тех стратегических концепций, в которых штабная ученая наука проявляет испытываемую ею потребность в сложных формах и средствах, сама хорошенько не ведая, зачем. Итти на неприятеля самым простым способом по одной дороге — страшит полковника генерального штаба потому, что это может навлечь на него обвинение в голом натурализме.

Как мы уже говорили, на войне первым должно приходить в голову п р о с т о е, и каждый шаг, которым мы отходим в сторону от этого простого, должен быть ясно и определенно обоснован. Однако такой ход мышления доныне совершенно чужд современным (Клаузевицу.— Р е д.) стратегам. Они всегда начинают со сложного, а потому и все их рассуждения настолько сложны, что в них не найдешь ни начала, ни конца.

44. Оборона Бонапарта

Оборона Бонапарта в тех условиях, в которых он находился 29 июля, бесспорно является одним из прекраснейших образцов, какие встречаются в военной истории.

Так как он не имел никакой возможности прикрыть осаду Мантуи, то решение, принятое им 30-го (или 31-го — в точности неизвестно), — не только снять осаду, но и бросить на произвол судьбы свой осадный парк, имеет то достоинство, что не является полумерой, каковой в данных условиях надлежало опасаться. Второе решение — переправиться через Минчио, чтобы атаковать всеми своими силами ту колонну, которая грозила зайти ему в тыл, — было наилучшее и самое простое. С этим решением было связано также предположение, что и вторая колонна последует за ним через Минчио и предоставит ему случай теми же силами, разбив первую, разбить и вторую.

Трудно было придумать что-либо более удачное, так как, с одной стороны, это вело к решительному бою, который, в случае благоприятного исхода, обеспечивал за французами обладание Ломбардией, с другой — оно даже не было сопряжено с особым риском и не требовало особой отваги, но было задумано с такой осторожностью, какая только может быть проявлена, когда добиваются победы.

Если при их осуществлении такие комбинации протекают не так чисто и гладко, как того требует теоретическое рассуждение, то это не может служить основанием к тому, чтобы сколько-нибудь умалить заслугу Бонапарта. Если его решение и могло быть принято им раньше, а исполнение его могло быть лучше подготовлено, то надо заметить, что сам он еще не прошел всей школы большой войны и еще не успел выработать в себе определенных принципов для важнейших случаев, а действовал по внушению своего таланта, так сказать, от случая к случаю. Как бы то ни

было, но критика не в праве быть чересчур придирчивой в подобном случае, когда мы располагаем столь скудными сведениями.

Зато, пожалуй, мы не без основания можем сказать, что Бонапарт не проявил особого искусства при организации и использовании главнейших боев 31 июля, 3 и 5 августа, ибо они не дали ему полной победы: победоносными они не были, как бы громко ни похвалялись этим сам Бонапарт и его генералы. Его донесения полны тех смешных преувеличений, которые были свойственны ему и впоследствии в течение всей его жизни. Эта хвастливость, это полное отсутствие чувства правды либо были присущи его характеру, либо являлись следствием рано осознанного им основного принципа политики.

Если бы армия Вурмзера потерпела действительное поражение, то Бонапарт последовал бы за ней внутрь Тироля; вместо того, мы видим, как эта армия, получив подкрепление лишь изнутри и благодаря этому уменьшившаяся лишь на 5 000—6 000 чел., через несколько дней опять появляется в Ломбардии.

Чтобы добиться более решительного успеха против Квасдановича, Бонапарту следовало атаковать его не 31 июля, а 1 августа. Тогда он нашел бы его силы более объединенными и более продвинувшимися вперед, да и сам он успел бы собрать свои силы. Между тем, то, что произошло 31-го, скорее походило на случайную, неожиданную стычку с дивизиями Соре и Депинуа, так как ни Ожеро, ни Массена, видимо, сами не присутствовали при этом [1].

Что же касается сражения 5 августа, то при последующем энергичном преследовании за Пескьеру оно дало бы гораздо большие результаты.

Все это мы говорим не столько для того, чтобы высказать определенное порицание действиям французского полководца, сколько для того, чтобы яснее выявить, что было и чего не было.

[1] Письмо Депинуа Бонапарту от 1 августа 1796 г. Неизданная переписка (Correspondence inédite, Italie), т. I, стр. 419.

ГЛАВА IV

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВУРМЗЕРА

45. Бонапарт стоит 3 недели на Эче

Уже в § 42 мы показали, что в конце второго акта операции для французской армии было стратегически необходимо атаковать австрийцев.

Когда с двумя армиями переходят в наступление, которое должно привести к окончательному решению, оставаться с третьей армией в праздном бездействии было бы главной, основной ошибкой, потому что одновременное напряжение всех сил является первейшим принципом всякого стратегического наступления.

До того как Вурмзер спустился в долину Ломбардии для своего первого наступления, Директория в наступлении своей Итальянской армии на Триент и Боцен видела лишь необходимое стратегическое выравнивание фронта с армией Моро, правое крыло которой должно было находиться у Инсбрука. Но ведь такое выравнивание означает не что иное, как одновременное и равномерное напряжение сил. Когда Вурмзер был разбит и снова загнан в Тироль, Директория, опьяненная своими победами, видела одно лишь преследование, еще более богатую добычу, ускоренное достижение великого результата. Когда в середине августа у Директории возникли некоторые сомнения относительно исхода военных действий в Германии, она напала на действительный стратегический узел. В одном письме без даты, но, видимо, написанном между 15 и 23 августа, она говорит: «Появилась крайняя необходимость, чтобы вы атаковали неприятеля и гнали его перед собой. Армия эрцгерцога Карла, усиленная некоторыми подкреплениями, пришедшими к ней из Галиции и из внутренних областей Австрии, сочла себя достаточно сильной, чтобы атаковать армию главнокомандующего генерала Моро и дать ему сражение у Нересгейма и Донауверта; исход этого сражения одно время был сомнителен, но в конце концов оказался в нашу пользу. Если генерал Вурмзер будет иметь хотя бы самую краткую передышку, он получит возмож-

ность отправить часть своих войск, которая вместе с силами эрцгерцога Карла воспрепятствует начинаниям нашей Рейнской армии, и, может быть, не безуспешно».

Исходя из этого взгляда, Директория то и дело настаивает на том, чтобы Бонапарт проник в Тироль и захватил течение р. Инна, чтобы он преследовал армию Вурмзера, разгромил и рассеял ее.

У Бонапарта — иной план: он хочет итти на Триест, чтобы разрушить и город и гавань и оттуда угрожать сердцу Австрийской монархии.

Этот несколько гуннский проект имел своим источником сильную страстность его натуры и чувство, что теперь никакая австрийская армия ему не страшна. Французская армия, идущая на Триест, имея противника у Триента и оставляя у себя на правом фланге сомнительную Венецианскую республику, должна была быть одержима настоящим зудом запутываться в скверных условиях и драться в отчаянном положении. В то время как современный Атилла шел бы на Триест, австрийская армия продвигалась бы через долину Бренты и, если бы он не захотел выпустить из рук своей добычи, могла бы отрезать его от его базы и с превосходными силами заставить его сражаться перевернутым фронтом. Впрочем, мы утверждаем, что она могла сделать нечто гораздо лучшее: пойти против Моро и совместно с эрцгерцогом Карлом разгромить его армию.

Тем не менее, мы не станем отрицать того, что план Бонапарта мог увенчаться крупным успехом. Правительства редко умеют приносить серьезные жертвы и откупаться от большего зла меньшим. Возможно, что австрийцы сделали бы все, лишь бы п р и к р ы т ь Т р и е с т, и, вместо того чтобы думать о контратаке, двинули бы к нему все то, чем они располагали, чтобы в конце концов, все же притти слишком поздно и быть разбитыми поодиночке. А если бы из Тироля не предприняли никакой контрмеры в тылу Бонапарта, то последний, несомненно, имел бы возможность занять угрожающее положение по отношению к Вене на Лайбахской дороге. Надо полагать, что Бонапарт уже потому предпочитал дать такое направление своей деятельности, что при этом он сохранял свою самостоятельность. Директория, хотя и весьма осторожно, неоднократно отклоняла это предложение.

Тем временем до начала сентября решительно ничего не произошло. Бонапарт, которому были обещаны подкрепления из Приморской и Альпийской армий в размере 20 000 чел., хотел выждать их прибытия. При этом он доносил, что у него в армии на Эче имеется до 15 000 больных. Если к этому еще добавить, что, как видно из писем отдельных дивизионных генералов, французские войска нуждались во всевозможных предметах снаряжения, особенно же в обмундировании, то станет вполне понятным, почему французы не приступали сразу к новым предприятиям. Впрочем, не приходится отрицать, что за те три недели, которые были, таким образом, потеряны, французская армия действительно упустила благоприятный момент и что те 25 000, которые погнались бы по пятам за

Вурмзером, овладели бы, может быть, всем Тиролем и распространились бы уже в Германии. Мы говорим: может быть, ибо этот успех далеко не был обеспечен; ведь надо предположить большую деморализацию в войсках, чтобы такая страна, как Тироль, которая сама выставляла от 7 000 до 8 000 бойцов, с сорокатысячной армией не могла бы удержаться против 25 000. Во всяком случае, австрийские силы были бы заняты этой попыткой, что помешало бы им притти на помощь эрцгерцогу Карлу.

В течение трех недель, от 7 августа до первых чисел сентября, Бонапарт стоял с центром, т. е. с главной массой войск под командой Массены, у Риволи, с правым крылом под командой Ожеро — близ Вероны и с левым, дивизией Соре, которой теперь командовал генерал Вобуа, — на западном берегу озера Гарда. Дивизия Серюрье, находившаяся теперь под начальством генерала Саюге, блокировала Мантую, а Кильмэн составлял резерв, расположившись между Минчио и Эчем.

К концу августа силы французской армии выражались в следующих цифрах:

Дивизии Вобуа	11 000 чел.
» Массены	13 000 »
» Ожеро	9 000 »
» Саюге	10 000 »
Кавалерия Кильмэна	2 000 »
Итого . . .	45 000 чел.

46. Новый план наступления австрийцев

В то время как к Бонапарту подходили подкрепления и он еще не успел сговориться со своим правительством относительно дальнейшего образа действия, австрийское правительство, со своей стороны, приложило все усилия, чтобы послать подкрепления армии генерала Вурмзера. К концу августа эта армия снова была доведена приблизительно до 45 000 чел. Однако австрийское правительство не ограничилось тем, чтобы таким путем обеспечить Тироль, который после продвижения в Швабии армии Моро был уже в ее тылу и на правом ее фланге; оно в то же время не хотело отказаться от наступательных действий в Италии. Вурмзер должен был снова спуститься в равнины Италии, чтобы освободить Мантую.

На этот раз уже не генеральный штаб, а инженерное ведомство вмешалось в составление стратегического плана, а это значило — попасть из огня да в полымя. Вместо полковника Вейротера старику Вурмзеру придали в качестве начальника штаба инженер-генерала Лауера, который и привез с собой составленный им план наступления.

Армия Вурмзера снова должна была разделиться.

В то время как генерал Давидович с 20 000 чел. занимал Тироль, Вурмзер с 25 000 чел. должен был спуститься через долину Бренты на

равнину Италии. Если бы французская армия обратилась против него-то Давидович с соответственным корпусом из оставшихся в Тироле войск должен был спуститься в долину Эча и направиться в тыл французской армии, с тем чтобы при помощи маневрирования вытеснить французов из области, расположенной между Эчем и Минчио, или дать им сражение, или по крайней мере связать их на равнине Италии, не допустив их вторжения в Тироль.

47. Разбор плана военных действий

Мы увидим, как этот значительно худший план привел и к гораздо более дурным последствиям. Но мы не можем удержаться, чтобы не указать тут же на те недоуменные вопросы, которые этот план у нас возбуждает.

Было ли освобождение Мантуи настоятельно необходимой задачей?— Конечно, нет, потому что ее не очень теснили, и могли пройти еще целые месяцы, прежде чем можно было начать говорить о ее сдаче. Что собственно означало — освободить Мантую? — Снять блокаду, т. е. прогнать французов с левого берега Минчио, чего с таким генералом, как Бонапарт, нельзя было сделать без генерального сражения. А разве теперь к нему были более подготовлены, чем четыре недели тому назад? — Нет, потому что теперь были слабее. Были ли приняты более удачные подготовительные меры? — Отнюдь нет, ибо снова силы были разделены, и снова произошло смешение боя с маневрированием, как и в первый раз.

Да и была ли вообще какая-нибудь надобность атаковать неприятельскую армию в Италии? Она бездействовала, а это для австрийцев было самое лучшее, на что они могли надеяться.

Однако надо было предвидеть, что французская армия недолго будет бездействовать, а потому австрийцы предпочитали предупредить наступление противника и дать сражение на равнинах Италии, а не ожидать его в горах Тироля в роли обороняющегося.

Вот тут-то и проявляется обычное заблуждение, грубое расхождение со здравым смыслом: будто наступление предоставляет больше шансов на победу, чем оборона. Два раза в эту кампанию разбитая австрийская армия укрывалась в Тироле, и оба раза она находила убежище в его горах и ущельях, потому что оба раза французские войска, которые на равнине преследовали бы ее по пятам, останавливались, как зачарованные, у подножия Тирольских Альп. Австрийцы наблюдали это явление, совсем ему не удивлялись, находили его вполне естественным, но глядели на него, как во сне, т. е. не сознавая его причины, не пытаясь отдать себе отчет, в чем тут дело. Если разбитая, находящаяся в полном отступлении армия нашла в этих горах убежище, то восстановленная, получившая подкрепления, при прочих одинаковых условиях, тем менее рисковала подвергнуться атаке. До такого простого умозаключения они дойти не могли.

Мы хотим проследить это заблуждение до самого его источника, заблуждение, которое оказывает столь сильное действие, что не только австрийское правительство, но, вероятно, девять десятых мыслящей публики никак не может притти к убеждению, что дважды два будет четыре.

Мы, более чем какой-либо другой теоретик или практик, убеждены в том, что в решающем сражении горы не благоприятствуют обороне. Мы готовы даже согласиться с тем, что, когда решительное сражение неизбежно, часто встречаются такие случаи, когда следует предпочесть бой наступательный оборонительному. Однако из этих двух положений далеко еще не следует, что австрийцы должны были спуститься с Тирольских гор, чтобы повести стратегическое наступление на Итальянскую равнину.

Если бы Бонапарту, после того как он разбил двух австрийских полководцев, Больё и Вурмзера, и обратил их в бегство, представился случай снова атаковать их на равнине, он бы чрезвычайно этому обрадовался и приветствовал бы решительное сражение тем более, чем решительнее оно было бы. В горах он тем легче выиграл бы это решительное сражение, согласно нашему убеждению, а также, думаем, мы, согласно убеждению самого Бонапарта. Но победа в горах была бы чем-то совсем иным по своим последствиям.

Что мог бы сделать Бонапарт с победой в Тироле? Ему пришлось бы овладеть всей страной, ибо горная страна, жители которой принимают участие в ее обороне, будет принадлежать нам лишь тогда, когда мы захватим и займем каждый пост, в то время, как на равнине это делается одним победным шествием главных сил по стране. Если бы ему действительно удалось завоевать таким образом и занять Тироль, сколько у него могло остаться сил для того, чтобы вторгнуться с ними в Швабию? Мы видим, что Бонапарт, поставив перед собой в средних числах июля и средних числах августа этот вопрос, сам себе ответил, что для этого он недостаточно силен, что он таким образом запутается в такие сложные положения, разрешить которые будет ему не по силам. Следовательно, не трудность одержать победу над австрийцами в Тироле, а трудность добиться этой победой удовлетворительного стратегического результата, трудность продолжить свое стратегическое наступление сквозь такую страну, как Тироль, — вот что оба раза принудило его остаться на равнине Италии. Поэтому отнюдь нельзя смешивать общую стратегическую ценность, какой обладают горы, с их ценностью, как поля сражения. Будь равнина Италии больше на те 25 миль, которые отделяют Риволи от Инсбрука, Бонапарт не задумался бы преследовать до него австрийцев; очевидно, задерживала его преграда Альп.

Вот что мы можем сказать о последствиях и о значении победы. Но, кроме того, есть огромная разница между тем, как достигается победа в горах и как она достигается на равнине. Если обороняющийся на равнине, не желая доводить дела до решительного сражения, отступает, то

атакующий ничего не теряет ни от затраты значительных усилий, ни от того, что в результате он оказался в трудном и сложном положении. Он лишь прошел несколько переходов вперед, которые, в худшем случае, ему придется пройти в обратном направлении. Не так обстоит дело в горах. Там каждый шаг вперед покупается ценой крови; победа состоит не из одного главного боя, а из множества второстепенных боев; лишь победив во всех этих боях или в большинстве из них, становишься победителем; таким образом, бываешь вынужден начать сражение раньше, чем узнаешь, принимает ли противник этот бой или нет. Если противник оказывает лишь такое сопротивление, какое он может оказать без особой опасности, если он повсюду отходит своевременно, так, чтобы не понести особых потерь, то в результате окажется, что наступающий всюду оттеснил обороняющегося, не одержав над ним настоящей победы. Он овладел участком горной местности, не добившись того морального превосходства, которое закрепило бы за ним это обладание. Словом, он израсходовал часть своих сил и в результате оказался в таком положении, какого не искал.

Все эти соображения лежат, главным образом, в основе той осторожности, которая останавливает наступающего у подножия гор. Если французский полководец два раза — в середине июля и в середине августа — имел достаточные основания для того, чтобы остановиться у подножия гор,—основания, которые при общем обзоре всех обстоятельств в целом представляются гораздо более простыми, чем они могли показаться при теоретическом разборе в их раздробленном виде,— что же побудило австрийское правительство рассчитывать на то, что в конце августа у Бонапарта не будет этих оснований? Правда, он получил подкрепления, и от этого возобновление его деятельности стало вероятнее, но разве несколько лишних тысяч человек могут быть признаны равноценными Тирольским Альпам? Если бы обороняющийся при малейшем признаке готовящегося против него наступления отказывался от обороны, чтобы самому перейти в наступление, то большинство успешных оборон так бы и не состоялось, потому что главная сила всякой обороны заключается в великом преимуществе, какое дает обороняющемуся выжидание.

Мы утверждаем, что в это мгновение австрийское правительство не сумело оценить все то преимущество, какое ему дают его Тирольские Альпы,— преимущество, которым оно в такой мере пользовалось в трудную минуту и которому оно временами придавало преувеличенную ценность. При этом оно дало себя соблазнить претендующими на гениальность путаниками перейти от обороны к наступлению, которое далеко не входило в его интересы.

Нам остается устранить еще только одно основание. Может быть, наступление на равнине Италии было предпринято для того, чтобы поднять дух неаполитанского и римского правительств, которые тогда еще не

успели заключить мир с Французской республикой, а первое даже придвинуло корпус к римской границе?

Правда, если бы связь с этим государствами настолько уже окрепла, что можно было бы приступить к совместным действиям, тогда, конечно, наступление австрийцев в Италии было бы вполне мотивировано, но до этого еще было далеко.

Говорят, что хотели придать бодрости этим государствам. Но для этого надо было добиться победоносного исхода, а потому политический мотив мог быть принят во внимание лишь в том случае, если по другим причинам можно было почитать успех обеспеченным. Если же таким наступлением можно было попасть в затруднительное положение, то это было бы равносильно тому, как если бы австрийское правительство само себя ударило по лицу.

Довольно, однако, об австрийском плане, поскольку он нам представляется совсем не мотивированным и находящимся в полном противоречии с природой вещей. Но, чтобы к этому отрицательному результату добавить положительный, мы еще раз повторим, что лучшее употребление, какое австрийцы могли сделать во второй половине августа из своих вооруженных сил, заключалось в том, чтобы все подкрепления, какие они послали в Италию, отправить эрцгерцогу Карлу и приказать генералу Вурмзеру выступить с 20 000 чел. против генерала Моро, с тем чтобы атаковать его совместно с эрцгерцогом.

Действие этого мероприятия было бы столь же решающим, сколь безошибочным. Журдан, как то доказали сражения при Амберге и Вюрцбурге, при своей и без того чересчур растянутой операционной линии по ту сторону Дуная, никак не мог бы возместить то, что было утрачено в Швабии, а во время своего длительного отступления мог оказаться в крайне опасном положении, если бы запоздал со своим отходом. Бонапарт же, если бы, по получении известия об уходе Вурмзера, и проник в Тироль, то проник бы туда слишком поздно и во всяком случае с 20 000 чел. не мог бы исправить то, что было решено в борьбе 70 000 чел., так как большие массы неизбежно увлекают за собой малые, если разница между ними значительная.

48. Бонапарт атакует Давидовича

Австрийский корпус, который под командой Давидовича был оставлен в Тироле, прикрывал его в трех направлениях: один отряд в 3 500 чел., под командой Грефера прикрывал Форарльберг и стоял фронтом, повернутым к Швабии; второй, под начальством Лаудона, в 3 000 чел., занимал проходы, ведущие в Вальтелин (верхняя Адда); остальные 14 000 чел. стояли против французов в окрестностях Триента. Из этого корпуса одна дивизия в 5 000—6 000 чел., под командой принца Рейса, стояла на правом берегу Эча у Мори, между Ровередо и озером Гарда. Авангард ее стоял на берегу реки Сарка. Другая дивизия, под командой Вукасовича,

стояла у Сан Марко в долине Эча на одной линии с Мори; ее авангард стоял у Серавале. Резерв стоял позади Ровередо, занимая сильную позицию Кальяно; главная квартира Давидовича поместилась в Ровередо. Сам Вурмзер с тремя дивизиями, под командой Квасдановича, Зеботтендорфа и Мессароша, всего 26 000 чел., двинулся в сентябре по долине Бренты на Бассано.

Бонапарту план наступления Вурмзера был известен. Он решил оставить на нижнем течении Эча генерала Кильмэна с 2 500—3 000 чел. для прикрытия блокады Мантуи, а самому с дивизиями Вобуа, Массены и Ожеро подняться по долине Эча, разбить Давидовича, затем спуститься по долине Бренты по следам Вурмзера и дать ему сражение там, где он его настигнет.

Бои Бонапарта против Давидовича составляют сражение под Ровередо, а ряд боев против Вурмзера под Бассано, закончившихся боем под стенами Мантуи, носят общее название первого сражения под Бассано.

Так как позиция самого Давидовича находилась к северу от озера Гарда, то Бонапарт счел возможным рискнуть послать дивизию Вобуа по западному берегу озера, указав ему, как на ориентировочную точку, на Мори.

3 сентября Вобуа атаковал мост через Сарку, взял его и прорвался до Мори. В тот же день Массена вытеснил неприятельские аванпосты из Алы и Серавале и проник до Сан Марко. Ожеро следовал, как главный эшелон, через Монте Моларе, с одной стороны — для прикрытия правого фланга, с другой — чтобы служить резервом.

Сражение под Ровередо 4 сентября

4 сентября Вобуа и Массена атаковали позиции австрийцев у Мори и у Сан Марко, выбили их из обеих, прогнали их, повидимому, с большими потерями, через Ровередо и после полудня появились перед позицией у Кальяно.

Здесь стоял со своим корпусом Давидович на одной из тех позиций, часто встречающихся среди горных долин между высокими горами и, благодаря близости сильных опорных пунктов, кажущихся неприступными, но скоро и без особого труда преодолеваемых с флангов. Повидимому, это произошло и здесь: еще не настал вечер, как французы овладели позицией, а австрийцы, потеряв 3 000 чел., стали отходить через Триент. Уже утром 5 сентября Массена вступил в этот город. В это самое время Ожеро продвинулся вперед до высот Арзы, на восток от Ровередо.

Если исчислять дивизии Вобуа и Массены, по причине выделения из них некоторых отрядов, в 20 000 чел., а корпус Давидовича, который, несомненно, не успел подтянуть к себе все свои аванпосты, в 10 000 чел., то мы увидим, что благодаря стратегическим комбинациям французскому полководцу удалось выступить против австрийцев на решающем пункте с вдвое большими силами.

Бой на р. Лавис 5 сентября

Давидович задержался позади р. Лавис, впадающей в Эч, на расстоянии двухчасового перехода к северу от Триента. Но так как этот пункт был расположен слишком близко от входа в долину Бренты, чтобы можно было оставить там Давидовича, то Бонапарт атаковал его на этой позиции еще 5 сентября под вечер и заставил отступить до Неймаркта.

49. Бонапарт идет на Вурмзера

Вурмзер вступил в долину Бренты приблизительно в то время, когда Бонапарт двинулся через долину Эча; он находился в окрестностях Бассано, когда ему донесли об этом движении противника. Он решил не поворачивать назад, но продолжать свое продвижение вперед и своими операциями через Бассано и Виченцу против Вероны и Мантуи наверстать то, что он может потерять под Ровередо, и тем самым принудить Бонапарта вернуться со своими главными силами на равнину Италии, и притом, как он полагал, той же дорогой, по которой он пришел.

Бой под Примолано 7 сентября

Однако Бонапарт принял другое решение. 6 сентября, считая главнейшие свои операции против Давидовича законченными и узнав, что Вурмзер находится у Бассано, он оставил Вобуа для наблюдения за австрийцами на р. Лавис, а сам с дивизиями Массены и Ожеро, т. е. с 20 000 чел., двинулся к Бассано через долину Бренты. Он шел таким форсированным маршем, что дивизия Ожеро, 5-го стоявшая еще у Левико в долине Бренты, 7-го рано утром атаковала у Примолано, в 6 милях от Левико, три батальона кроатов, которых Вурмзер там оставил как арьергард. Их окружили и, после некоторого сопротивления, заставили сложить оружие, причем в руки французов попало от 1 200 до 1 500 пленных и 5 орудий.

Вурмзер 7 сентября оставался в Бассано. Его авангард под командой Мессароша еще 6-го продвинулся до Виченцы и производил разведки по направлению Монтебелло. Со своими главными силами, дивизиями Зеботтендорфа и Квадановича, он занимал позицию впереди Бренты, у самого ее берега, на находившемся там плоскогорье. Его главная квартира помещалась в Бассано, обоз — по дороге на Читаделлу, три батальона на правом берегу Бренты были посланы к Камполунго, а три других — на Соланья на левом берегу, чтобы встретить и принять три батальона кроатов из Примолано, а также для прикрытия фланга и тыла со стороны Бренты.

Сражение под Бассано 8 сентября

Утром 8 сентября Бонапарт атаковал эти посты и, после некоторого сопротивления, опрокинул и преследовал их по пятам; они отступили частью в лагерь, находившийся под Бассано, частью в самый город.

Какие меры принял Вурмзер, как он построил свои войска, — нам не известно. Полной неожиданностью эта атака не могла быть для него: ведь эти шесть батальонов стояли от города на расстоянии 1 мили и оказали некоторое сопротивление; тем не менее, в распоряжениях австрийского командования, видимо, царило большое замешательство, так как французы не только немедленно овладели городом, но и захватили там, помимо многочисленных обозных фургонов, два понтонных парка. В результате этого, с нашей точки зрения, совершенно бесформенного сражения австрийцы потеряли 2 000 чел. пленными и 30 орудий, Вурмзер должен был отступить по левому берегу Бренты до Фонтении, а Квазданович, совершенно оттесненный в сторону, со своей дивизией был вынужден отойти в Фриуль.

Согласно единственному источнику, который имеется с австрийской стороны для этой части кампании, сочинению английского полковника Грехэма [1], Вурмзер отступил, не приняв сражения. Таким образом, потери были обусловлены внезапностью атаки и неудачным арьергардным боем. Так как Грехэм находился при главной квартире Вурмзера, то его сообщение, несмотря на поверхностность, должно почитаться весьма авторитетным. После ухода дивизии Мессароша и других выделенных отрядов силы, которыми располагал под Бассано Вурмзер, должны были составлять 17 000—18 000 чел. Французские же дивизии достигали приблизительно 20 000 чел.

50. Вурмзер спешно укрывается в Мантуе

8 сентября Вурмзер (может быть, с частью дивизии Квазданович, а может быть, с резервами) переправляется у Фонтении через Бренту и идет на Виченцу, где к нему присоединяется Зеботтендорф, вероятно, отошедший туда прямо с поля сражения. Вурмзер решает с оставшимися войсками, 12 000 пехоты и 4 000 кавалерии, укрыться в Мантуе, поэтому он безостановочно продолжает свой путь на Леньяго через Монтебелло, в котором он находит Мессароша и которое его арьергард покидает 9-го на рассвете. Леньяго, оказывается, было уже взято отрядом войск Мессароша, и теперь австрийцы спешно занялись его укреплением.

Когда Бонапарт заметил, в каком направлении двинулся Вурмзер со своими главными силами, у него появилась надежда заставить австрийцев положить оружие в открытом поле. Он рассчитывал на то, что переправа через Эч и местность у его берегов, покрытая болотами и изрезанная речками, настолько задержит противника, что Кильмэн с частью своих войск, блокирующих Мантую, успеет подойти и преградить одну из переправ, в то время как дивизии Массены и Ожеро подойдут к австрийцам с тыла и с флангов. Прежде всего он приказывает Ожеро 8 сентября сле-

[1] Histoire des campagnes d'Italie, d'Allemagne et de Suisse en 1796, 1797, 1798 et 1799.

довать за австрийцами по дороге, ведущей на Падую, чтобы воспрепятствовать их уходу в Фриуль. А Массена еще в тот же день направляется на Виченцу, куда прибывает, вероятно, лишь к вечеру, с тем чтобы на другое утро выступить на Ронко у Эча, через который он переправляется 10-го на согнанных из разных мест паромах. 11-го рано поутру он уже прибыл в Сангвинето. Таким образом, с утра 8 сентября и до утра 11-го, т. е. за 72 часа, он дал бой под Бассано, переправился на немногочисленных паромах через реку и проделал путь в 13—14 миль. Такая активность почти беспримерна. Но еще более нас должно удивить, если мы вспомним, что та же дивизия непосредственно перед этим прошла путь от Триента до Бассано, т. е. 13—14 миль, за те же 72 часа.

Бой у Череа 11 сентября

10-го Вурмзер прибыл в Леньяго, т. е. как раз в то время, когда Массена переправлялся у Ронко через реку. Он оставляет 1 800 чел. при 20 полевых орудиях в Леньяго, а сам 11-го продолжает свой путь к Мантуе на Сангвинето. В Череа на расстоянии 1 мили от Леньяго генерал Отт, командовавший авангардом, действительно сталкивается с Мюратом и Пижоном, составляющими авангард Массены; генералу Пижону даже удалось отбросить головную часть австрийцев, которая сперва опрокинула Мюрата, и овладеть мостом через Менаго; однако генерал Орт, заметив незначительные силы французов и поняв опасность, угрожавшую австрийской армии, снова отбивает у французов мост, раньше чем сам Массена успел подойти со своей дивизией, и таким образом, Вурмзер благополучно прорывается в этом пункте, а авангард Массены вынужден возвратиться с полдороги в Ронко, где его принимает дивизия Массены.

Бой под Вилла Импента 12 сентября

Вурмзер продолжает свой путь в течение всей ночи. Прибыв 12-го рано поутру в Ногару, он узнает, что Молинелла и Тион у Кастелларо заняты войсками из осадного корпуса генерала Саюге; он оставляет против них свой авангард под командой генерала Отта, а сам идет на Вилла Импента, где находит мост, занятый незначительными силами, которых опрокидывают австрийские уланы. Посланные сюда Саюге небольшие подкрепления тоже гибнут без пользы. Наконец, Вурмзер благополучно достиг Мантуи через Ронко и Феррaро; Отт, также без дальнейших потерь, последовал за ним.

Массена 12-го выступает в погоню за арьергардом австрийцев, но приходит в Кастелларо лишь после того, как его покинул неприятель, и отправляется под Мантую через Дуе Кастелли.

Ожеро, после того как он уже 12-го заставил гарнизон в Леньяго положить оружие, направился 13-го на Говерноло, чтобы блокировать Мантую и с этой стороны.

Саюге повернул на Фавориту, где он ввязался в неудачный бой.

51. Бой у Сан Джорджио и Фавориты 15 сентября

Теперь Вурмзер оказался в Мантуе с войсками в 29 000 чел., в числе которых было 4 000 чел. кавалерии. Полагая, что при таких условиях он не должен дать себя так сразу загнать из-за озера в город, он с тринадцатью батальонами и двадцатью четырьмя эскадронами расположился лагерем между Фаворитой и предместьем Сан Джорджио. Массена, желая воспользоваться первыми мгновениями неуверенности, рано утром 14-го ворвался в лагерь, как бы неожиданным налетом. В первое мгновение царили испуг и замешательство, но затем, после того как несколько пехотных частей стали обороняться, а кавалерия под командой генерала Отта, только что вернувшаяся с фуражировки, ударила на французов, последние, сильно потрепанные, были отброшены на Дуе Кастелли.

Удачные бои у Череа 11-го, у Вилла Импента 12-го и у Дуе Кастелли 14-го, которыми австрийцы были обязаны главным образом своей численно превосходной и хорошей кавалерии, придали смелости генералу Вурмзеру, так что 15-го он решился вступить в общий бой с французами, соединив его с большой фуражировкой.

В этот день он выступил между обеими шоссейными дорогами, ведущими на Леньяго и Верону, с 16 000—18 000 чел. и продвинулся на несколько тысяч шагов. Три французские дивизии насчитывали до 20 000 чел., так как войска Ожеро оставались у Говернолo. Так как вначале с фронта не показывалось никакого противника, потому что Массена отодвинул свои войска несколько назад и под прикрытие, а дивизия Ожеро (находившаяся за болезнью последнего под командой генерала Бона) продвигалась далеко на правом фланге вдоль Минчио,— то Вурмзер послал против нее свое правое крыло, которое в течение часа и вело не без успеха бой с французами пред фортом Сан Джорджио. Между тем, центр оказался ослабленным, и Массена, появившийся со своей дивизией, успешно проник в пространство между цитаделью и фортом Сан Джорджио, так что Виктор, преследуя австрийцев, овладел самым фортом.

Естественно, что это заставило правое крыло вернуться назад, и Вурмзеру с трудом удалось спастись со всем своим отрядом в цитадель по плотине, потеряв за этот день до 2 000 чел. убитыми и ранеными.

Таким образом, австрийцы утратили все пункты на левом берегу Минчио, кроме цитадели, но каким-то образом сохранили так называемое Серальо — очень плодородный участок земли, заключенный между Минчио, По и каналом, ведущим от Мантуи на Боргофорте.

В городе все время свирепствовали болезни, которые вскоре настолько усилились, что в строю оставалось не более 18 000 чел.

В течение всего сентября и октября Вурмзер делал многократные вылазки, которые, впрочем, ни в отдельности, ни все вместе не дали существенных результатов.

По мнению французской Директории, теперь уже не следовало возобновлять осады Мантуи, а можно было ожидать, пока она сама не падет от болезней и голода.

Бонапарт расположил свои силы следующим образом:

Кильмэн	с	9 000 чел.	блокирует Мантую
Ожеро	»	9 000 »	стоит у Вероны
Массена	»	10 000 »	у Бассано и Тревизо
Макер и Дюма . . .	»	4 000 »	у Виллафранка в качестве резерва
Вобуа	»	10 000 »	у Триента
Итого . . .		42 000 чел.	

52. Разбор военных действий

В § 47 мы изложили свой взгляд на это второе наступление австрийцев против Бонапарта. Теперь нам остается лишь высказать наше суждение относительно выполнения этого наступления.

Первый вопрос: к чему привела эта вторая наступательная операция? Первая, несмотря на то, что Вурмзер потерпел поражение, дала вполне сносные результаты: Мантуя была освобождена, и возможность возобновления осады была надолго устранена.

Между тем, эта вторая атака не только не достигла своей цели — улучшить общее положение дел, — но, несомненно, ухудшила его, ибо в результате армия в 29 000 чел., в том числе 4 000 кавалерии, оказалась в Мантуе все равно что запертой в стратегическом смысле этого слова, и, следовательно, ей грозила опасность через некоторое время погибнуть от голода. Отныне Бонапарт был избавлен от заботы найти для себя достаточный объект деятельности по ту сторону Альп, ибо захват такой массы войск уже сам по себе стоит того, чтобы сорокатысячная армия подождала несколько месяцев этого события.

Итак, можно сказать, что это второе наступление австрийцев могло бы и не привести к наихудшим результатам. Теперь рассмотрим причины, которые привели к этим результатам.

Австрийцы двинулись, снова разделив свои силы, и притом соотношение между двумя частями осталось и на этот раз приблизительно таким же. Если не считать свободными для действия части, стоящие в Форарльберге, и те, которые были обращены против Вальтелина (хотя нам и непонятно, зачем они там стояли), то в распоряжении Давидовича остается 14 000 чел., а силы Вурмзера достигают 26 000.

На этот раз обе колонны разделяет не озеро, а горный хребет, через который, для их взаимной связи, существует лишь одна дорога в долине Бренты. Стоит противнику захватить эту дорогу — и разъединение обеих частей австрийской армии окажется таким же полным, как и в прошлый раз. Но теперь положение хуже, потому что на этот раз австрийцы не

располагают таким численным превосходством сил. Французы в обоих случаях располагали 30 000 чел., австрийцы же — в первый раз 50 000, а во второй 40 000 чел.

Если задача заключалась в том, чтобы в сражении нанести поражение Бонапарту и благодаря этому освободить Мантую от блокады, то принятые для того предварительные меры были настолько неудачны, что ждать от них успеха было невозможно, и бесполезно тратить на них слова. Но в изданных сочинениях относительно этой кампании мы то и дело читаем утверждение, что в намерения австрийцев отнюдь не входило добиваться сражения, а хотели они достигнуть своей цели при помощи стратегического маневрирования.

Достигнуть при помощи стратегического маневрирования положительного результата, как, например, в данном случае удаления Бонапарта с правого берега Минчио,— дело трудное вообще, для успеха необходимо наличие у противника слабой стороны, которая и является главным основанием для маневра, ибо не бывает явления без причины. Между тем, в положении Бонапарта по отношению к обеим австрийским колоннам в долине Эча и в долине Бренты ничего подобного не наблюдалось, и то основание, которое оказалось таким действенным во время первого наступления при продвижении австрийской колонны вдоль р. Кьезы, в данном случае совершенно отсутствовало. Таким образом, надежда тем или другим удачным маневром заставить Бонапарта очистить правый берег Минчио решительно ни на чем не была основана, и намерение австрийцев не выдерживает ни малейшей критики.

Между тем, вполне можно допустить, что путем удачного маневрирования можно было удержать Бонапарта в Италии и воспрепятствовать его дальнейшему наступлению в Тироле. Направление этого наступления образует с течением Эча угол почти в 90°, база французской армии лежит почти всецело на левом ее фланге, а правый фланг находится под угрозой со стороны всей австрийской границы. Итак, если бы австрийская армия продвинулась по долине Бренты и, как это сделал Вурмзер 6, 7 и 8 сентября, заняла Бассано, то не подлежит ни малейшему сомнению, что наступление французов долинами Эча и Эйзаха оказалось бы нейтрализованным, и французский полководец был бы вынужден вернуться в равнину Италии. Он не мог бы упорным натиском вызвать такой резкий поворот в положении дел, чтобы это отразилось на армии, стоящей на Бренте, и вред, нанесенный ему освобождением Мантуи в тылу и перерывом его единственной коммуникационной линии, не мог бы быть компенсирован никаким успехом на фронте.

Позиция, занятая противником на Бренте, действовала как фланговая позиция, и так как полководец при некоторой осторожности всегда имел возможность сохранить на ней несколько путей отступления, то она не представляла даже той опасности, что он мог быть отрезанным, — опасности, обычно присущей фланговым позициям.

Впрочем, критика имеет еще одно важное возражение против применения стратегического маневра. Против полководца, который желает и ищет сражения, и притом решительного, маневрирование редко может быть осуществимо, а потому оно и неуместно. Стратегическое маневрирование является как раз последствием той уравновешенной игры сил, когда не предвидится решающего сражения, потому что ни тот, ни другой полководец его не желают. Лишь тут это маневрирование вполне уместно, лишь тут оно находится под охраной благоприятных для него общих условий, лишь тут оно находит удобную почву. Решение путем сражения — явление более высокого порядка, к которому явление более низкого порядка должно приспособляться, это — элемент более суровый, который разрушает и рвет воздушную ткань маневрирования. Как может полководец рисковать, ради мелких успехов и слабых и медленных действий, дробить свои силы и оставаться в таком положении, когда над его головой висит чреватая громами туча всеразрушающего сражения? Мы видели, как этот сокрушительный удар грома грянул на голову Вурмзера.

Этот генерал, вероятно, думал, что, после того как занятая им позиция у Бассано и демонстрации против Вероны заставят Бонапарта спуститься через долину Эча на равнины Италии, самому ему удастся уберечься от его сокрушительных ударов или уклониться от них; но Бонапарт сделал тщетными все его меры предосторожности и атаковал его с той стороны, откуда он этого не ожидал. Предположим, что ему удалось бы на этот раз у Бассано уклониться от решительного боя, что для него было возможно, тем не менее ничто не могло помешать Бонапарту отыскать Вурмзера на другой позиции и преследовать его до тех пор, пока он не загнал бы его в горы Каринтии.

Итак, мы не можем признать целесообразным намерение действовать при помощи маневрирования и потому находим, что весь план наступления австрийцев лишен ясно продуманной цели, ясно продуманных средств, что он рожден среди полной сумятицы идей, из одних наполовину продуманных мыслей, которые перед гением Бонапарта должны были рассыпаться, как труха.

После того как генерал Вурмзер с и з в е с т н о й целью спустился по долине Бренты, не могло быть и речи о в о з в р а щ е н и и н а з а д по получении известия о том, что Бонапарт атаковал Давидовича. Ведь это событие входило во всю систему действий, а потому то обстоятельство, что генерал Вурмзер не вернулся назад, нельзя ему вменить ни в упрек, ни в похвалу. Бонапарт в своем донесении Директории сделал последнее, так как то, что было следствием целой системы, он принял за мгновенно и произвольно принятое решение. Как таковое, как с м е л ы й ш а г в з а т р у д н и т е л ь н о м п о л о ж е н и и, весь поход Вурмзера не заслуживал бы того порицания, которое мы высказали по отношению ко в с е й с и с т е м е н а с т у п л е н и я.

О самом сражении под Бассано, при недостатке сведений из австрийских источников, судить затруднительно. Мы так и не знаем: почему Вурмзер его принял, если он вообще его принимал? вследствие чего Кваждановнч был оттеснен от него? что заставило самого Вурмзера пойти на Мантую? Словом, у нас недостает всех стратегических связующих звеньев.

Относительно Бонапарта надо сделать одно замечание. В этом сражении он располагал приблизительно 20 000 чел.; следовательно, в данном случае ему не удалось в решающем месте выступить с превосходством сил против своего противника, в общем располагавшего численным превосходством. Причина заключается в том, что, оставив против разбитого Давидовича несоответственно крупные силы — 11 000 чел. под командой генерала Вобуа — и двинувшись по долине Бренты, он для предстоящего сражения заручился двумя крупными стратегическими преимуществами. Первое — что он быстро, неожиданно быстро, атаковал своего противника; второе — что он атаковал его с тыла; первое облегчило ему достижение успеха, а второе усилило этот успех. Итак, если в этом сражении он был слабее, чем он мог быть при других комбинациях, то произошло это не потому, что он напрасно не использовал своих сил, оставшихся праздными, но потому, что, в сознании своего счастья, доверяя себе и своим войскам, он повысил всю ставку своей игры.

То, что Вурмзер укрылся в Мантуе, рассматривается как акт необходимости или как удачный ход. Трудно сказать, насколько это было необходимо после сражения под Бассано, но удачным ходом назвать это никак нельзя, потому что нигде его армия с ее великолепной кавалерией не была до такой степени бесполезна, как в Мантуе. Мы можем видеть в этом акте лишь результат полного стратегического поражения.

Трудно угадать, что должно было означать с точки зрения Вурмзера сражение под стенами Мантуи, данное им 15 сентября.

Главным мотивом в данном случае было, несомненно, то, что для армии считалось бы позором допустить, чтобы ее окончательно вогнали в крепость. Но ведь на войне то, что идет на пользу целому, никогда не может причинить позора, а бесполезное и вредное не может быть на пользу воинской чести. Эта вылазка была одной лишь фанфаронадой и не могла не иметь плохого конца. Гораздо целесообразнее было бы выйти в Серальо и разумным образом там устроиться.

Поведение Бонапарта в этом втором наступлении выше всяких похвал. Он выбирает наиболее решающее, будучи уверен в своем деле, и проводит его с беспримерной силой и увлекающей быстротой.

ГЛАВА V

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ АЛЬВИНЦИ

53. Положение французской армии

Победа под Бассано не могла привести Итальянскую армию французов к немедленному наступлению на Австрийское государство, ибо в Мантуе был гарнизон в 22 000 чел., из которых 15 000—16 000 еще стояли в Серальо вне крепости. Для блокады и наблюдения за такой массой войск требовалось, конечно, больше сил, чем тогда, когда гарнизон был на две трети слабее. С каким ничтожным количеством войск Бонапарт мог бы в то время показаться в Альпах! К тому же, как выше было сказано, строгая блокада тогдашнего гарнизона Мантуи представляла операционный объект, вполне достойный того, чтобы занять Итальянскую армию. Полная блокада должна была скоро привести к падению крепости, так как Мантуя не была снабжена продовольствием на такое количество людей, и тогда капитулировала бы не только Мантуя, но и целая австрийская армия. Оба эти соображения должны были устранить всякую мысль о наступлении через Альпы. Но было еще и третье соображение, а именно — политическое положение в Италии.

Французы не доверяли туринскому двору, так как они не могли решиться уступить ему значительную долю из своих завоеваний взамен договора о наступательном союзе, двор же не хотел заключить его за ничтожные уступки и неопределенные обещания. Границы Франции со стороны Пьемонта в горных проходах через Альпы подвергались постоянным мелким нападениям со стороны банд так называемых барбетов. Контрабандисты и солдаты распущенного сардинским правительством иностранного полка составляли главный контингент этих шаек; хотя и не само правительство, но сардинские чиновники, вероятно, потворствовали им и во всяком случае им не препятствовали. Многочисленные сообщения о тайных сношениях между туринским и венским дворами усиливали подозрение Директории.

Не лучше были и отношения с Генуей до тех пор, пока, наконец, не был заключен в октябре мир с этой республикой.

В самой Миланской области было спокойно, хотя наряду с восторженным пристрастием к французам наблюдалось и тайное глубокое отвращение к ним, так что и здесь, в случае несчастья, было достаточно поводов для тревоги.

Организованное французами временное правительство не только учредило национальную гвардию, но сформировало регулярную воинскую часть в 3 000—4 000 чел., которую еще не хотели выдвигать на фронт, но которую уже можно было использовать для провинциальной гарнизонной службы.

Французская Директория испытывала глубокую потребность в мире, каковая росла с ухудшением положения дела на фронте в Германии, поэтому она не помышляла о превращении Ломбардии в республику, частью потому, что не хотела окончательно отвратить Австрию от заключения мира, частью для того, чтобы иметь возможность предложить компенсацию в Италии за левый берег Рейна, приобретением которого она чрезвычайно дорожила. Поэтому французское правительство крайне нерешительно обнадеживало миланцев и не позволяло им чрезмерно развивать внутреннюю организацию управления Ломбардии.

Еще более осторожно помышляла Директория относительно занятия французскими войсками на правом берегу По областей, принадлежавших папе и герцогу моденскому.

Болонья, Феррара и Реджио точно так же учредили у себя временное правительство, а в октябре Бонапарт, относившийся особенно враждебно к герцогу моденскому, решил порвать под ничтожными предлогами договор о перемирии, сместить регентство, установленное герцогом на время своего отсутствия, заменив его временным правительством наподобие трех других. Он даже пошел еще дальше, дав этим четырем провинциям своего рода объединение в лице общего собрания их депутатов.

Директория была недовольна этими распоряжениями Бонапарта, но так как все это было сделано якобы по инициативе самих провинций и только было терпимо французами, то отмены не последовало, и здесь учреждена была национальная гвардия и положено начало формированию корпуса в 2 000—3 000 чел. регулярного войска.

Если, таким образом, простор, который французы предоставили своей партии, обеспечил им известную степень внутреннего спокойствия и безопасности, пока их дела шли хорошо, то естественно, что одновременно росла ненависть и тайная вражда других партий, а общее состояние было такое напряженное и сомнительное, что, по крайней мере в случае поворота колеса Фортуны, ничего доброго нельзя было ожидать.

Этот поворот могли вызвать неаполитанский король с папой. Первый был до некоторой степени во всеоружии, и войска его стояли на границе Папской области. Отношения папы с Республикой были крайне натяну-

тые, и присланный ему проект совершенно готового мирного договора, с требованием его подписать, произвел на «святейшего отца» впечатление, что он неизбежно погибнет, если не поспешит присоединиться к своим естественным друзьям — Австрии и Неаполю. Поэтому он начал противиться всем требованиям французов и стал готовиться к войне. Итак, недалеко уже было то время, когда неаполитанский король и римский папа совместно выступят во всеоружии против Бонапарта. Выступи они хотя бы с 30 000 чел. одновременно с новым походом австрийцев против Верхней Италии, — они могли бы решить судьбу этой области в настоящую кампанию. Ясно, что в тогдашних условиях поход Бонапарта к австрийской границе (который, вовлекши его в трудное предприятие, занял бы все его силы), несомненно, придал бы им смелости и снова поколебал бы все создавшееся в Ломбардии положение.

Все эти обстоятельства в полной мере объясняют и мотивируют то, что после своей победы под Бассано Бонапарт в течение шести недель бездействовал, т. е. оставался на своих прежних позициях до прихода Альвинци.

Правда, тотчас после сражения под Бассано у Директории появилась как бы некая склонность к затее Бонапарта двинуться на Триест, но, видимо, то была скорее любезность по отношению к Бонапарту.

Директория даже поручила этому генералу послать в Вену курьера к императору с угрозой выполнить этот план.

Приводим отрывок из письма Директории к Бонапарту от 20 сентября, касающийся этого предмета:

«Из мер, принятых нами в целях извлечения из достигнутых нами успехов наибольших выгод для Республики, все интересы которой связаны с возможно скорым заключением мира, первая состоит в том, чтобы уведомить императора, что если он не пришлет немедленно в Париж уполномоченного для мирных переговоров, то вы разрушите Триест и все приморские сооружения на Адриатическом море. Как только участь Вурмзера и его последней дивизии будет решена, вы пошлете в Вену курьера с этим сообщением и двинетесь на Триест, чтобы выполнить свою угрозу, которую оправдывают законы войны и упорство гордой династии, ни перед чем не останавливающейся в своей борьбе с Республикой и издевающейся над ее лояльностью».

Тотчас после получения этого письма, т. е. 2 октября, Бонапарт посылает курьера в Вену со следующим письмом.

«Государь!

Европа жаждет мира. Эта пагубная война длится слишком долго. Имею честь предупредить ваше величество, что если вы не соблаговолите послать в Париж уполномоченных для мирных переговоров, то, по приказанию Исполнительной директории, я засыплю Триестский порт и разрушу все мореходные сооружения вашего величества на Адриатическом море. От исполнения этого плана меня до сих пор удерживала надежда на

то, что я не буду вынужден увеличить число невинных жертв этой войны. Уповаю, что ваше величество, сострадая бедствиям, угрожающим подданным вашего величества, даруете мир и спокойствие миру.

С глубоким уважением к вашему величеству

Бонапарт».

Нам не известно, не был ли этот оригинальный курьер отослан обратно австрийскими аванпостами, да и вообще какие последствия имел этот бестактный во всех отношениях шаг.

Как бы то ни было, но сражение под Вюрцбургом (оно произошло 3 сентября) и последовавший за ним отход Журдана на левый берег Рейна произвели на Директорию такое впечатление, что она (и не без оснований) ни о чем другом не могла думать, как об обеспечении взятия Мантуи и об ускорении этого события.

Вторичное поражение, нанесенное Вурмзеру, и почти одновременное бегство Журдана привели к заключению мира с Неаполем. Первое из этих событий, которое, естественно, стало известно неаполитанскому правительству раньше, чем второе, побудило его уполномоченного в Париже, который до решительного поражения Вурмзера заметно затягивал переговоры, снова весьма энергично приняться за них. Директория, получив в конце сентября известие о поражении Журдана, была крайне встревожена положением дел в Германии, и поэтому 10 октября состоялось заключение мира, и притом на таких условиях, которые в данное время не могли быть обременительны для неаполитанского короля, а потому, по сравнению с тем, к чему за последнее время успели привыкнуть, показались крайне выгодными. Итак, неаполитанский король отошел в сторону как раз в то самое мгновение, когда он мог сделать нечто значительное. В Германии к середине октября дело французов на этот год было бесповоротно проиграно. Если бы вмешательство неаполитанского короля совпало с выступлением Альвинци, то, по крайнему человеческому разумению, французам пришлось бы очистить всю Верхнюю Италию, и тогда дела оказались бы в том самом положении, в каком они находились к концу прошлого года.

Папа, хотя и лишившийся своей первой опоры, все же не имел иного выбора, как продолжать свои вооружения. К этому его, вероятно, побудило обещание Австрии предпринять новое наступление в Италии.

В это время Бонапарт дал своим дивизиям: Кильмэна под Мантуей, Вобуа под Триентом, Массены у Бассано и Тревизо, Ожеро у Вероны, отдохнуть и обновить свою материальную часть. Сам же он, помимо политики, занялся борьбой с злоупотреблениями в области военного управления и бо́льшую часть времени проводил в Милане.

Как в это время обстояли дела в Мантуе и вокруг нее, мы в точности не знаем. В течение всего сентября Вурмзер держался в Серальо, но, повидимому, в начале октября он заперся в самой Мантуе. Так как перед

крепостью стояло всего лишь 10 000 чел., то, повидимому, блокада ее была не слишком строгая, и крепость все время снабжалась продовольствием из окрестностей.

Бесспорно, эту систему Бонапарта одобрить нельзя. Если бы тотчас после боя у Фавориты 15 сентября он помешал Вурмзеру обосноваться в Серальо и, загнав его в Мантую, заставил бы питаться запасами гарнизона, то, вероятно, крепость вместе с гарнизоном сдалась бы уже в середине октября. Поэтому мы в праве сказать, что хотя Бонапарт и не мог продолжить свою победу за пределами своего театра войны, но он мог использовать ее последствия внутри его, т. е. интенсивным продолжением своих атак. Единственным оправданием поведения Бонапарта может служить нездоровая местность вокруг Мантуи. Он утверждает, что ко времени сражения у Арколе в гарнизоне Мантуи было 12 000 больных, и он опасался, что если он будет держать в окрестностях ее значительную часть своей армии, то потеряет ее от болезней. К тому же он совершенно примирился с мыслью, что Мантуя падет не раньше февраля, и 16 октября даже предлагал Вурмзеру предоставить ему свободный проход, в случае если тот сдаст крепость.

Если принять в соображение, как сомнительны были дела Бонапарта во время боя под Арколе и какой страшный удар мог быть ему нанесен, если бы неаполитанцы не отступили или если бы австрийцы прислали подкрепления из своей Рейнской армии, то это упущение Бонапарта нельзя не признать весьма значительной стратегической ошибкой. В течение всего этого времени Бонапарт не перестает добиваться у Директории подкреплений. Последняя, действительно, посылает ему постепенно до 29 000 чел.; но неизвестно, когда и сколько из этого числа прибыло на место [1].

Несомненно то, что в начале ноября Бонапарт располагал следующими силами:

Кильмэн под Мантуей	9 000 чел.
Ожеро в Вероне.	9 000 »
Массена у Бассано и Тревизо	10 000 »
Вобуа в Триенте	10 000 »
Резервы под командой Макера и Дюма у Виллафранка	4 000 »
Итого . . .	42 000 чел.

[1] Насколько Бонапарт в известном пункте всегда оставался верен самому себе, можно видеть из следующего отрывка из его письма от 14 ноября, т. е. за день до начала Аркольского сражения: «Не проходит и дня, чтобы (к австрийцам) не подходило по 5 000 чел., а в течение двух месяцев, когда ясно стало, что мы нуждаемся в подкреплениях, прибыл всего один батальон 40-й дивизии — плохая часть, непривычная к огню» и т. д.

Однако в своих мемуарах (стр. 318) он пишет: «Директория много обещает, но плохо выполняет обещанное; впрочем, она прислала 12 батальонов, взятых из Вандей-

Из них можно считать в свободном распоряжении полководца 30 000 чел.

Теперь задача Бонапарта, в случае нового наступления австрийцев, была, очевидно, несколько иная. В первый раз он снял осаду с Мантуи, так как не имел возможности ее прикрыть. Во второй раз у него не было причин мешать противнику установить связь с крепостью, так как единственным последствием этого было бы усиление гарнизона, что решающего значения не имело. Теперь же необходимо было помешать освобождению Вурмзера из Мантуи, ибо в таком случае присоединение 10 000—12 000 чел., которые он мог бы вывести из крепости, к вновь прибывшим из Австрии войскам образовало бы новую армию. Таким образом, задача заключалась не только в том, чтобы разбить противника, но и в том, чтобы прикрыть определенный объект.

54. Новый план наступления австрийцев

После того как второе предприятие для освобождения Мантуи, как его называли австрийцы, также потерпело неудачу и около двух третей армии Вурмзера в данное время почти исчезли с театра войны, австрийское правительство энергично взялось за подготовку новой армии для посылки ее в Италию против французов.

Колонна, которая под командой Квасдановича отошла к рекам Пиаве и Изонцо, равнялась приблизительно 6 000 чел. Австрийское правительство приложило все усилия к тому, чтобы поскорее усилить ее вновь формирующимися пограничными войсками (граничарами) и несколькими оставшимися во внутренних областях Австрии батальонами, и эти огромные усилия увенчались успехом. Уже через 4 недели после поражения Вурмзера, т. е. во второй половине октября, оказалось возможным выставить около Беллуно на берегах Изонцо, Тальяменто и по верхнему течению Пиаве до 28 000 чел. Также и численность войск, стоявших в Тироле в долине Эча под командой Давидовича, была доведена до 20 000 чел. путем лучшего сосредоточения сил и благодаря тому, что начавшееся в октябре отступление генерала Моро освободило корпус, стоявший против Форарльберга.

Итак, собрано было около 50 000 чел., которые могли быть двинуты против Бонапарта. Так как дела в Германии приняли благоприятный оборот, то было вполне естественно, что все подкрепления, какие только можно было собрать, должны были направляться в Италию, и так как

ской армии, которые постепенно прибывали в Милан в течение сентября и октября».

Не надо думать, что Бонапарт ошибся в своих мемуарах; к началу ноября его армия насчитывала снова 42 000 чел., что указывает на значительные подкрепления, так как за сентябрь потери французов были никак не меньше 10 000—12 000 чел., и это даже в том случае, если предположить, что Бонапарт подтянул некоторые свои части, стоявшие позади.

в Мантуе предстояло освободить целую армию, то понятно, что это являлось самой настоятельной побудительной причиной для немедленного наступления. Австрийцы решают приступить к нему самым простым образом в соответствии с размещением их наличных сил двумя отдельными колоннами.

Фельдцейгмейстер Альвинци, назначенный главнокомандующим, должен был выступить со стоявшими в Фриуле 28 000 через Бассано на Верону. Давидович должен атаковать противника, стоящего перед ним в долине Эча, спуститься по ней на равнину и там, соединившись с Альвинци или по крайней мере действуя совместно с ним, атаковать французскую армию.

Операционный план, по которому обе колонны должны действовать, излагается более точно в австрийском повествовании следующими словами[1]: «Фельдмаршал-лейтенант барон Давидович, захватив Триент и позицию у Кальяно, должен до последней крайности стараться в них удержаться, чтобы обеспечить правое крыло фриульской армии, а также оградить Тироль от дальнейшего вторжения в него французов. Фельдмаршал-лейтенант барон Кважданович должен переправиться через Бренту, двинуться на Бассано и, как только тирольский корпус овладеет Триентом, должен продвинуться через Виченцу к Эчу и вступить в бой с французской армией, стоящей у Вероны.

«Кроме того, фельдмаршал-лейтенанту Давидовичу было еще поручено использовать всякий представившийся случай для того, чтобы способствовать соединению тирольского и фриульского корпусов. Он должен был своим левым крылом продвинуться через Вальфредо либо другой какой-либо пригодной дорогой, установить связь с фриульским корпусом, усилить его ненужными ему войсками или самому к нему присоединиться; или спуститься со своим корпусом из Триента по левому берегу Эча; или, наконец, если бы оказалось, что противник упустил занять Монте Бальдо, самому захватить позицию у Мадонна делла Корона, а затем прорваться по правому берегу Эча через Риволи.

«Фельдмаршалу графу Вурмзеру предложить со всеми свободными силами, какие окажутся в Мантуе, атаковать и прогнать блокирующий Мантую корпус, прорваться в тыл французской армии и тем способствовать счастливому исходу сражения, которое должно произойти под Вероной, чем и будет осуществлено освобождение Мантуи».

Когда Альвинци вступил в командование, он еще точнее определил, что 3 ноября тирольский корпус должен атаковать Триент, фриульский — Бассано. После взятия последним этого города и переправы через Бренту Альвинци предполагал выждать донесения Давидовича о том, что тот взял Триент и очистил долину Эча от неприятеля. Лишь после этого со-

[1] «Бой на Бренте 1796 г.» в «Австрийской военной газете» за 1828 г., вып. 9, стр. 222 и др.

бирался он приступить к переправе через Эч, от успешного выполнения которой зависело соединение двух императорских корпусов, освобождение Мантуи и счастливый исход всей кампании.

Относительно взглядов, лежавших в основании этого плана, мы выскажемся в дальнейшем, теперь же изложим последовательный ход событий, как они развернулись при выполнении этого плана.

55. Давидович наносит поражение Вобуа в долине Эча

Генерал Давидович стоял со своими главными силами у Неймаркта, у него было выдвинуто несколько аванпостов к Сан Микель и Сегонцано, а также на р. Лавис при ее впадении в Эч. Бонапарт был озабочен тем, как бы Давидович не оттеснил генерала Вобуа, а затем не пошел по долине Бренты на соединение с Альвинци. Он думал, что лучше всего оградить себя от этого, хотя бы на время, приказав генералу Вобуа прогнать австрийские аванпосты с их позиции на р. Лавис и этим небольшим наступлением занять Давидовича. Но, как оно и было в природе вещей, результат оказался противоположным тому, на который рассчитывал Бонапарт. Вместо того чтобы вызвать задержку, эта мера лишь ускорила продвижение австрийского генерала и, весьма вероятно, облегчила ему его наступление.

Бой под Сан Микелем и Сегонцано 2 и 3 ноября

2 ноября генерал Вобуа двумя колоннами атаковал аванпосты австрийцев. Под Сан Микелем наступление французов под командой генерала Гюйё, повидимому, увенчалось успехом. Но у Сегонцано попытку Фиорелли и самого Вобуа прогнать Вукасовича постигла неудача. На следующий день, 3 ноября, подошел Давидович из Неймаркта, и Вобуа оказался вынужденным отступить через Триент на позицию у Кальяно.

Бой под Кальяно 6 и 7 ноября

Давидович следует за Вобуа, но только 6-го, т. е. по прошествии трех дней, находит возможным его атаковать. В этот день ему не удается пробиться, бой возобновляется 7-го на фронте так же безуспешно; но на правом берегу Эча посты в Номи и Торболе на северной оконечности озера Гарда подверглись атаке и были взяты с большими потерями для французов; 7-го генералу Очкаю также удается вытеснить французов с их поста в Мори. Это заставляет генерала Вобуа отступить к позиции у Риволи и на Короне, куда он лишь с трудом прибывает 8-го. Потери французов в этих неудачных для них боях, по их собственному признанию, состояли из 6 орудий, а следовательно, были более значительны, чем можно было полагать, судя по медленному продвижению австрийцев вперед.

После этого первого успеха Давидович приостанавливается. Он остается до 16-го в Серавале. Вероятно, запрашивали распоряжений из главного корпуса относительно дальнейших действий; однако это не объясняет восьмидневной остановки, которая так и остается непонятной.

Бой под Риволи 16 и 17 ноября

16 ноября, наконец, Давидович атакует несколькими колоннами высоты Короны и берет их. 17-го он повел наступление на позицию у Риволи. Генерал Вобуа, ослабленный уходом бригады генерала Гюйё, которого Бонапарт притянул к себе, едва мог противопоставить наступавшим австрийцам 6 000 чел. Обойденный в нескольких пунктах, он не только оказался вынужденным отступить, но и потерял 12 орудий и 1 200 чел. пленными, среди которых был и генерал Фиорелли. Таким образом, Вобуа потерпел подлинное поражение, которое привело его в окрестности Кастельнуово, куда за ним 18-го последовал и Давидович.

Мы изложили события, происшедшие в долине Эча, в их последовательном развитии, потому что здесь не было передвижений взад и вперед главных сил французов, к тому же весьма удобно уже иметь перед глазами то, что сделал Давидович, когда мы будем излагать операции главной австрийской армии.

56. Альвинци наступает на Верону

2 ноября Альвинци переправился с главными силами у Ля-Кампанна на дороге между Сачиле и Бассано через р. Пиаве, а 5-го двинулся к Бренте двумя колоннами, из которых одна, под командой Кважданович, пошла на Бассано, а другая, под командой Проверы, — на Читаделлу.

По приказанию Бонапарта Массена отошел 4 ноября на Виченцу. В тот же день Ожеро прибыл в Монтебелло. У Бренты оставались лишь арьергарды. Последние 4-го были опрокинуты австрийцами. Провера приказал своему авангарду под командой Липтая переправиться у Фонтанивы, сам же дошел до Читаделлы. Правый фланг достиг Бассано.

Где стояла французская армия 5-го, — в точности неизвестно. Вероятно, Бонапарт вместе с Ожеро и резервами двинулся мимо корпуса Массены через Виченцу на Бассано, Массена же пошел на Фонтаниву.

Когда Бонапарт 4-го двинулся с берегов Эча, он уже получил известие о неудаче, постигшей Вобуа 2-го и 3-го, а 5-го узнал и о его отходе на позицию у Кальяно, однако он все же решил попытаться атаковать Альвинци, рассчитывая, что в течение трех-четырех дней Вобуа не успеют вытеснить из гор.

Австрийцы продолжали стоять со своим правым крылом у Бассано на левом берегу Бренты.

Авангард правого крыла под командой генерала Липтая отступил при приближении авангарда генерала Массены через старое русло Бренты на

образуемый ею остров, где и занял позицию, между тем как Провера с остальными войсками прикрывал течение Бренты выше и ниже, а резерв оставался в Читаделле.

6-го Бонапарт двинулся в наступление с дивизией Ожеро по дороге на Бассано, а с дивизией Массены — по дороге на Читаделлу.

Массена оттеснил остававшиеся еще на левом берегу аванпосты Липтая и завязал с самим Липтаем упорный бой, который принял странную форму, заключавшуюся в том, что, перейдя вброд старое русло Бренты со своего острова, Липтай старается пробиться вперед, в то время как Массена отражает его натиск.

В довольно обстоятельном австрийском отчете это наступление Липтая изображается как косвенная форма обороны, однако оно настолько своеобразно, что неудивительно, если французы, со своей стороны, изображают бой Массены 6 ноября, словно последний помешал авангарду Проверы переправиться на правый берег, отбросив его снова на левый. Что австрийцы оказались здесь в не особенно выгодном положении, доказывает довольно странное мероприятие, заключавшееся в том, что в ночь с 6-го на 7-е Провера велел сломать понтонный мост, соединявший остров с левым берегом реки, из опасения, что французы в конце концов одолеют Липтая. Он, значит, был готов пожертвовать всем этим корпусом.

Ожеро наткнулся на Альвинци с дивизией Квазданович, только что выступившей по дороге на Виченцу; авангард ее уже достиг Маростики. Долго длился бой за обладание этим поселением, но под конец принц Гогенцоллерн был вынужден отступить на Квазданович, занявшего выгодную позицию между последними отрогами Летте Комуни и Брентой. Здесь Квазданович до самого вечера успешно оказывал сопротивление всем последовательным атакам.

Итак, 6-го Бонапарт не добился никакого успеха; разъединенное положение, в котором он находился со своими войсками, опасность, грозившая его пути отступления, если бы Провере удалось опрокинуть дивизию Массены, — все это было ему неблагоприятно. К тому же его чересчур тревожило положение Вобуа. Он раскаивается в своем первоначальном плане, отказывается от него и решает немедленно отойти к Вероне и таким образом сблизить отдельные части своих войск, чтобы иметь возможность в надлежащий момент атаковать Давидовича. Правда, Бонапарт, для которого сознаться в своей ошибке совершенно невозможно, утверждает, будто по получении 7-го в 2 часа утра в главной квартире донесения от Вобуа о потере им Номи и Торболе, а также всех постов на правом берегу Эча, он решил изменить свой план, но это опять-таки безусловная ложь.

Письмо генерала Вобуа, в котором он доносит о потере им постов Номи и Торболе, датировано 6 ноября, притом вечером, так как оно было написано после боя под Кальяно, который, согласно этому письму, начался после 12 час. А ведь от Кальяно до Бассано 18 миль пути; таким

образом, это донесение не могло прибыть в главную квартиру под Бассано 7-го утром. Кроме того, Вобуа тут же доносит, что им отдан приказ снова отобрать пост; наконец, пост Мори, также расположенный на правом берегу Эча, был взят австрийцами лишь 7-го.

7 ноября французские дивизии пошли через Виченцу и Монтебелло обратно на Верону. Альвинци последовал за ними 8-го — в Виченцу, 9-го — в Монтебелло; 10-го он остается на месте, 11-го идет в Виллануова, где шоссе, идущее на Верону, пересекает р. Альпон. Его авангард, направляясь на Верону, доходит до Кальдьеро.

Бонапарт прибыл 8 ноября в Верону со своими двумя дивизиями. Получив здесь известие, что после 7-го ничего нового не было предпринято против Вобуа, он дал своим войскам два дня отдыха, 9-го и 10-го, и решил 11 ноября еще раз сам попытать счастья в бою с Альвинци.

Бой под Сан Мартин и Сан Микель 11 ноября

Командовавший авангардом принц Гогенцоллерн передал генералу Альвинци известие, будто успех, одержанный Давидовичем над Вобуа, побудил Бонапарта приступить к отходу за Минчио, к чему им уже приняты все меры. Он предложил немедленно овладеть Вероной. Хотя Альвинци решил принять это предложение лишь по зрелом обсуждении его, а начальник генерального штаба решительно высказался против такой попытки, тем не менее Альвинци согласился произвести так называемую усиленную рекогносцировку.

Это привело авангард, насчитывавший приблизительно 4 000 — 5 000 чел., к Сан Мартин и Сан Микель, под самые стены Вероны.

Как только Бонапарт узнал об этом наступлении, он после полудня двинул против австрийцев свои дивизии, которые прогнали принца Гогенцоллерна с большими потерями до самого Кальдьеро.

Сражение под Кальдьеро 12 ноября

Под Кальдьеро была выдвинута одна бригада для встречи и приема авангарда принца Гогенцоллерна, и обе части силой в восемь батальонов и девять эскадронов, всего около 8 000 чел., заняли довольно крепкую позицию. Правое крыло опиралось на селение Колоньола, находившееся на высшей точке Монте Оливетто, левое — на крутую гору позади деревни Кальдьеро, а фронт построился на подымающейся уступами пологой возвышенности. Альвинци решил защищать эту позицию до последней крайности, с тем чтобы самому с остальной своей армией атаковать штурмующего ее противника.

12-го, когда еще чуть брезжило утро, французы повели атаку на эту позицию. Ожеро атаковал левый фланг, а Массена — правый. После упорного боя первому удалось овладеть селением Кальдьеро. Массена обошел правый фланг через Иласси, атаковал его и овладел Колоньолой, когда подошла армия Альвинци. Одна колонна под командой Брабека двинулась

по шоссе на Кальдьеро, другая, под командой генерала Шубиртса, пошла на Колоньолу и в свою очередь, зайдя во фланг обошедшему противника Массене, опрокинула его левое крыло и погнала его в сильном беспорядке. Третья колонна, под командой Проверы, обошла Ожеро через Гамбион с правого фланга.

Таким образом, бой был восстановлен и решительно клонился на сторону австрийцев, так что Бонапарт отказался от своего намерения и снова занял свою позицию на Сан Джиакомо, на которой он провел прошлую ночь. Австрийцы, вместо того чтобы воспользоваться своим успехом и перейти в решительное наступление, ограничились несколькими слабыми попытками, которые были отражены, и удовлетворились тем, что сохранили свои позиции.

Трофеи такой победы не могли быть велики, они состояли из 2 орудий и 750 пленных. Общие же потери французов достигали приблизительно 2 000 чел. Моральное значение этой победы было еще ничтожнее; оно было настолько незначительно, что Бонапарт пишет в своих мемуарах совершенно равнодушным тоном: «Противник вполне основательно приписал себе победу».

Как главное основание, почему Бонапарт прервал бой, он указывает на дождь с градом, которые ветер гнал прямо в лицо французам.

Конечно, можно признать и это основание, но мы укажем на более действительное, если скажем, что Бонапарт запутался в атаке позиции, силу сопротивления которой он оценил лишь в течение боя, и что он предпочел отказаться от неудачно начатого дела, чтобы взяться за него более удачным образом.

Австрийское повествование определяет численность войск Альвинци приблизительно в 20 000 чел., что противоречит прежнему показанию, в котором силы его исчислялись в 25 000.

13 ноября Бонапарт снова привел свои войска в лагерь под Вероной.

57. Сражение под Арколе 15, 16 и 17 ноября

Новый план Бонапарта заключался в том, чтобы отойти со своей армией вправо, перекинуть у Ронко мост через Эч, переправиться через эту реку и атаковать австрийцев с левого фланга, все равно — останутся ли они на своей прежней позиции у Кальдьеро, предпримут ли что-либо против Вероны или, наконец, попытаются переправиться через Эч, что могло произойти только между Вероной и Ронко.

На первый взгляд этот план представляется чрезвычайно удачным. Бонапарт, переправившись через Эч у Ронко, оказался бы ближе к Мантуе, чем Альвинци. Поэтому, если бы до того момента, когда Бонапарт будет иметь возможность атаковать австрийцев на левом берегу Эча и задержать их там, обстоятельства настолько изменились, что от такой атаки уже нечего было бы больше ожидать, то все же он мог повернуть

назад и атаковать их на правом берегу реки. Впрочем, выполнение всей этой операции, т. е. переход к Ронко, постройка моста и приближение к Кальдьеро, потребовало бы около 24 часа, и за это время, при известной осторожности австрийцев, нечего было опасаться существенных перемен. Вобуа пока еще не подвергался атаке и стоял у Короны и Риволи. Давидовичу потребовалось бы не менее двух дней для того, чтобы вытеснить этого генерала из его позиции и заставить отойти в окрестности Вероны.

В самой Вероне должен был остаться гарнизон в 1 500 чел. под командой Кильмэна, к которому Бонапарт питал большое доверие. До тех пор, пока сам он со своей армией стоял около Вероны, не могло быть и речи об атаке, направленной против этого города. А если бы он выполнил свой переход ночью, то можно было рассчитывать, что на следующий день Верону не успели бы взять. Хотя гарнизон действительно был слишком слаб, чтобы удержаться в городе против серьезной атаки, но он был достаточно силен, чтобы отразить внезапный налет, и в сущности Бонапарт рассчитывал на то, что они будут заняты серьезной атакой против Вероны, в то самое время, как он ударит на австрийцев с тыла.

Вся местность между рр. Альпон и Эч представляла обширную низину, через которую можно было пройти лишь по плотинам; Бонапарт не мог этого не знать, тем более что он здесь сам проходил в то самое время, когда Массена переправлялся через реку у Ронко, чтобы перерезать Вурмзеру путь от Леньяго на Мантую. Впрочем, если исходить из предположения, что можно пройти по нескольким плотинам через эту низину и что австрийцы заняли эту местность лишь слабыми постами, то эти местные условия были скорее к выгоде, чем в ущерб Бонапарту, так как благодаря этому, после удаления мелких австрийских постов, у него получилось бы своего рода предмостное укрепление, из которого удобнее дебушировать, чем из одного единственного моста.

Принял ли Бонапарт это решение еще 13-го утром, когда он отводил войска в свой прежний лагерь, — нам не известно, потому что в его письмах об этом ничего не говорится. 14 ноября он пишет Директории: «Сегодня войскам отдых; завтра будем действовать в зависимости от передвижений противника».

Но войска уже отдыхали 13-го, ибо они лишь отступали в течение часа, а 14-го вечером они уже выступили по направлению к Ронко. Таким образом, это место его письма дает лишь поверхностный отчет, не обнаруживающий ясно его действительных намерений.

Для нас важно было бы знать, почему Бонапарт не двинул свои войска на Ронко еще 13 ноября вечером. Выжидал ли он вестей от Вобуа или прихода генерала Гюйё с его бригадой, которого сам он вызвал для подкрепления своих сил? или мост к этому времени не мог быть закончен? Все эти соображения, казалось бы, заслуживают большего внимания, чем отдых солдат, о котором он вскользь упоминает в своем письме. Возможно, что некоторые из этих оснований, либо все они вместе, вызвали

эту отсрочку. Мы потому так настойчиво пытаемся найти объяснение этой отсрочки, что нам кажется невероятным, чтобы такой полководец, как Бонапарт, 12-го отказался от своего наступления на Кальдьеро, а 13-го отвел свои войска к Вероне, не имея уже готового нового плана, словно растерявшись и не зная, что он будет делать дальше. Ни дальнейшее содержание его письма, ни позднейшие воспоминания не дают нам ответа на этот вопрос.

И в письме и в мемуарах он жалуется на недостаток подкреплений и на опасность, угрожающую ему от превосходства неприятельских сил в Италии. Он утверждает, что обе его дивизии, Массены и Ожеро, насчитывают уже лишь 13 000 чел., в то время как Альвинци располагает 40 000. Что такого рода жалобам полководца не следует придавать чрезмерного значения, — хорошо известно; менее же всего заслуживают внимания подобные речи в устах Бонапарта. Численное превосходство противника было на этот раз не больше, если не меньше, чем во время предыдущих попыток освободить Мантую, а соотношение сил 40 против 13 на решающем пункте Бонапарт прямо взял с потолка. Войска Массены, Ожеро, Гюйё, Макера и кавалерия составляли массу по меньшей мере в 20 000 чел., австрийцы же, после присоединения к ним Митровского, насчитывали не более 22 000 чел. Правда, обе неудачные попытки — у Бренты и у Кальдьеро — могли несколько раздражить Бонапарта в отношении своего положения и самого себя; возможно, что и уверенность его в счастливом решении задачи несколько поколебалась. Однако мы не можем примириться с тем, чтобы, подобно многим писателям, изобразить этого полководца находящимся 13 и 14 ноября в крайне стесненном, чуть ли не отчаянном положении, из которого сам он в течение 24 часов не мог найти выхода; причем вся эта картина рисуется лишь для того, чтобы, в заключение, разрешение этой огромной задачи дало вящший театральный эффект.

Претит нам такое изображение, во-первых, потому, что оно противоречит истине, а во-вторых, потому, что такое беспомощное состояние несовместимо с величием полководца. Мы легко можем себе представить, что великий полководец, оказавшийся в крайне стесненном положении, целые дни и даже недели может пребывать в нерешительности относительно возможного исхода, но только не в то мгновение, *когда надо действовать во что бы то ни стало*, когда всякое промедление может лишь ухудшить положение.

Итак, если в такой критический момент мы видим, как праздно проходит промежуток времени в 24 часа, и не можем мотивировать эту приостановку в деятельности, то мы предпочитаем верить в какие-нибудь объективные причины такой задержки, чем предполагать временную потерю решимости Бонапартом.

Итак, Бонапарт принял решение атаковать Альвинци с левого фланга, т. е. с той стороны, откуда последний меньше всего мог этого ожидать.

С этой целью он 14 ноября с наступлением ночи выступает в поход, находит свой мост уже готовым и рано поутру переправляется через реку.

Со своей стороны, Альвинци еще 13-го выдвинул свой авангард до Сан Микель и сам 14-го дошел до Сан Мартин. Австрийская реляция говорит, что генерал Альвинци послал к Эчу бригады Митровского и Бригидо. В дальнейшем мы находим Бригидо в Арколе, когда Бонапарт наступал на это селение, а так как из хода вещей видно, что он под Ронко не стоял и не мог пройти так быстро от Виллануова, то нет никакого сомнения в том, что бригада Бригидо стояла позади Альпона. Весьма вероятно, что Митровский оставался у Виллануова, так как 15 ноября он первый пришел на помощь Бригидо. Следовательно, Альвинци, наступая на Верону, вероятно, оставил по ту сторону Альпона дивизию в составе шести или восьми батальонов.

В сущности, Альвинци достиг конца своего пути в том направлении, которое он принял, и трудно указать какую-либо меру, которая привела бы его, хотя бы на один шаг, ближе к намеченной им цели.

Штурмовать Верону, пока французская армия стояла близ нее в лагере, было невозможно. Переправиться через Эч между Альпоном и Вероной было предприятием по меньшей мере чрезвычайно рискованным, так как переправляться пришлось бы чуть ли не на глазах у французской армии. Бой, который последовал бы немедленно за переправой, разыгрался бы в крайне опасных условиях. Если бы Альвинци решил дожидаться, пока Вобуа, разбитый Давидовичем, не спустится с гор на равнину, то он рисковал бы тем, что Бонапарт со всеми своими силами обратится против Давидовича и сокрушит его, и тогда освобождение Вурмзера, если бы оно тем временем удалось, оказалось бы купленным слишком дорогой ценой. Но и самая эта удача была неправдоподобна, потому что Бонапарт успел бы вернуться раньше, чем Альвинци осуществил бы свою переправу через Эч и продвинулся до Мантуи. В этом затруднительном положении Альвинци, согласно австрийским источникам, решает переправиться у Зевио через Эч с двенадцатью батальонами, в то время как другие двенадцать батальонов должны были атаковать Верону.

Не станем доискиваться того, что думали авторы этого плана при составлении его и какие разумные мысли мог бы вообще пробудить этот план,— такие попытки были бы напрасным старанием, а мы лучше скажем, что сведения наши недостаточно полны для того, чтобы мы могли угадать подлинные намерения австрийского полководца. Если его план заключался действительно в этом, то можно сказать одно: величайшим счастьем для австрийцев было то, что это решение так поздно созрело; и в этом нет ничего удивительного, ибо здравый человеческий рассудок должен был бы сотню раз отшатнуться от него. К этому предприятию должны были приступить лишь в ночь с 15 на 16 ноября, т. е. как раз через 24 часа после того, как Бонапарт привел в исполнение свое намерение.

Этому генералу очень счастливо удалось выполнить все подготовительные к задуманному им удару действия. Не только река в месте переправы оказалась незанятой и мост удалось закончить беспрепятственно, но, кроме того, австрийская армия, как того желал и предвидел Бонапарт, продвинулась еще дальше вперед по направлению к Вероне. Лишь в 9 час. утра несколько орудийных выстрелов, раздавшихся в окрестностях Ронко, привлекли внимание Альвинци в этом направлении; лишь в 10 час. получил он донесение о сооружении моста и о переправе французов через реку и все же счел это скорее за демонстрацию с целью разъединить австрийские войска.

Но тут стало выясняться, что предприятие Бонапарта не могло быть выполнено так, как он его задумал, что из него получается нечто совсем другое, нечто чрезвычайно трудное для исполнения, если оно вообще было выполнимо.

Австрийцы лишь держали под наблюдением местность, расположенную между Альпоном и Эчем; для этого там были поставлены батальон пехоты и эскадрон кавалерии, которые, повидимому, довольно плохо выполняли возложенную на них обязанность, потому что они ничем не помешали постройке моста и так поздно о ней донесли. Между тем, в Порчиле, при выходе плотин из болота, стоял австрийский полк Сплени, а в селении Арколе на мосту через Альпон—бригада полковника Бригидо; полагаем, что у Виллануова еще стояла бригада Митровского. Следовательно, эта местность была не так беззащитна, как казалось. Далее, и самая местность оказалась не такой, какой, повидимому, себе ее представлял Бонапарт. Из Ронко через болота вели две плотины: одна, предварительно разделившаяся на несколько ветвей, вела вдоль берегов Эча на Порчиль, другая вела к находившемуся близ селения Арколе мосту, перекинутому через Альпон, а оттуда частью через самое селение Арколе на открытую местность, находящуюся за этим селением, частью по обеим сторонам Альпона вдоль самых его берегов до Виллануова.

Бой 15 ноября

В сущности, намерениям Бонапарта вполне отвечала лишь первая из этих плотин с ее двумя разветвлениями, ведущими в Порчиль, так как вторая частью вела на левый берег Альпона, куда Бонапарт и не намеревался итти, частью вела хотя и на правый берег, но в совершенно уклоняющемся в сторону направлении, к Виллануова, так что при выходе из низменности его дивизии оказались бы на расстоянии одной мили друг от друга, и притом лишенными возможности оказать взаимную поддержку. Если бы Бонапарт пошел по первой из двух плотин с обеими своими дивизиями, он вполне достиг бы своей цели, как мы теперь можем утверждать, ознакомившись со всеми обстоятельствами. Он достиг бы Порчиля без особого сопротивления, застал бы там (по всей вероятности,

между Порчилем и Кальдьеро) части австрийских войск, разбил бы их в одиночку и атаковал бы самую армию в то время, как она возвращалась из-под Вероны, и раньше, чем она успела бы как следует достигнуть того положения, когда у нее в тылу была бы вся ее линия отступления — дорога на Виллануова.

Все это представляется совершенно ясным теперь, когда мы знаем весь последовательный ряд событий.

Бонапарту же, который не мог тогда знать, что на одной плотине он так легко мог добиться полного успеха, а на другой ему предстоит такая тяжелая борьба, не могла прийти в голову мысль наступать по одной плотине, оставив другую, находившуюся на таком близком расстоянии от его моста у Ронко, в руках неприятеля. Ведь это было бы отчаянно рискованным делом, в котором к тому же, казалось, не было особой нужды: неприятель весьма слабо наблюдал за этой местностью, так что не было оснований ожидать особо сильного сопротивления у Аркольского моста. Вспоминая мост у Лоди, переправу через Минчио у Боргетто и через Бренту у Бассано, Бонапарт этот Аркольский мост никоим образом не мог представлять главным препятствием при осуществлении всего своего предприятия. Итак, он спокойно пошел по обеим плотинам: дивизия Массены — на Порчиль, дивизия Ожеро — на Арколе.

Навстречу Массене Альвинци бросил полк Сплени и батальон кроатов. Обе стороны столкнулись у Бионде; австрийцы были опрокинуты; их преследовали до Порчиля, причем это селение было взято после упорного боя. К этому и свелась вся работа Массены за этот день.

Между тем, дивизия Ожеро, продвигаясь по плотине, ведущей на Арколе, наткнулась на препятствие, связанное с условиями местности, которые, весьма вероятно, не были известны Бонапарту. Дело в том, что плотина, идущая прямо от Ронко к Альпону, тянется вдоль правого берега этой реки до Аркольского моста на протяжении 3 000 шагов. Но так как на другом берегу Альпона проходит плотина такой же длины, то это дало возможность австрийцам занять почти непреодолимую позицию: они заняли левобережную плотину пехотой и осыпали все 3 000 метров правобережной плотины ружейным огнем с крайне близкого расстояния. Самый мост защищали несколько орудий и пехота, которая засела в ближайших к мосту домах Арколе, усилив эти дома зубцами и бойницами. При таких условиях атака в этом месте никак не могла увенчаться успехом, потому что, раньше чем французская колонна могла достигнуть хорошо защищенного моста, ее встречал такой ужасный фланговый огонь, которого одного было достаточно для того, чтобы отразить всякую атаку. Авангард Ожеро повернул вспять, не дойдя до моста. Подоспел сам Ожеро и, схватив знамя, водрузил его на мосту. Но и это не помогло. Генералы, убедившись, что они попали в плохое положение и что никакими диспозициями здесь делу не поможешь, решили добиться всего храбростью и самоотвержением, надеясь, что им, несмотря ни на что, удастся все-таки

прорваться и кратчайшим путем исправить ошибку. Но все было напрасно! Четыре генерала: Ланн, Вердье, Бон и Верже, ранены, — и все же колонна снова отступает.

Сам Бонапарт спешит к месту боя. Он слезает с коня, обращается с речью к войскам, напоминает им о Лоди, хватает знамя и устремляется на мост, — напрасно! Колонна поворачивает назад, австрийцы проникают на мост, настигают бегущих, врываются в их толпу, а Бонапарта, которого австрийцы чуть не захватили в плен, его гренадеры с трудом увлекают за собой и спасают.

Этот пример лучше всякого другого доказал нам, что существуют известные тактические условия, которых не могут преодолеть ни мужество, ни самопожертвование, ни решимость, ни воодушевление.

Тогда только Бонапарт убедился в бесплодности новых попыток на этом месте. Уже раньше он приказал генералу Гюйё переправиться на паромах с 2 000 чел. через Эч и таким образом атаковать Аркольскую позицию с тыла. Лишь к ночи подоспел этот генерал, и теперь австрийцы почти без боя очистили эту позицию, из-за которой только что сражались с таким ожесточением.

В то время как французы таким образом понапрасну истощали свои силы, а в конце дня, наконец, овладели предметом своих кровавых усилий, Альвинци изменил свою позицию. Перед Вероной он оставил только принца Гогенцоллерна с авангардом, усилив его четырьмя батальонами, сам же с остальными войсками поспешил повернуться фронтом к Бонапарту. Провера с шестью батальонами стоял между Порчилем и Кальдьеро, а Митровский с четырнадцатью батальонами правым крылом стал у Сан Бонифачио, а левым — против Сан Стефано.

Очевидно, Бонапарт выиграл нечто такое, чего он раньше не искал и что представляло лишь побочное дело, в которое он почти непроизвольно впутался, а именно — прорыв через Арколе; с другой стороны, цель, ради которой он пришел в эту местность, оказалась недостигнутой, вследствие отхода Альвинци за Альпон. Сам он говорит, как тяжело ему было услыхать, что с башни в Ронко увидали отходящие австрийские войска.

При таких обстоятельствах завоеванная переправа у Арколе приобрела значение, какого она раньше не имела: она явилась кратчайшим путем для того, чтобы атаковать Альвинци.

Правда, эта атака Альвинци, даже в случае успеха, не обещала особенных выгод, и самое положение Бонапарта в ночь на 15 ноября нельзя было почесть вполне благоприятной подготовкой к предстоящему бою. Одна дивизия стояла у Порчиля, другая — на расстоянии 1½ миль у Арколе, а посредине между ними было обширное болото; все это были условия, не сулившие победы. Для того чтобы из упорного наступления что-нибудь получилось, надо было отвести дивизию Массены, установить в надлежащем расстоянии на плотине между Порчилем и Ронко оборони-

тельный пост и обойти левый фланг австрийцев через Альбаредо или даже через Леньяго.

Бонапарт почувствовал, что оставаться всю ночь в том плохом положении, в каком он оказался 15 ноября вечером, он не может; можно было опасаться, как бы австрийцы не атаковали его дивизии превосходными силами, не загнали бы их в болото и не отрезали часть войска от моста у Ронко; кроме того, Давидович уже разбил генерала Вобуа, и Бонапарту надо было итти против него. Итак, он решает отказаться от завоеванных им преимуществ и снова отвести свою армию на правый берег Эча. Только две полубригады остаются для прикрытия моста у Ронко и располагаются недалеко впереди его. После такого решения можно было предполагать, что Бонапарт отказался от своего намерения атаковать Альвинци; но отнюдь нет! Он предполагает возобновить свою атаку на следующий день, если положение Вобуа не заставит его изменить свое решение. При таком решении непростительно с его стороны, что он не оставил постов на Порчильской плотине, хотя бы в окрестностях Бионде, чтобы прикрыть мосты у Ронко и у Арколе для обеспечения дебуширования, и не принял еще ночью никаких мер для обхода Альвинци через Леньяго, хотя бы при помощи своей кавалерии.

Полный отход на тот берег Эча можно было бы оправдать лишь в том случае, если бы Бонапарт окончательно отказался наступать в этой местности, а продолжение наступления на следующий день было возможно лишь при условии, что он оставит в Арколе войсковую часть. Ни того, ни другого он не сделал, и совершенно непонятно, почему он рассчитывал на большой успех при атаке на Аркольский мост на следующий день. Даже обход через Альбаредо, который в конце концов один доставил ему обладание Арколе, не был произведен на следующий день, и нигде в отчетах имя генерала Гюйё не упоминается.

Мы вынуждены признаться, что нам не удалось найти руководящую нить, чтобы уловить последовательную связь событий, что второй день этого сражения для нас остается совершенно непонятным, а третий — во многих отношениях необъяснимым. То мы не можем угадать мотивов тех или других поступков, то причин, вызвавших то или другое действие. Ни доклад Бонапарта, ни первый доклад Бертье, написанный в первый же день после сражения,— следовательно, составленный под свежим впечатлением,—не дают возможности разгадать связный ряд представлений, которые лежали в основании решений, принятых полководцем.

Бой 16 ноября

Голый факт заключается в том, что Бонапарт утром на рассвете 16 ноября снова выступает вперед со своими двумя дивизиями точно в том же порядке, как и накануне. Между тем, Альвинци со своей стороны решил перейти в наступление и левым своим крылом уже проник через Арколе и мост на плотину. Тут французы и австрийцы столкну-

лись на двух плотинах, и австрийцы были опрокинуты на обеих. Массена снова проникает победоносно до Порчиля, а Ожеро — до Аркольского моста, но об этот знаменитый мост снова разбиваются все усилия храбрейших войск, предводимых храбрейшими генералами.

Две попытки отличают этот день от предыдущего. С одной стороны, Бонапарт напрасно пытается переправиться через Альпон близ его устья без моста, при помощи одних фашин, но бурный поток уносит в своем течении фашины. Полубригада под командой генерала Виаля бросается в реку, погружаясь в воду до плеч, но вынуждена повернуть назад под огнем австрийцев.

С другой стороны, Альвинци пришло на мысль двинуть из Сан Бонифачио пехоту по двум плотинам, идущим по обеим сторонам Альпона. Но достаточно одной роты пехоты при двух орудиях для того, чтобы положить предел наступлению этого отряда раньше, чем он достиг окрестностей Арколе. Таким образом, обе попытки не оказали никакого влияния на исход дела в этот день. И положение обеих сторон было приблизительно такое же, как и накануне, с той лишь разницей, что на этот раз французам не удалось овладеть Аркольским мостом. Бонапарт по всем этим соображениям снова решает отвести свои войска на другой берег Эча, оставив для защиты моста у Ронко одну полубригаду.

Таким образом, этот второй день не внес никаких перемен в относительное положение обоих противников, однако надлежит обратить внимание на несколько черт, указывающих на то, что чаша весов начинает склоняться на сторону Бонапарта.

Во-первых, атакующей стороной в этот день были австрийцы, следовательно, отражены были они; во-вторых, Массена нанес дивизии Проверы настоящее поражение; последняя потеряла от 700 до 800 чел. пленными и 6 орудий.

Так как генерал Вобуа все еще занимал позицию у Риволи и на Короне и покинул ее только 16 ноября, о чем Бонапарт еще не мог получить известие, то он и решил попытаться снова атаковать генерала Альвинци еще на следующий день. Хотя два предшествующих дня и не принесли желанного успеха, однако они не сопровождались положительным ущербом для Бонапарта, а потери в личном составе армий были значительнее на стороне австрийцев. Он полагал, что эти два кровавых дня сильно разрыхлили австрийские войска и что новая атака, особенно же в новом оформлении, по всей вероятности, заставит их отступить. В этом отношении он правильно оценил своего противника, как то доказали последующие события. Невольно задаешься вопросом: как мог Бонапарт додуматься до этого предположения, тогда как Альвинци 17-го продолжал занимать все то же выгодное тактическое положение, как и два предыдущих дня? На это приходится ответить, что именно такие вещи труднее всего разглядеть, когда вас отделяет от них значительный промежуток пространства и времени. Здесь все зависит от малейших черто-

чек и оттенков, т. е. от проницательности взгляда. Это взгляд фехтовальщика, устремленный на зрачок противника; какая критика может высказать по этому поводу свое суждение?

Изменение в порядке атаки заключалось главным образом в том, что наступать на Порчиль должна была уже не вся дивизия Массены, а только одна полубригада, и притом лишь настолько, насколько это нужно было для того, чтобы поддержать атаку, направленную на левый фланг австрийской армии; далее, в том, что остальные войска Массены должны были быть направлены против Арколе, а дивизия Ожеро должна была переправиться через Альпон по мосту, построенному на козлах между Арколе и его устьем, и, наконец, в том, что гарнизон Леньяго с двумя батальонами и четырьмя орудиями должен был произвести диверсию в тылу и на левом фланге австрийцев, а резервная кавалерия следовать за Ожеро и поддерживать его. О Гюйё снова не упоминается ни в одном донесении.

Альвинци, получив через шпиона ложное донесение (мемуары Бонапарта) о том, будто французы отходят к Мантуе, полагает, что он может 17 ноября двинуться за французами, как он это сделал 16-го, и действительно, авангарды его колонны устремляются по Аркольской и Порчильской плотинам по направлению к Ронко как раз в то самое мгновение, когда французы собирались броситься им навстречу. Мост оказался поврежденным, так что два батальона из дивизии Ожеро, которые были оставлены на той стороне моста, погибли бы и переправа через мост была бы утрачена, если бы обе плотины недалеко от пункта Ронко не тянулись очень близко к Эчу, одна — подымаясь снизу вверх, другая — опускаясь сверху вниз; в таких условиях французская артиллерия на правом берегу Эча оказалась в состоянии приостановить наступление австрийских колонн, а тем временем удалось починить мост. Как только это было сделано, сперва переправились из дивизии Массены две полубригады в три батальона каждая. Первая, под начальством самого Массены, устремилась по Порчильский плотине, другая, под командой генерала Робера,— по Аркольской. Обе они отбросили австрийский авангард. Тогда переправились за ними и самые дивизии. Ожеро, оставив два батальона у моста и располагая еще четырнадцатью батальонами, повернул вправо от Аркольской плотины по направлению к нижнему течению Альпона и там по мосту, повидимому, построенному за ночь на козлах, переправился на тот берег реки, чтобы атаковать австрийцев в их позиции, отодвинутой несколько назад. Остальные 12 батальонов из 18 входивших в состав дивизии Массены остаются пока близ того пункта, где сходятся обе плотины.

Между тем, продвинувшиеся по обеим плотинам полубригады столкнулись с главными колоннами австрийцев; разгорелся ожесточенный бой, но, подавленные численным превосходством, обе полубригады были с силой отброшены назад. Тогда в помощь им Массена посылает одну

бригаду к Порчилю, благодаря чему удается хотя бы настолько оттеснить австрийцев, что уже нечего беспокоиться ни за мост у Ронко, ни за безопасность левого фланга французов.

Между тем, перед мостом у Ронко оставалось шесть батальонов из дивизии Массены и прежние два батальона из дивизии Ожеро, которые и раньше прикрывали этот мост. Бонапарт приказал трем из этих шести батальонов, а именно 32-й полубригаде, лечь под покровом кустарника, росшего вправо от Аркольской плотины, а остальные три были построены частью на Аркольской, частью на Порчильской плотине; с последней можно было также действовать во фланг продвигавшимся по первой плотине австрийцам.

Генерал Робер, находившийся в окрестностях Арколе, под давлением превосходных сил австрийцев отступил с частью своих войск на дивизию Ожеро, другая же часть была оттеснена к мосту близ Ронко. Здесь австрийцы попали в руки резервов, поставленных там Бонапартом. 32-я полубригада выскочила из своей засады и ударила в левый фланг австрийской колонны; с правого крыла ее атаковали полубригады, стоявшие на Порчильской плотине. Атакованная таким образом со всех сторон, эта колонна, состоявшая из нескольких тысяч человек (Бонапарт называет ее колонной из 3 000 кроатов), уступила превосходству сил и превосходству положения противника и отошла к Арколе, потеряв, вероятно, половину своего состава и во всяком случае сильно пострадав.

В то время как все это происходило на обеих плотинах, Ожеро атаковал австрийцев с левого фланга. Их левое крыло занимало довольно выгодную позицию на расстоянии около 1 000 шагов позади Альпона. Правое крыло австрийцев опиралось на Арколе, а левое — на болото; фронт прикрывался течением Альпона и пересеченной, частью болотистой местностью. Согласно австрийскому описанию, Альвинци, несколько озадаченный неожиданной переправой Ожеро, готов был отступить и приказал своему левому крылу двинуться вперед лишь для того, чтобы выиграть время и стянуть к Виллануова оставленные им у Вероны войска. Как бы то ни было, но австрийская позиция была настолько сильна, что Ожеро долго ничего не мог против нее предпринять. Между болотом, прикрывавшим левый фланг, и Эчем была еще дорога, огибавшая болота; направить по этой опасной дороге целую колонну казалось рискованным, но Бонапарту пришла в голову остроумная мысль послать офицера с 25 гидами по этой дороге, с тем чтобы, незаметно прокравшись по ней и поравнявшись с левым крылом австрийцев, они начали подавать сигналы трубами, словно приближается крупная кавалерийская колонна. Бонапарт утверждает, будто он этим напугал австрийцев и побудил их отступить. Впрочем, тот, кто знает, что подобные военные хитрости гораздо лучше удаются на страницах книги, чем на поле сражения, и что при больших массах они представляются скорее детской игрой, тот предпочтет объяс-

нить отступление австрийцев общим их положением и известием о приближении французской колонны из-под Леньяго.

Итак, после того как австрийские колонны были разбиты на обеих плотинах и дивизия Ожеро переправилась через Альпон, а со стороны Леньяго стала подходить к левому крылу Альвинци неприятельская колонна, австрийский полководец решает около 2 час. пополудни отступить к Виллануова. Массена, который тем временем вернулся в Арколе, проходит через это селение, распоряжается преследованием австрийцев к Виллануова и устанавливает связь с дивизией Ожеро. Французы занимают позицию с левым крылом у Арколе и с правым у Сан Джорджио, австрийцы же располагаются под Виллануова.

Потери австрийцев, по определению французов, достигали 7 000—8 000 чел. убитыми, ранеными и пленными. Эту цифру можно смело уменьшить тысячи на две. Потери французов были, вероятно, менее значительны.

58. Разбор сражения при Арколе

В вышепомещенном обзоре сражения при Арколе мы воспользовались исключительно теми данными, которые находятся в повествованиях Жомини и генерала Нейперга или в оригинальных донесениях Бонапарта и Бертье, и ограничились лишь тем, что расположили эти данные в том порядке, в каком они придают целому наиболее понятную и связную форму. Поэтому мы далеки от мысли, что наш рассказ безусловно соответствует истине, потому что там, где имеются такие скудные и так путанно переданные данные, даже самое тщательное их сопоставление не может оградить от ошибок и самый острый и проницательный ум не может оградить автора от ошибочных заключений. Еще менее держимся мы того взгляда, что в нашем изложении ход боев представится вполне естественным и понятным. Мы первые находим, например, совершенно необъяснимым использование целых бригад и дивизий на площади плотин. Надо полагать, что почва рядом с плотинами не была так непроходима, как около голландских плотин во время наводнений 1672 и 1781 гг., но местами могла быть даже твердой. Лишь весьма подробный план или непосредственное обследование на месте могут выяснить этот вопрос.

План, который дает генерал Жомини и который мы положили в основание нашего рассказа, крайне недостаточен и скорее может сделать весь ход событий непонятным, чем разъяснить его. Между тем, сражение, несомненно, протекало так, как это передают различные источники, и, очевидно, условия местности должны были благоприятствовать такому ходу его; на этом нам и приходится успокоиться.

Иначе обстоит дело с решениями полководцев; конечно, время от времени мелкие индивидуальные обстоятельства, которые в настоящее время совершенно от нас ускользают, могли вносить в них некоторые изменения, но основное направление эти планы, несомненно, должны

были получить лишь от общих условий и обстоятельств, и вполне естественна потребность нашего ума установить сколько-нибудь постижимую связь между этими решениями и обусловившими их обстоятельствами.

Относительно плана, принятого 15 ноября Бонапартом, мы уже заметили при изложении событий, что он может быть признан в достаточной степени естественным, если исходить из предположения, что ему нечего было опасаться каких-либо препятствий при дебушировании из низины. Рискованным он все же может показаться, однако рискованный план еще не становится непонятным.

То, что Бонапарт, при тех обстоятельствах, какие он застал во время своего продвижения, не решился пойти по одной лишь Порчильской плотине или по этой и еще по правобережной плотине, не овладев Арколе, представляется понятным. Ожесточенный бой за Арколе объясняется тем, что Бонапарт недооценил значения этого пункта и лишь тогда понял, что его легче было бы взять обходным движением через Альбаредо, когда для обхода в тот момент уже нехватало времени. Также и отступление Бонапарта 15 ноября вечером само по себе было бы достаточно понятным, если бы его решение возобновить 16-го свое наступление тем же путем не требовало от него удержания за собой отвоеванных им 15 ноября пунктов.

Но что касается его атаки 16-го по тому же пути, как и 15-го, то непонятно, почему она должна была дать лучший результат, чем предыдущая? Ведь если результат получится тождественный, то и Бонапарт окажется в совершенно таком же положении, как и накануне. А если это положение показалось французскому полководцу не таким уже плохим, то почему он отказался от него накануне вечером? Казалось ли ему особенно опасным оставаться в этом положении *ночью*, и рассчитывал ли он 16-го *раньше* добиться лучшего результата? И то и другое в равной мере мало обосновано.

Самое естественное и простое объяснение этой второй атаки могло бы заключаться в том, что Бонапарт рассчитывал на отход австрийцев, но об этом не упоминается ни в одном отчете; этому противоречит и его беспокойство относительно ночи с 15-го на 16-е. Таким образом, атака 16 ноября остается совершенно необъяснимой.

Отступление вечером 16 ноября более основательно мотивировано, чем отступление 15-го, потому что 16-го Арколе не находилось во власти Бонапарта. Точно так же и атака 17-го гораздо понятнее, чем атака 16-го, уже по одному тому, что поведена она была по другому плану, в осуществимости которого Бонапарт убедился 16-го и на который он, следовательно, мог возложить новые надежды.

Вполне в порядке вещей то, что полководец не отказывается от боя, в котором он понес большие потери, но еще бо́льшие нанес противнику. Если бы он отступил, противник приписал бы победу себе и воспользовался бы кое-какими выгодами от нее, между тем как, продолжай он свое

наступление, прежние его усилия и достигнутые благодаря им результаты могли бы рассматриваться, словно выполнена уже половина работы. Пока Давидович не продвигался вперед; пока потери австрийцев в отдельных боях превышали потери французов; пока оставалась какая-либо надежда на окончательный успех и пока столь неприступная местность, в которой находились французы, мешала австрийцам, даже в случае, если перевес оказался бы на их стороне, одержать над французами решительную победу, — до тех пор Бонапарт мог продолжать свои атаки, так как успех в данном случае зависел от храбрости и настойчивости, а в этом едва ли кто мог превзойти французов. Правда, необходима была еще возможность окончательного успеха. 15 ноября Бонапарт верил в эту возможность, так как в точности не знал всех обстоятельств, а 17-го — потому, что он составил новый план наступления, 16-го же такая вера, казалось, ни на чем не была основана.

Если мы находим атаку 17 ноября правильной и необходимой, а диспозицию к ней по крайней мере понятной, то мы во всяком случае далеки от того, чтобы признать последнюю заслуживающей похвалы.

Так как австрийцы отошли за Альпон еще 15-го, то продвижение французов между обеими реками, которому Бонапарт придавал такое значение, утратило свой смысл, а потому представляется совершенно непростительным то упорство, с каким он продолжал держаться своего первоначального плана. Перенесение моста вниз к Альбаредо и посылка сильной колонны к Леньяго, отстоящему от последнего всего лишь на 2 мили, представляются нам такими естественными мероприятиями, что совершенно непостижимо, как Бонапарт не оказал им предпочтения. После того как он 15 ноября убедился в том, как трудно дебушировать из выбранной им местности, а за Верону ему уже нечего было бояться, переправой у Альбаредо и Леньяго он вполне бы достиг своей цели приблизить свои войска к противнику наиболее выгодным для него образом, и нет ни малейшего сомнения, что начавшееся там сражение закончилось бы победой французов. Австрийцы, повидимому, не обладали никаким превосходством над французами ни вообще, ни в частности в отношении кавалерии; атака была бы направлена на их левый фланг, и линия их отступления находилась бы под угрозой. Все это — такие обстоятельства, которые сулили бы французам победу.

Всего естественнее было бы искать ответа на все эти вопросы в мемуарах Бонапарта. Между тем, там мы находим явную сказку, которой он пытается замазать свои ошибки, вполне осознанные им самим.

Приводим дословно те основания, какие он выдвигает для оправдания своего продвижения между Альпоном и Эчем, возражая против дошедших до него замечаний критики:

«Мост у Ронко был переброшен на правый берег Альпона в расстоянии около 1/4 мили от его устья, что послужило поводом для критических замечаний со стороны мало осведомленных военных. В самом деле, если бы

мост выводил на левый берег Альпона против Альбаредо, то в результате получилось бы следующее: 1) армии пришлось бы дебушировать на обширную равнину, а этого-то именно ее полководец и хотел избежать; 2) Альвинци, который стоял на высотах близ Кальдьеро, занял бы правый берег Альпона и, таким образом, прикрыл бы продвижение колонны, посланной им против Вероны; он захватил бы этот слабо охраняемый город и соединился бы с Тирольской армией; наша дивизия, стоявшая у Риволи, попав между двух огней, была бы вынуждена отойти на Пескьеру, что поставило бы всю армию в опасное положение. Между тем, перекинув мост на правый берег Альпона, мы приобретали ряд неоценимых преимуществ: 1) мы заманивали неприятеля на три шоссе, проходившие по обширному болоту [1]; 2) мы сохранили бы связь с Вероной при посредстве плотины, которая тянется вверх по Эчу и проходит через селения Порчиль и Ямбионе, где помещалась главная квартира Альвинци, причем неприятель не мог бы ни занять какой-либо позиции, ни воспользоваться какой-либо естественной почвенной преградой для прикрытия двинутых им против Вероны колонн. Такая атака Вероны уже становилась невозможной, ибо вся французская армия ударила бы австрийцам в тыл, в то время как с фронта их головные части были задержаны стенами Вероны» и т. д.

Обе приведенные в ы г о д ы представляют лишь явные отражения тех н е в ы г о д, какие проистекли бы от продвижения по правому берегу Альпона.

Мы еще готовы признать второе основание, однако лишь для 15 ноября, но отнюдь не для последующих двух дней.

Но особое значение придает Бонапарт, повидимому, первому основанию, так как незадолго до своего отхода от Вероны на Ронко он повествует:

«Тогда офицеры и солдаты, которые еще во время преследования Вурмзера проходили по этим местам, начали угадывать намерения своего вождя: он хочет обойти Кальдьеро, который ему не удалось взять с фронта, не имея возможности с 13 000 бороться в открытом поле против 40 000, теперь он решил перенести поле сражения на плотины, пролегающие по обширному болоту, где число ничего не сможет сделать, но где все дело решит храбрость головных частей каждой колонны» и т. д.

Читатель сам поймет, чего стоит этот стратегический монолог всего войска. Мы здесь видим сплошную сказку и вместе с тем основание, для поддержки которого выдвигается фантасмагория — общественное мнение армии. Бонапарт искал австрийскую армию у Кальдьеро и знал, что она находится там, а не в болотах; ведь нападающей стороной был он, а потому, если он хотел претворить задуманную атаку в действительность, он

[1] Бонапарт упорно говорит о трех шоссе, проходящих по болоту, причем он к ним причисляет и то, которое от Ронко тянется по правому берегу Эча на Альбаредо. А это шоссе, очевидно, не имеет никакого отношения к намеченной цели.

должен был оставить позади себя болото и драться с австрийцами на равнине. Если дело сложилось по-иному и австрийцы были настолько любезны, что двинулись как бы в атаку навстречу французам по плотинам, то это не могло заранее войти в расчеты Бонапарта. Эта мотивировка, приведенная историографом со св. Елены, не только противоречит поставленной цели, будучи лишена всякой правдоподобности, но противоречит и самым действиям, ибо к чему эти бешеные атаки 15 ноября против Аркольского моста, составлявшего выход из плотины, если Бонапарт не намеревался выйти на равнину? Не лучше ли было бы заманить австрийцев на эту плотину, как то и произошло 17-го? Очевидно, это основание было заимствовано из оборота, какой приняли дела, и притом 17-го, как раз вопреки намерениям и ожиданиям Бонапарта.

Итак, в связи со сражением под Арколе, мы можем поставить в заслугу французскому полководцу лишь выдающуюся храбрость его и настойчивость, которые вполне заслужили достигнутую победу; что же касается распоряжений Бонапарта, то мы должны признать, что распоряжения первого дня были безусловной ошибкой, а второго и третьего дней — следствием упрямства, причем они противоречили простейшим принципам тактики.

Горе тому посредственному полководцу, который отважился бы на подобное предприятие и потерпел бы в нем неудачу!

Впрочем, и поведение австрийского полководца заслуживает безусловного порицания.

Обороняющийся на плотине имеет безусловно огромные преимущества; поэтому, если меры не были приняты чересчур нелепым образом и войска не слишком плохи, если даже оборона должна будет вестись на середине плотины, т. е. там, где обороняющийся не может ввести в бой больше сил, чем атакующий, — все же такая оборона будет иметь все шансы на успех. Но еще большими преимуществами располагает обороняющийся, когда он ведет бой у выхода из плотины, потому что тогда он имеет возможность ввести в бой больше сил, чем его противник. Поэтому вполне естественно, что австрийцы построились у выходов из плотины у Арколе и у Порчиля в ожидании натиска французов. Раз этот пункт у Порчиля не был вполне пригоден для этого, так как плотина еще раньше разделялась на несколько веток, то австрийцам надо было занять пункт у разветвления плотины или на другом каком-либо подходящем месте. В этом положении австрийцы без особой затраты сил могли сделать тщетными все усилия французов и сохранить еще значительный резерв на случай обхода. Правда, к победе, в которой они нуждались, это не вело, но ведь продвижение вперед точно так же не дало бы этой победы, да и вообще в их стратегическом положении, о котором речь еще будет впереди, такая победа была почти невозможна. В этом положении с ними едва ли могло произойти что-либо более благоприятное, чем тот оборот, какой приняло наступление французов. И вот

австрийцы отказываются от всех этих преимуществ и идут по плотинам навстречу французам и таким образом ставят себя в равные с ними условия.

Это было бы совершенно непонятно, если бы не объяснялось предположением, что вначале, т. е. 15 ноября, австрийцы полагали, что у Ронко переправился лишь небольшой отряд, который им легко будет снова отбросить назад, а потому они и двинулись вперед по Порчильской плотине; а 16-го и 17-го они предполагали, что Бонапарт отступает и что все дело заключается лишь в том, чтобы продвигаться в погоню за ним. Но, даже исходя из этого предположения, мы не можем оправдать действий Альвинци 16 и 17 ноября: ведь достаточно было небольшого авангарда, чтобы он мог убедиться в своей ошибке, не подвергая себя таким значительным потерям, какие понесли его две колонны у Порчиля и у Арколе.

Мы не будем останавливаться на вопросе: нельзя ли было бы помешать переправе Ожеро через Альпон и не удалась ли она исключительно вследствие упущения со стороны австрийского командования? Что же в конце концов обусловило отступление австрийцев 17-го ноября? И сам Альвинци и его войска значительно были ослаблены как понесенными крупными потерями, так и упадком духа вследствие неудачно проведенных трехдневных боев. Переправа Ожеро через Альпон и известие о наступлении французов со стороны Леньяго произвели некоторое изменение в тактическом положении Альвинци. После таких неудачных подготовительных действий он уже не решался, не обладая численным превосходством, со своей наскоро собранной и составленной из разнородных элементов армией принять 17-го на открытой равнине решительный бой, который Бонапарт не преминул бы ему навязать. Этот бой в случае поражения мог бы превратить неудавшееся предприятие в катастрофу. Такое рассуждение нас не удивляет: оно в природе всех генералов, которые, оказавшись в стесненном положении, не находят достаточно силы воли, чтобы выбраться из этого положения.

Что же дало Бонапарту возможность оказаться победителем даже в таком плохо организованном сражении?

Лучшее руководство отдельными боями, бóльшая храбрость войска, более крепкая выдержка и настойчивость, бóльшая смелость в риске.

59. Бонапарт идет на Давидовича

17 ноября, в то время как Альвинци, признав себя побежденным, начал отступать, Давидович одержал победу над дивизией Вобуа на ее позиции у Риволи, выбил ее из этой позиции с значительными потерями и оттеснил до Кастельнуово (см. § 55). Довольно естественно, что победа, одержанная над 6 000 чел., не могла исправить то, что было испорчено

поражением, понесенным 22 000. Давидович последовал за Вобуа и 18-го остановился перед Кастельнуово, в то время как Вобуа отошел за Минчио.

Бонапарт, получив известие о поражении генерала Вобуа, решил немедленно двинуться против Давидовича. Преследование Альвинци он поручил одной лишь резервной кавалерии, направил дивизию Массены на Виллафранку, куда должен был отойти и Вобуа через Боргетто, а Ожеро приказал двинуться через Верону, перебраться через высоты Моляре у Дольче и спуститься в долину Эча, чтобы таким образом отрезать Давидовичу путь отступления.

Однако последний своевременно заметил опасность своего положения; 19-го он отошел по долине Эча до Алы еще раньше, чем принятые против него меры могли быть приведены в исполнение. Тем не менее, его арьергард понес у Кампары значительные потери, причем целый батальон оказался отрезанным.

Узнав об опасности, в которой находился Давидович, Альвинци посылает несколько батальонов в горы Моляре, чтобы угрожать левому флангу Ожеро, и, для того чтобы поддержать эту демонстрацию, сам снова двигается вперед к Вилланова. Однако, Бонапарт, извещенный об этом, тотчас же вернулся в Верону, а Альвинци счел более благоразумным отойти за Бренту.

Наконец, 23 ноября Вурмзер предпринимает вылазку из Мантуи, которая, конечно, не могла иметь успеха, потому что колонны, продвинувшиеся, было, для его освобождения, снова отошли назад, а блокировавший его корпус, который пришлось несколько ослабить во время кризиса, уже снова был пополнен.

На этом закончилась третья попытка снять осаду с Мантуи.

Кризис миновал, и обе стороны временно успокоились. Австрийцы заняли позицию, разместившись по квартирам позади Бренты: левое их крыло находилось в Падуе, правое — в Триенте.

Бонапарт снова занял свою прежнюю позицию на Эче.

60. Разбор военных действий

Теперь мы приступим к изложению наших стратегических соображений по поводу этого четвертого акта настоящей кампании.

О том, какие обстоятельства вынуждали австрийцев к этому третьему наступлению, мы уже говорили (§ 54). Вурмзер укрылся в Мантуе с 16 000 чел.; если из них можно было считать хотя бы 12 000 излишними для обороны крепости и при освобождении ее извлечь этот корпус, то и это уже было бы значительным достижением как с точки зрения ценности такой воинской части, так и для спасения чести австрийского оружия. А так как в Германии дело и без того уже было решено, то имелась настоятельная необходимость в том, чтобы собрать все, что только можно было, и послать эти подкрепления в Италию, чтобы осво-

бодить из Мантуи корпус Вурмзера, уже терпевший сильную нужду от недостатка продовольствия.

В этом заключалась первая цель наступления австрийской армии Альвинци. Но для Альвинци вполне естественно было не ограничиться этим, а попытаться одержать над Бонапартом решительную победу и при помощи этой победы не только снять осаду с Мантуи на эту кампанию, но и отвоевать у французов всю Верхнюю Италию. Попытаться одержать такую победу было тем нужнее, что папа, вероятно в расчете на поддержку австрийцев, продолжал вооружаться, и, следовательно, его нельзя было покинуть.

Силы армии, которую австрийцам удалось собрать для этого нового наступления на французов, как мы видели, достигали приблизительно 48 000 чел. Так как французы, при их системе блокады Мантуи и при бездействии Вурмзера, имели в своем распоряжении для операции в открытом поле до 30 000 чел., то численное превосходство австрийцев выражалось отношением 4 : 3. Такое соотношение сил было довольно значительной гарантией победы, если бы моральные качества полководцев и самих солдат обеих армий были до некоторой степени равны, но при огромном моральном превосходстве французов перспективы на победу были в достаточной мере ничтожны у австрийцев. Если при этом принять в соображение, что сведения о численности неприятеля всегда бывают преувеличены, то представляется непонятным, почему австрийское правительство так твердо рассчитывало на решительный успех от этого третьего наступления. Правительства часто впадают в такого рода заблуждения, потому что они никогда не придают достаточного значения общим причинам, а их полководцы и докладчики легко втирают им очки, доказывая, что причиной неудач были либо одна единственная ошибка, которой не трудно избежать, либо одна несчастная случайность, которая уже не повторится. Поэтому они черпают новые надежды там, где их, в сущности, черпать не приходится, они приступают, как к новой попытке, к тому же делу, вместо того чтобы сперва подумать об улучшении всего положения и приступить к нему не в виде попытки, а как к зрело обдуманному предприятию.

Если при этом произойдет перемена в личности полководца, то это является новым источником великих надежд, причем люди не задаются вопросом: а разве этот новый полководец — *человек иного склада*, чем все предыдущие? Между тем, это-то и было необходимо для того, чтобы после ряда решительных неудач можно было вдруг рассчитывать на столь же решительную удачу, так как ничтожное различие в характере и свойствах индивида не может иметь существенного значения. Между тем, и Больё, и Вурмзер, и Альвинци были, очевидно, людьми одного сорта, а потому, здраво рассуждая, нельзя было ожидать, чтобы кто-либо из них положил на чашу весов что-нибудь новое и значительное.

Этим я хочу сказать, что у австрийцев мало было шансов на решительную победу, на обратное завоевание Ломбардии. Между тем, стратегически это имеет огромное значение, ибо стратегические вопросы приобретают тем большее значение, чем шире они развертываются. Если бы австрийское правительство придерживалось более простых и ясных соображений (чего мы и требуем в данном случае), то возможно, что оно приложило бы больше стараний к тому, чтобы увеличить вероятность успеха путем улучшения всех условий,— например, оно, может быть, перебросило бы из Германии в Италию 10 000—15 000 чел. Но стратеги и советники из военного министерства на первых же шагах до такой степени запутываются в различных подробностях исполнения, что им делается непонятным, как это человек может держаться простого принципа, достаточного основания.

Итак, мы остановимся пока на том, что в начале ноября австрийцы собрались предпринять новое наступление против французов с армией в 48 000 чел. и что это наступление преследовало двоякую цель: во-первых, освобождение Вурмзера в Мантуе, а во-вторых, победу над Бонапартом. Теперь возникает вопрос: какова должна была быть наилучшая форма, которую им следовало придать этому наступлению?

Во время первых двух наступлений их силы были объединены, и они умышленно их разделили. Теперь, когда Альвинци сформировал свою армию на берегах Изонцо, а армия Давидовича оставалась в Тироле, эта масса войск оказалась с самого начала разделенной, и притом довольно обширным участком территории, отчасти покрытым горами. Итак, если раньше приходилось прежде всего задавать вопрос о причине, побудившей полководца разделить свою армию, то теперь, когда в самом размещении войск заключалось достаточное основание для раздельного действия двух частей армии, скорее мог возникнуть вопрос: зачем их соединять? В пользу объединения всех сил на равнине Италии говорили два общих довода, которые всегда выдвигают в подобных случаях: что это давало уверенность довести и до поля сражения свое численное превосходство 4 : 3 и что при этом не утрачивалось единство плана. Такое объединение можно было осуществить по крайней мере в той форме, чтобы корпус, который считали нужным оставить в Тироле, довести до возможно меньших размеров.

Хотя со времени ухода французской армии Моро на левую сторону Рейна тирольские горные проходы уже не играли прежней роли для германского театра войны, все же австрийское правительство, вероятно, не хотело совершенно очищать эту область от войск, потому что это могло бы произвести неблагоприятное впечатление на местных жителей, которые выставили 7 000 — 8 000 чел. народного ополчения, а теперь, если бы все австрийские войска были удалены, могли бы подумать, что их страну предали мщению французов. Оставь австрийское правительство в Тироле корпус, хотя бы в 5 000 чел., под командой выдающегося

генерала, этот отряд вместе с народным ополчением составил бы силу, численность которой не была бы в точности известна французам и против которой им пришлось бы кое-что выставить. А если бы, сверх того, был распространен слух, что из Рейнской армии в Тироль собираются перебросить корпус в 10 000 чел., то это не только успокоило бы местное население, но и французы не могли бы ясно разобраться в положении вещей. Итак, из корпуса Давидовича в 20 000 чел. можно было направить в Италию тысяч пятнадцать, благодаря чему армия Альвинци на равнине Италии была бы доведена до 43 000 чел. Не было надобности осуществлять это соединение через долину Бренты, тем более, что при этом могло получиться крайне неблагоприятное положение, если бы Бонапарт, заняв Бассано, вдвинулся клином между обеими колоннами. Ведь промедление в несколько дней не играло существенной роли.

Правда, надо сказать, что в данном случае задача Бонапарта заключалась в том, что он должен был *прикрывать определенный объект* — осаду Мантуи, и что это всегда бывает легче, когда противник наступает объединенными силами, потому что тогда обороняющемуся приходится лишь становиться между данным объектом и наступающим. Если же силы наступающего разделены, то обороняющийся вынужден также разделить свои силы, так что решительный бой будет происходить в нескольких местах, и обороняющийся оказывается в менее выгодном положении, чем наступающий. Обороняющийся должен победить на всех пунктах, для того чтобы добиться общего успеха, в то время как наступающему достаточно оказаться победителем на одном пункте; благодаря этому он имеет гораздо больше шансов на успех.

С этой точки зрения наступление австрийцев несколькими колоннами повысило бы до некоторой степени их довольно слабые шансы на успех. Но положение и сила французского плацдарма представляли значительные препятствия к тому, чтобы они могли воспользоваться этим преимуществом.

В большинстве случаев при разделенном стратегическом наступлении два основных положения являются руководящими.

Первое заключается в том, что *каждая колонна должна действовать самостоятельно*, т. е. каждая должна дать *свой собственный решающий бой*, следовательно, в план действий не должно входить соединение их до решительного боя; недопустимо и то, чтобы каждый шаг одной колонны зависел от другой.

Второе положение: чтобы *колонны наступали по самым отдаленным друг от друга путям, какие только допускают их базы и местоположение объекта наступления*.

В первом положении заключается залог успеха разделенного наступления, так как крайне неестественно, а потому в большинстве случаев и весьма пагубно, когда отдельные колонны должны действовать, все время

считаясь друг с другом, между тем как их взаимное положение затрудняет, а порою даже делает невозможными, сношения между ними. Единство их действий должно заключаться в их общей цели. Эту цель должна преследовать каждая колонна, идя своим путем, не безумно и слепо, что вообще недопустимо на войне, но все же с тем неустанным стремлением, какого требует однажды начатое дело, над дальнейшим ходом которого мы уже не властны.

Если так будет поступать каждый из полководцев, стоящих во главе отдельных колонн, то хотя, вследствие своеобразности раздельного наступления, они и рискуют потерпеть сильное поражение, тем не менее совокупные достижения целого никогда не окажутся чересчур малыми, и то, что окажется потерянным на одном пункте, по всей вероятности, будет наверстано на другом. Мы говорим: по всей вероятности, ибо мы исходили заранее из предположения, что данная задача вообще подходит для разъединенного наступления.

Для того чтобы тем легче и тем полнее могло быть соблюдено первое положение, мы и требуем во втором положении возможно большего удаления друг от друга отдельных колонн, ибо ясно, что каждая будет тем самостоятельнее, чем дальше она и ее противник будут находиться от другой. Ведь обороняющийся лишь тогда может извлечь наибольшую выгоду от использования внутренних коммуникационных линий путем неожиданной переброски своих сил с одного места на другое, когда расстояния не слишком велики.

Если мы приложим эти два положения к наступлению против Бонапарта на Эче, то увидим, что некоторые обстоятельства препятствовали проведению и того и другого.

Во-первых, плацдарм французов был чрезвычайно силен. Его, безусловно, не могла охватить база наступающего, если мы временно устраним из нашего поля зрения дорогу, идущую по западному берегу озера Гарда; его протяжение от Пескьеры, через Верону, до Леньяго равняется всего лишь 9 милям и, следовательно, весьма мало. Ниже Леньяго наступление неудобоисполнимо, потому что оно вводит наступающего в лабиринт водных каналов и речек и притом оставляет незащищенным путь отступления на Фриуль. На этом коротком фронте находятся укрепленные места, Верона и Леньяго, атаковать которые невозможно, во всяком случае, пока позади их стоит неприятельский корпус. Часть подступов к Эчу, наподобие того, который находится выше впадения в него Альпона, еще ограничена болотами, а через реку без понтонного моста невозможно переправиться. Между Эчем и Минчио протекает еще несколько рек параллельно этим двум, как то: Тартаро, Тиано, Молинелла, берега которых большей частью болотистые, а потому представляют значительные удобства для обороны. Дорога, спускающаяся из Тироля вдоль Эча, замыкается с одной стороны фортом Кьюза, с другой — позицией у Риволи; если даже эти пункты удастся преодолеть благодаря числен-

ному превосходству, все же дорога идет дальше теснинами, овладеть которыми из Вероны и таким образом отрезать наступающему путь отступления не представляет особого труда.

Поэтому мы утверждаем, что австрийская колонна, овладевшая позицией близ Риволи, не может проникнуть дальше окрестностей Кастельнуово, пока ей грозит опасность столкнуться с превосходными силами противника. Если австрийцы будут разбиты при продвижении их к Мантуе, то они потеряют и дорогу по долине Эча, которую противник захватит из Вероны. Перебраться через Монте Бальдо с артиллерией невозможно, а с пехотой возможно лишь по обходному пути, да и то пришлось бы снова спуститься в долину Эча, поэтому корпус, лишившийся обладания шоссе, проходящего по долине, легко может быть вынужден положить оружие. Итак, если австрийская колонна, согласно первому нашему положению, будет пробиваться к Мантуе до тех пор, пока она окажется в силах это делать, то все же такое продвижение будет сопряжено с величайшей опасностью.

Мы далее убеждаемся, что и второе положение не применимо. Переправиться через Эч нельзя иначе, как выше Леньяго, а это находится очень близко от левого крыла французов, если оно отойдет на Кастельнуово или Виллафранка. В случае, если французский полководец обратится туда со своими главными силами, представляется весьма сомнительным, чтобы продвинувшаяся колонна успела переправиться через Эч, проложить себе путь через все прочие речки к Мантуе и разбить блокирующий ее корпус раньше, чем подоспеют главные силы французов. Пожалуй, могла бы прийти в голову мысль направить тирольскую колонну не через долину Эча, а по западному берегу озера Гарда, но если не занять долину Эча, и, следовательно, отделить для этого из наступающих к Мантуе сил известную часть, то путь отступления такой колонны оказался бы опять-таки в большой опасности, причем разъединение наступающих течением Минчио было бы усилением благоприятных обстоятельств лишь для обороняющихся.

Все эти соображения должны отклонить мысль от наступления разъединенными колоннами и направить ее к возможно большему объединению всех сил, и это тем более, чем больше значения придают второй задаче наступления, а именно, р е ш и т е л ь н о й п о б е д е. Если при этом принять еще в соображение особенности обеих армий и обоих полководцев, большую ловкость и решительность французского полководца, стремительную быстроту передвижений, неслыханную выносливость при напряжении всех сил его войска, привычку побеждать и уверенность в себе и в своем счастье, свойственные и полководцу и войску, — то придется сказать, что австрийцам могла удаться лишь п р о с т е й ш а я комбинация. При ней дело главным образом сводится к исходу решительного сражения, и ясно, что если австрийские войска могли сколько-нибудь уравновесить те многочисленные преимущества, какими обладали фран-

пузы, другими, присущими им преимуществами, то это могло произойти лишь в сражении более крупных масс.

На основании приведенных рассуждений мы полагаем, что если бы автор австрийского операционного плана остановился мыслью на всех этих вопросах и хорошенько все это продумал, если бы он не ждал увеличения сил своей армии от сложности плана, что само по себе никогда увеличения дать не может, а дает его лишь в тех случаях, когда это обусловлено соответствующими обстоятельствами, — то весь план его состоял бы в том, чтобы сосредоточить в равнине Италии армию в 40 000 чел., двинуться с ней против Бонапарта и схватиться с ним в решительном, доведенном до последнего солдата, простом сражении. Мы говорим — в простом сражении, ибо это определение мы в данном случае считаем определением, существенным в стратегическом отношении. Под этим мы подразумеваем такое сражение, которое не преследует никаких иных целей, кроме голой победы, т. е. такое, которое не включает в свой план повышение успеха путем глубоких обходов и т. п. Это повышение успеха всегда происходит за счет обеспеченности его, а ведь эта обеспеченность в данном случае и так была не слишком велика. Между тем, простой победы было совершенно достаточно для всех поставленных целей, ибо раз Бонапарт потерпел бы поражение, то при достаточно энергичном преследовании неизбежно последовало бы освобождение Мантуи и обратное завоевание Миланской области.

Этим мы, однако, не хотим сказать, что указываемое нами простое сражение должно было быть непременно параллельно-фронтальным; согласно нашим тактическим взглядам, мы отнюдь не считаем, что эта форма боя представляет наибольшую вероятность победы. Но если бы мы вздумали углубиться в этот предмет, мы бы слишком далеко зашли в дебри тактических разъяснений, которые не входят в план нашего труда, поэтому мы ограничимся этим замечанием, которое мы сделали, опасаясь, что из наших слов могут вывести неправильные заключения.

Раз австрийцы все же остановились на двойном наступлении из Тироля на равнину, то мы намереваемся сравнить тот способ, каким они его выполнили, с тем, какой основан на наших положениях. Они явно действовали в полном противоречии с этими положениями.

Альвинци старается как можно скорее приблизиться к Давидовичу, и как только он приблизился к нему, то как будто весь запас его энергии исчерпался. Их обоих разделяют Эч, Верона и французская армия, один словно подстерегает другого, и ни один человек не сумеет сказать, как же им можно помочь. Как маленький, трусливый жучок, который быстро-быстро пробегает какой-нибудь дюйм, а затем останавливается на несколько минут, причем его слабое, тупое сознание не может отдать себе сколько-нибудь ясный отчет в тех или других окружающих его явлениях, так Давидович и Альвинци проявляют себя в сумятице своего непонятного поведения. Под конец Альвинци от своего наступления переходит

в какое-то колеблющееся состояние, из которого, конечно, ничего доброго получиться не могло. Он внезапно перебрасывается на положение обороняющегося и беспомощно стоит в полном недоумении, предоставляя противнику ощупывать себя со всех сторон до тех пор, пока тот не найдет его слабое место.

Согласно нашим положениям, Альвинци следовало продвинуться через Падую на Леньяго. Приблизительно к тому времени, как он достиг бы Леньяго, Давидович должен был взять позицию у Риволи. Оба должны были направить свои операции на Мантую и до тех пор со всею энергией пробиваться вперед, пока не увидели бы перед собой проблеска надежды на победу.

Этот простой план был единственно практически выполнимым, и если он и сопряжен был с опасностями, то эти опасности уравновешивались возможностью успеха, в то время как всякий другой образ действия был лишен этой возможности.

Сперва положим в основание нашего рассуждения предположение, что главные силы Бонапарта победят во всяком случае; при этом могли иметь место следующие обстоятельства.

1) Главные силы французов разбили бы обе колонны одну за другой. В этом случае, понятно, все предприятие потерпело бы крушение.

Однако при этом существенную разницу составило бы то, кто из двух был бы разбит первым: Альвинци или Давидович. В первом случае Альвинци был бы лишен возможности оказать какую-либо помощь Давидовичу при его отступлении, и последний, как было показано выше, попал бы в весьма плохое положение и легко мог быть вынужден положить оружие. Между тем, если бы первым был разбит Давидович, то сохранившаяся в целости колонна Альвинци была бы достаточна для того, чтобы обеспечить разбитой колонне отступление, ибо Бонапарт не мог терять на нее время и должен был бы всеми своими силами обрушиться на Альвинци.

2) Разбитым оказался бы один из двух генералов, а второй тем временем освободил бы Мантую.

Здесь снова наблюдается значительная разница. Если бы Альвинци был разбит, а пробился Давидович, то этому генералу не оставалось бы ничего иного, как, соединившись с Вурмзером и располагая приблизительно 30 000 чел., отступить через Говернолу, с тем чтобы соединиться с Альвинци через Кастель Бальдо, либо, в худшем случае, направиться на Феррару, что впоследствии и было предписано генералу Вурмзеру самим императором.

А если бы разбит был Давидович, то Альвинци, соединившись с Вурмзером, мог бы последовать за главными силами французов, устремившимися против Давидовича, и дать им вторичное сражение между Эчем и Минчио.

Итак, мы видели, что в обоих случаях для австрийцев было выгоднее, если бы первой атаке со стороны главных сил Бонапарта подвергся Да-

видович и действия последнего, таким образом, носили характер диверсии. Однако это не должно было привести к тому, чтобы Давидович слишком опередил Альвинци или чтобы Альвинци умышленно от него отставал, потому что все же главное при раздельном действии двух колонн — это непрерывное, совместное и одновременное действие их.

Итак, мы видим, что при нашей комбинации австрийцы в первом из приведенных нами случаев не достигали намеченной цели, во втором же добивались по крайней мере освобождения Вурмзера; следовательно, даже тогда, когда главные силы французов одерживали победу, у австрийцев все же оставалась возможность осуществить хотя бы первую половину намеченной цели.

Правда, можно допустить еще три случая, не включенных в наши вышеизложенные предположения. Во-первых, что одной из колонн удастся осуществить соединение с Вурмзером, а другой посчастливится, и она искусно уклонится от боя; во-вторых, что французы проиграют данное ими сражение, и, наконец, в-третьих, что хотя Бонапарту и удастся помешать и той и другой колонне соединиться с Вурмзером, но не удастся воспрепятствовать этим колоннам соединиться между собою раньше, чем произойдет решительное сражение. Второй случай представляет новое усиление успеха, так как в нем обе цели достигнуты сразу. Третий случай можно рассматривать как по меньшей мере превосходное подготовительное действие, так как он предполагает в будущем сражение, которое австрийцы дадут Бонапарту соединенными силами под стенами Мантуи.

Правда, приходится согласиться с тем, что эти три последних случая мало вероятны, однако их нельзя совершенно исключить из наших соображений. Нам кажется, что всем вышесказанным мы доказали, что если наступление австрийцев и должно было непременно быть выполнено двумя отдельными колоннами, то наша комбинация все же предоставляла им некоторые шансы на больший или меньший успех, между тем как принятая ими была совершенно бесцельна. При этом мы исходили из того предположения, что Бонапарт будет продолжать оставаться в пределах своего плацдарма, считая это для него наиболее целесообразным. Но если бы Бонапарт совершил ошибку, как это и имело место, и пошел далеко навстречу австрийцам,— например, до Бренты,— то у Альвинци не было бы решительно никаких оснований слишком энергично напирать на французов, потому что в его интересах было, чтобы Бонапарт как можно дольше находился вдали от Мантуи, так как при этих условиях Давидовичу могло удаться без риска для себя снять осаду с этой крепости. В этом случае Альвинци мог даже проиграть сражение Бонапарту, что не помешало бы Давидовичу по освобождении Вурмзера отступить в Тироль. Бонапарт действительно 5 ноября пошел навстречу австрийцам до Бассано, но уже 6-го, поняв свою ошибку, поспешил вернуться в Верону.

Направление на Верону, избранное австрийским генералом, принято им, вероятно, на основании предположения, что Бонапарт либо совершенно отступил назад, либо двинулся против Давидовича.

В первом случае рассчитывали возможно скорее соединиться с Давидовичем, что, впрочем, тогда уже не представляло особого интереса, а во втором — надеялись отрезать путь отступления Бонапарту, либо заняв Верону, либо переправившись где-либо неподалеку от этого города. Что за нелепое предположение! Впрочем, в эту кампанию австрийцы все время делали одну и ту же ошибку: они всегда были более заняты предвкушением плодов, чем приобретением их, строя свои планы с расчетом на то, что они хотели сделать с победой, а не на самую победу. Полное окружение генерала — его гибель, *когда он побежден*; но, пока победа еще не одержана, такое окружение — либо ничто, либо служит к его выгоде, кроме того случая, когда моральное состояние его армии стоит на чересчур низком уровне и она заранее охвачена паническим страхом. Именно благодаря тому, что австрийцы никогда не могли уловить этой разницы и усвоить себе силу влияния этого морального фактора, они с таким полным отсутствием такта всегда забегали вперед, хватали дальше цели.

Насколько естественнее было бы для Альвинци, вместо того чтобы итти на Верону, свернуть влево из Виллануова на Альбаредо и там внезапно переправиться через Эч! Раз он захватил бы правый берег этой реки, Бонапарту уже не легко было бы от него удалиться, и Давидовичу уже нетрудно было бы продвинуться в окрестности Виллафранка, где скорее можно было рассчитывать на соединение обеих колонн, чем когда бы то ни было под Вероной.

В этом четвертом акте кампании образ действий Бонапарта, как нам кажется, далеко не заслуживает той похвалы, в какой мы не могли ему отказать в трех предыдущих актах.

Его поход на Бассано был несомненной ошибкой, атака 6 ноября представляется полумерой; то же можно сказать о его атаке 12-го на Кальдьеро, так как трудно допустить, чтобы позицию австрийцев нельзя было атаковать с обоих флангов; его движение к Ронко, которое должно было представить некий перл стратегического искусства, поставило его в самое трудное и запутанное положение. Что же касается самого сражения под Арколе, то о нем мы уже говорили выше.

Если Бонапарт все же вышел победителем из этой борьбы, то обязан он этим, с одной стороны, путаным планам и нелепым мероприятиям австрийцев, а с другой — своему мужеству и выдержке, но никак не своему уму. Да и победа носила отрицательный характер и принесла победителю мало трофеев — австрийцы, вынужденные отказаться от своего намерения, все же заняли позицию позади Бренты.

ГЛАВА VI

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ АЛЬВИНЦИ

61. Политические отношения

Сражение под Арколе закончилось 17 ноября, а победа у Риволи, решившая исход пятого акта кампании, была одержана 14 января; таким образом, оба сражения отделял промежуток времени в два месяца, в течение которых на итальянском театре войны царило спокойствие.

Нетрудно объяснить это спокойствие со стороны Бонапарта. Те же причины, которые удержали его после боя под Бассано от каких-либо действий, кроме блокады Мантуи, имели место и в данном случае. Австрийцы использовали этот период затишья для пополнения своей армии. Лишь после этого промежутка времени они закончили свои приготовления, и армия их снова достигла численности около 40 000 чел., как и во время первого наступления Альвинци, так что подкрепления, полученные Альвинци, не превышали его потерь, т. е. приблизительно 8 000—10 000 чел.

Так как затишье на театре военных действий давало Бонапарту достаточно свободного времени, то он снова занялся политическими отношениями Италии.

Директория очень желала мира, так как его желал народ, а правительство ощущало потребность укрепить свое положение внутри страны. Это было причиной большой осторожности в отношении устройства итальянских областей: боялись зайти слишком далеко в смысле предоставления им независимости, так как предполагали вернуть эти провинции Австрии в обмен на Бельгию. По той же причине не могли отдать Сардинии часть этих провинций с целью получить от нее вспомогательный корпус, не решались уступить Испании Парму в обмен на наступательный союз.

Мысли Бонапарта обо всех этих предметах были смелее. Он не считал мир таким необходимым, очень желал усилить французские войска

присоединением к ним 10 000 пьемонтцев и 10 000 испанцев, рассчитывая и на 10 000 албанцев, которые Венеция держала под ружьем в полной готовности. При таком положении, казалось ему, можно будет добиться гораздо более выгодных условий мира. К тому же союз с обоими королевствами он собирался заключить не на основании территориальных уступок; он полагал, что совершенно достаточной ценой за союз будет гарантия дальнейшего существования правительств туринского и пармского, заключающаяся в самом факте такого союза, а также прекращение внутри этих стран интриг, направленных на распространение в них республиканских идей. Тем же, кто хотел превратить всю Италию в республику и в союзе с монархиями видел шаг назад, он отвечал, что в Сардинском королевстве, окруженном со всех сторон Лигурийской, Циспаданской [1], Ломбардской и Французской республиками, монархия не может долго устоять и что тогда ее падение будет явлением естественным, а не результатом политического акта Франции. «Союз Франции с Сардинией, — говорит он, — это великан, который обнимает пигмея: если первый задушит последнего, то случится это невольно, как простое следствие чрезмерной разницы в их органах».

Опираясь на ту же идею и как бы создавая грандиозное продолжение войны, Бонапарт поощрял возникновение Циспаданской республики и охотно поощрял бы возникновение и Ломбардской, если бы против этого не восстала столь решительным образом Директория. В Болонье и Ферраре, оставшихся в обладании французов на основании перемирия, заключенного ими с папой, были учреждены временные правительства, из которых как бы самопроизвольно возникли в р е м е н н ы е вольные государства. Реджио, принадлежавший герцогу Моденскому, при помощи настоящей революции завоевал себе такое же положение, и французская армия этому не воспротивилась. Оставалась только Модена, в которой уже начали появляться признаки революционного брожения, вероятно возбуждаемого французами же. Так как герцог Моденский проживал в Венеции и Бонапарт к нему относился особенно неблагосклонно, то французский полководец объявил об отмене еще длившегося перемирия под тем предлогом, что регентство Модены снабжало Мантую продовольствием. Тогда уполномоченные этих четырех областей съехались на конгресс, который и должен был образовать из совокупности их Циспаданскую республику. Возможно, что Директория и не вполне одобряла эти действия Бонапарта, но она не решалась возражать этому полководцу, а также поддерживающим его экзальтированным демократам. Зато Ломбардия должна была пока что довольствоваться своим временным правительством, хотя Бонапарт охотно превратил бы ее уже теперь в Ломбардскую республику.

---

[1] В древности река По носила название Падус, поэтому название Циспаданская республика обозначает республику за рекой По. П р и м. р е д.

Все эти провинции наряду с национальной гвардией сформировали еще и л е г и о н ы, общая численность которых составляла 10 000 чел.

С Венецией отношения остались в общем прежние, хотя захватом замка Бергамо Бонапарт и подал повод к неудовольствию; обе стороны ненавидели друг друга, но до внешних проявлений вражды пока дело еще не доходило.

Отношения с папой, казалось, близились к решительному разрыву. «Святейший отец» продолжал вооружаться и велел вернуть в Рим обоз, нагруженный 15 миллионами франков контрибуции. Бонапарт собрал корпус из 3 000 чел. французских войск и 4 000 итальянских, чтобы угрожать Риму, а в случае нужды, если не удастся сохранить мир, то и занять его.

В то время как Бонапарт занимается, таким образом, в Болонье делами итальянских государств, Директория посылает в Италию генерала Кларка, с тем чтобы он оттуда отправился в Вену к императору с предложением заключить перемирие, поручив также начать предварительные переговоры о созыве мирного конгресса. Однако венский двор отказал этому уполномоченному в выдаче паспорта по той причине, что одновременно английское правительство послало в Париж лорда Мальмсбери для мирных переговоров, и австрийский двор полагал, что он может передать через того же посла и свои мирные предложения. Тем временем император посылает в Виченцу своего генерал-адъютанта, барона Винцента, чтобы повести переговоры о перемирии с генералом Кларком.

Бонапарт был против какого бы то ни было перемирия, которое не заключало бы в себе условие о сдаче Мантуи, между тем как Кларк, действуя в духе Директории, готов был согласиться на условиях status quo. Если поставить вопрос (каковой, как стратегический, входит в тему настоящего сочинения), которой из двух сторон такое перемирие пойдет на пользу, — мы, конечно, ответим с Бонапартом: союзникам. Кэльское предмостное укрепление (у Страсбурга на Рейне) пало в начале января, в то время, когда переговоры о перемирии еще велись, так что весьма сомнительно было, сохранило ли бы перемирие, заключенное на условии status quo, эту переправу за французами.

Ежедневный подвоз продовольствия в Мантую, обязательный в случае заключения перемирия, если бы таковое продлилось несколько месяцев, легко мог быть использован для того, чтобы снабдить эту крепость продовольствием на более продолжительное время. Вообще же перемирие выгодно главным образом для той стороны, которой приходится залечивать более глубокие раны, а этой стороной были австрийцы. Благоприятный оборот, который приняли для них дела в Германии, все-таки еще не довел положение вещей до того состояния, в каком они находились при открытии военных действий. Между тем, в Италии вся Ломбардия была потеряна, а после падения Мантуи надо было ожидать неприятеля у самых границ внутренних областей Австрии. Раны, нанесенные австрийцам

у Кастильоне, Бассано и Арколе, еще кровоточили; с новыми успехами противника прежние успехи сливались в одно великое целое. Наконец, за 3—4 месяца перемирия австрийцы могли успеть приобрести новых союзников в лице итальянских государств и России, на союз с которой начали появляться надежды. Таким образом, единственная выгода, какую перемирие представляло для Франции, заключалась в надежде на заключение мира; однако в это мгновение ни Австрия, ни Англия мира не желали, так как цена, которую пришлось бы за него заплатить — потеря Ломбардии, — им тогда еще казалась чересчур высокой. Всем было ясно, что обладание Ломбардией, в сущности, все время висело на конце шпаги, ибо одной одержанной победы было бы достаточно для обратного ее завоевания, а перспектива заключения новых союзов связывала с продолжением войны большие надежды на возвращение всего ранее утраченного.

Кажущееся ослабление революционной энергии и нерешительность французского правительства немало поддерживали эти взгляды. Поэтому на посольство лорда Мальмсбери приходится смотреть, как на меру, преследующую иные цели. Английское правительство хотело ознакомиться с положением политических партий во Франции, оно надеялось получить более подробные сведения о намечаемых французским правительством предприятиях в Ирландии, а главным образом своей напускной готовностью заключить мир, с одной стороны, повредить Директории в глазах жаждущей мира Франции, а с другой—оправдать себя в глазах собственного парламента, от которого зависел отпуск субсидий.

Ни переговоры лорда Мальмсбери, ни те, которые вел генерал Кларк, к цели не привели. Первого Директория отослала обратно 19 декабря, а переговоры в Виченце были прерваны наступлением австрийцев.

Предприятие в Ирландии заключалось в проектируемой высадке корпуса в 15 000 чел. под командой генерала Гоша, который должен был поддержать готовое вспыхнуть восстание ирландских католиков. Экспедиция отплыла в середине декабря, но бури так рассеяли корабли, что от нее пришлось отказаться.

Французское правительство поступило бы гораздо лучше, послав эти 15 000 в Италию, где они, несомненно, оказали бы немедленное действие, вместо того чтобы рисковать ими в неверном предприятии, которое, даже в случае успеха, не могло повлиять на военное положение на материке, так как английских войск в то время там не было.

Эта экспедиция принадлежит, очевидно, к числу диверсий, а прелесть диверсий для большинства государственных людей заключается в том, что они принадлежат не к числу скромных и простых, а к числу сложных предприятий, на которые эти люди без всякого разумного основания возлагают большие надежды. Но ведь диверсии могут принести пользу лишь при известных, крайне ограниченных условиях, без которых они приносят только вред, — во-первых, потому, что силы, применяемые кружным

путем, отвлекаются от того дела, на которое до того использовались ближайшим, прямым способом; во-вторых, потому, что они вызывают к деятельности новые силы противника, которые без этой диверсии так и продолжали бы оставаться в дремотном состоянии. Правда, в отношении Ирландии и Англии состояние готовых восстать ирландских католиков можно было бы почесть за такой случай, когда диверсия могла бы принести пользу, однако Франция этим ничего не достигала, кроме усиления работы английских войск. Между тем, французы оказались бы в крайне затруднительном положении, если бы ирландцы действительно добились независимости, ибо Франция не могла бы ни использовать ее как эквивалент в обмен за утраченные ею колонии, ни окончательно отторгнуть этот остров от Англии, так как это сделало бы заключение мира совершенно невозможным.

62. Операционный план австрийцев

Бонапарт получил некоторые подкрепления, так что его армия не только пополнила понесенные ею потери, но и довела свою численность до 47 000 чел.

Размещение этих сил в период затишья было следующее:

Дивизия Жубера у Риволи	10 000	чел.
» Массены у Вероны	9 000	»
» Серюрье под Мантуей	10 000	»
» Ожеро у Леньяго и в его окрестностях	9 000	»
» Рея у Дезенцано	4 000	»
» Виктора (резервы) у Гоито	2 000	»
Кавалерийский резерв	700	»
Ланн в Болонье	2 000	»
Итого	46 700	чел.

Австрийцы снова довели свои силы до 45 000 чел.; из этого числа в специальном распределении их сил мы встречаем лишь 42 000. Надо полагать, что 3 000 чел. были выделены для прикрытия какого-либо пункта и потому не участвовали в наступлении.

Операционный план, согласно которому они на этот раз действовали, был как бы вывороченный наизнанку предшествующий план.

Снова решили продвигаться двумя отдельными колоннами по долине Эча и по равнине; но на этот раз главная армия под начальством главнокомандующего генерала Альвинци должна была атаковать позиции французов на Короне и у Риволи, а затем по долине Эча пробиться до Мантуи; в это же время другой, более слабый корпус должен был продвигаться по равнине двумя колоннами, из которых первая в 5 000 чел. под командой генерала Баялича шла на Верону, а вторая в 9 000 чел. под командой генерала Проверы направлена была через Падую на Леньяго.

Колонна, продвигавшаяся по равнине, должна была главным образом привлекать на себя внимание противника и по возможности задерживать его на нижнем течении Эча, в то время как главные силы австрийцев намеревались разбить и уничтожить французскую дивизию, стоявшую в Альпах. Впрочем, обе большие колонны должны были отдельно друг от друга непрерывно пробиваться к Мантуе, с тем чтобы там соединиться с генералом Вурмзером. Последнему был послан перехваченный французами гонец с приказанием императора в крайнем случае удалиться в Феррару и в Папскую область, где ему будет оказан хороший прием.

Разбор этого операционного плана мы снова откладываем до конца главы, здесь мы ограничимся тем замечанием, что австрийцы, несомненно, рассчитывали на то, что часть французских сил будет отвлечена папскими войсками, к которым прикомандировали несколько австрийских генералов и офицеров.

Сформированные папским правительством войска должны были состоять из 15 000 чел. Если бы им удалось отвлечь с Эчского театра войны 5 000—6 000 чел. французского войска, это все же положило бы известный груз на чашу весов. Между тем, Бонапарт с таким пренебрежением смотрел на все эти военные приготовления, что, кроме 4 000 итальянских солдат, посланных им из Милана, он, повидимому, оставил в Болонье всего лишь 1 000 чел. Никто, как этот полководец, не умел так смело пренебрегать второстепенным, чтобы по возможности все свои силы сосредоточивать на главном пункте.

63. Сражение под Риволи 14 и 15 января

Австрийцы так организовали свои передвижения, что колонна, которой командовал Провера, уже 9 января прибыла в Леньяго, после того как ее авангард под командой принца Гогенцоллерна выдержал довольно горячий бой против авангарда Ожеро у Бевилаква, тогда как колонна Баялича подошла к Вероне лишь 12-го и 12-го же должна была произойти атака на позиции Жубера. Это более раннее продвижение вперед левого крыла было вызвано желанием тем самым ускорить его диверсионное действие; но, понятно, оно привело к обратному результату, так как, чем дольше Провера оставался поблизости от Ожеро, тем последний точнее узнавал его действительные силы и разгадывал его намерения.

Итак, главный удар предполагалось нанести дивизии Жубера на позиции у Короны и у Риволи.

Позиция у Короны представляет, как мы уже говорили, естественный аванпост позиции у Риволи.

Позиция у Риволи является частью Монте Маньоне, на который надо смотреть, как на террасу Монте Бальдо, спускающуюся к Эчу, а позиция у Короны представляет крутой овраг, образованный ручьем, который стекает с Монте Бальдо мимо Феррары и впадает около Брентино в Эч.

Правый берег этого ручья, крутой и высокий, господствует над окрестностями, и на него между Феррарой и Брентино ведет лишь несколько пешеходных дорожек со ступенями в виде лестниц.

Риволийская позиция представляет, как мы уже говорили, плоскогорье, отделенное от Монте Бальдо долиной Каприно шириной около 2 000 шагов, но связанное с гребнем Монте Маньоне вдоль течения Эча; точкой этого соединения является Сан Марко; от этого пункта до Остерии (Инчинале) гребень Монте Маньоне составляет тыл позиции, у Остерии же он вплотную подходит к Эчу; дорога, идущая по правому берегу этой реки, не следует дальше по ее долине, но подымается в гору у Остерии, так что с этого места Эч прикрывает тыл позиции.

Самую позицию образует не особенно высокий двойной полукруг холмов. Внешний полукруг примыкает к Сан Марко, где, следовательно, находится правое крыло позиции, и заканчивается Монте Пиполо (к югу от Риволи), упираясь в этом месте в Эч. Дуга этого полукружия равняется трехчасовому переходу, а диаметр — часовому: селение Риволи расположено почти в центре полукружия.

Вторая возвышенность, отделенная от первой небольшим скатом, образует другое полукружие, которое своим правым крылом примыкает к гребню Монте Бальдо между Сан Марко и Остерией, а левым сходит на-нет в направлении Риволи. Окружность его равняется приблизительно часовому переходу.

Обе возвышенности тянутся далеко не ровными гребнями; они прерываются и в отдельных местах разветвляются на отдельные гребни; в общем их гребни узки и внутрь позиции спускаются более крутыми откосами, чем в направлении противника. Этим, а также некоторыми другими чертами Риволийская позиция напоминает позицию у Ландсгута. Из внешнего возвышенного полукружия участок от Сан Марко до селения Тромбалоре, длиной в добрый получасовой переход, составляет, в сущности, основной фронт, так как здесь находятся почти все пешеходные дороги и тропинки, спускающиеся с Короны и Монте Бальдо. На этом участке Сан Марко составляет правое его крыло, а Остерия — важный тыловой пункт, между тем как на остальные части внешнего полукружия от Тромбалоре до Монте Пиполо можно смотреть, как на запасную площадь, если так можно выразиться, которую войска занимают лишь там, где неприятель угрожает обходом вышеуказанной настоящей позиции. На внутреннее полукружие можно смотреть, как на запасную позицию, которая, впрочем, находясь от внешнего полукружия на расстоянии всего лишь 1 000 шагов и будучи ниже его, представляет лишь слабый опорный пункт для обороны.

Подходы к этой позиции для обороняющегося со стороны Вероны и Кастельнуово ведут через Орца и Коломбаро (восточнее) и направляются на Риволи, причем Монте Пиполо остается вправо от них.

Прямо против Монте Пиполо на левом берегу Эча стоит Кьюза, которая, как мы выше говорили, герметически закупоривает главную дорогу долины Эча, идущую по левому берегу этой реки.

Главная сила Риволийской позиции заключается в том, что обороняющийся может в нее ввести через Орца и Коломбаро все рода войск и использовать их на ней, в то время как наступающий по четырем или пяти дорогам, ведущим к этой позиции со стороны Короны или Монте Бальдо, не может подвести обыкновенную артиллерию, но должен быть снабжен особой горной артиллерией, а это обычно сводится к ограниченному числу орудий малого калибра; что кавалерии в достаточном количестве наступающий с собой взять не может; что для обоих родов оружия остается лишь дорога в долине Эча и что взобраться наверх даже у Остерии им почти не было бы никакой возможности.

Итак, наступающий мог вести бой исключительно при помощи одной пехоты, а потому, для того чтобы рассчитывать на успех, ему необходимо иметь значительный численный перевес в этом роде оружия.

Сперва Жубер, располагавший десятитысячным корпусом, занял Корону лишь несколькими тысячами человек, а остальные войска разместил на квартирах в долине Каприно.

Хотя генерал Жомини бой у Короны описывает так, как будто Жубер там стоял лишь с одним авангардом, однако из подлинных донесений, повидимому, вытекает, что сперва при приближении австрийцев он собрал на позиции у Короны всю свою дивизию, намереваясь сначала оборонять ее, с тем чтобы потом дать вторичный бой у Риволи, но что глубокое обходное движение австрийцев заставило его уже 12 января отослать часть своих войск для прикрытия Риволийской позиции. Альвинци знал, что Бонапарт находится в Болонье, занятый делами Циспаданской республики, к тому же он надеялся, что его колонны, оперирующие на равнине, привлекут на себя все внимание французского полководца и введут его в заблуждение относительно пункта, на который в действительности должен был быть направлен его удар. При таких условиях Альвинци надеялся, что у него хватит времени на то, чтобы не только разбить Жубера на его позициях, на Короне и у Риволи, но и окружить этого генерала так, чтобы принудить его к сдаче. На эту-то цель и направлена диспозиция, составленная для наступления австрийцев.

Альвинци делит свои 28 000 чел. на шесть колонн, из которых первая, под командой полковника Лузиньяна, силой в 5 000 чел. должна была следовать по западному склону Монте Бальдо и затем через Лумини зайти в тыл не только Короне, но, через Пезину, и Риволийской позиции.

Вторая колонна в 4 700 чел., под командой генерала Липтая, и третья в 4 000 чел., под командой генерала Кёблёса, должны были подняться на горы со стороны Беллуно и Авио, продвигаясь по расположенным там

боковым долинам, и атаковать Корону частью с фронта, частью с левого фланга со стороны Феррары.

Четвертая колонна в 3 400 чел., под командой генерала Очкая, составляла подлинный резерв и, следуя позади пятой колонны, шедшей по долине Эча, должна была поддерживать либо ее, либо две другие наступавшие колонны.

Пятая колонна, под командой генерала Квазданович, должна была следовать по правому берегу Эча и атаковать Риволийскую позицию через горный проход у Остерии, которую пересекает эта дорога, ведущая на Риволийское плоскогорье.

Шестая колонна, под командой генерала Вукасовича, должна была итти левым берегом Эча, по главной дороге, и атаковать Кьюзу, частью для того, чтобы взять этот форт, частью же для того, чтобы обстрелять артиллерийским огнем Риволийскую позицию с тыла.

В двух последних колоннах было около 10 000 чел.; из них в шестой было, вероятно, не более 2 000—3 000, так что Квазданович располагал 7 000—8 000 чел.

При трех первых колоннах артиллерии было, вероятно, лишь несколько горных орудий, а кавалерии — несколько сот сабель, так как им приходилось продвигаться исключительно по лесным и горным тропам и пешеходным дорожкам, которые к тому же в это время года были завалены снегом. Таким образом, большая часть артиллерии и кавалерия в 1 700 сабель находились в долине Эча при пятой и шестой колоннах.

Все колонны выступили 11 января, а 12-го должна была быть поведена атака на Корону.

Таковая действительно и началась на рассвете 12-го. Вторая и третья колонны находились против французов близ Феррары. Генерал Кёблёс их атаковал, но генерал Липтай его не поддержал, придерживаясь в точности диспозиции и выжидая, чтобы первая колонна начала действовать совместно с ним. Между тем, первая колонна из-за занесенных снегом дорог не могла прибыть к тому сроку, на какой рассчитывали, и потому в бое 12 января она участия принять не могла. Благодаря этому Жуберу удалось удержаться на Короне весь этот день, и он уже собирался отстаивать эту позицию еще и 13 января, когда ему донесли ночью об обходном движении первой австрийской колонны. Это заставило его отступить на Риволи 13-го в 4 часа утра. Свой отход он совершил без особых потерь.

У Риволи он снова построился и весь этот день оставался на позиции в ожидании приказаний Бонапарта, не подвергаясь настоящим атакам со стороны австрийцев, так как они следовали за ним крайне медленно.

Альвинци, разочаровавшись в ожидаемом им успехе от своей диспозиции 12-го, весь день 13-го употребил на то, чтобы разместить свои войска для атаки Риволийской позиции, назначенной на 14 января. Поэтому вторую и третью колонны он выдвинул вперед лишь до подножия Монте

Бальдо, к селениям Каприно и Сан Мартино. Где находились три колонны, шедшие по долине Эча, — источники не указывают.

Не получая в течение всего 13 января ни приказаний от Бонапарта, ни подкреплений и видя окружающие его позицию горы, озаренные кострами австрийцев, Жубер стал опасаться, как бы на следующий день их превосходные силы не раздавили его и не отрезали ему всякий путь отступления, а потому в 10 час. вечера решил начать свой отход на Вилланова через Кампару. Но едва этот отход был выполнен, как он получил известие о немедленном прибытии Бонапарта и приказание стать впереди Риволи. Ввиду этого он тотчас вернулся и временно занял позицию полукругом непосредственно перед Риволи, впрочем заняв своей легкой пехотой ближайший круг холмов на Риволийском плоскогорье. Австрийцы продвинули свои передовые части до внешнего круга холмов, где всю ночь шла перестрелка.

10 января Бонапарт еще находился в Болонье, когда он узнал о продвижении австрийцев. Он спешит в Ровербелло, где отдает распоряжения о том, что блокирующие Мантую войска должны предпринять в случае, если Альвинци будет приближаться к крепости. Сам же он отправляется в Верону, куда прибывает 12 января утром. Здесь он находит дивизию Массены, которая успела завязать аванпостный бой с дивизией Баялича. Бонапарт приказывает всей дивизии ударить на австрийского генерала, отбрасывает его со значительными потерями и тотчас убеждается в том, что он имел дело не с главными силами австрийцев. Между тем, он узнает, что и генерал Ожеро подвергается атаке, и лишь в 10 час. вечера 12-го убеждается, из донесения генерала Жубера, что главные силы неприятеля наступают в горах.

Он приказывает Ожеро не ввязываться в решительное сражение; посылает генерала Виктора с резервами на Виллафранка, а сам 13-го вечером выступает к Риволи с дивизией Массены.

Дивизия Массены состояла из пяти полубригад, но из них только три выступили в поход: 75-я, 32-я и 18-я, а 25-я осталась против Баялича; о назначении 18-й легкой полубригады не упоминается, вероятно она также осталась против Баялича. Уже 12-го Бонапарт приказал резервам генерала Рея двинуться из Дезенцано к Кастельнуово, откуда они должны были последовать за Массеной. В то же время генерал Мюрат должен был выступить из Сало с одной полубригадой в 700 чел., переправиться через озеро Гарда у Торре и выйти в тыл австрийцам.

Итак, в ночь на 14 января Бонапарт выступил с подкреплением в 12 000 чел., благодаря чему его силы, по его собственному заявлению, достигли 22 000 чел. при 60 орудиях. В это время Альвинци отдал новый приказ своего наступления на 14-е.

Лузиньяну предписано продолжать свое обходное движение на Пезину по правому берегу Тассо, протекающему по долине Каприно, по направлению к Аффи; таким образом, он проходил мимо Риволийского

плоскогорья с западной стороны, приближаясь к дороге, по которой могли притти подкрепления из Кастельнуово и Вероны; оттуда он имел возможность атаковать плоскогорье по его южному склону, т. е. в отношении главной позиции — с тыла.

Вторая и третья колонны должны были устремиться на северную сторону плоскогорья, и притом Липтай — через Каприно на высоту Тромбалоре, следовательно, на левое крыло главной позиции, а Кёблёс — на правое крыло, т. е. главным образом на Сан Марко; этот пост смотрит в долину Эча и наполовину приоткрывает путь по теснине Остерии.

Четвертой колонне было предписано вернуться по долине Эча до Беллуно и оттуда тоже подняться на гору, чтобы поддержать вторую и третью колонны.

Пятая колонна, под командой Квадановича, должна была атаковать горный проход у Остерии, а шестая — итти на Кьюзу.

Бонапарт, опередив предводимые им войска, прибыл в 2 часа ночи к Жуберу; он приказал ему еще до прибытия Массены атаковать на рассвете всей своей дивизией австрийцев, оставив лишь 39-ю полубригаду в горном проходе у Остерии. Так как австрийцы заняли высоты, составлявшие самую позицию, лишь передовыми частями, то Жуберу было нетрудно овладеть ими и даже важным постом Сан Марко; он даже проник в долину Каприно, где встретился с главными силами австрийцев. Последние двинулись в атаку, и тут разгорелся ожесточенный бой между второй, третьей и четвертой австрийскими колоннами силою в 12 000 чел. под начальством самого Альвинци и дивизией Жубера, насчитывавшей тысяч восемь человек. Бой длился уже несколько часов, когда, повидимому, он начал клониться не к выгоде французов. Правому крылу Жубера не удалось пробиться вперед, он даже едва не утратил занятое им ранее Сан Марко. Левое же крыло, прорвавшееся, было, до подножия Монте Бальдо, было там встречено Липтаем и большей частью обращено в бегство, и только сопротивление одного батальона, укрывшегося в селении Сан Джиовани, австрийцам не удалось сразу сломить.

В это-то мгновение, около 10 час. утра, подходит Массена. Он послал 18-ю полубригаду к селению Гарда для прикрытия левого крыла; 32-я полубригада, всего 2 000 чел., составляет головную часть его колонны. Бонапарт спешит с ней на выручку левого крыла Жубера, в то время как 75-я полубригада, 3 000 чел., остается, как резерв, в Риволи. При помощи этого подкрепления Бонапарту удается восстановить бой на левом крыле Жубера и снова отбросить Липтая к подножию Монте Бальдо.

В это время австрийские колонны, широким кругом обходившие французского полководца, начинают приближаться и появляются на поле сражения. На правом крыле Лузиньян пробивается до Аффи. Бонапарт вернул два батальона из полубригады, отосланной Массеной к Гарда, они у Костермана преграждают путь полковнику Лузиньяну, несколько задерживают его продвижение к Аффи, но приостановить его не могут.

Тем временем на левом австрийском фланге Вукасович достиг окрестностей Сомано на левом берегу Эча, поставил свои орудия и открыл огонь по 39-й полубригаде, поставленной для охраны Остерии. Сам Кважданович проник к этому пункту и с несколькими отделениями застрельщиков взобрался на крутой скат горы в то самое мгновение, когда сильно теснимое правое крыло Жубера было вынуждено покинуть Сан Марко. Тут уж и 39-я полубригада оказалась вынужденной покинуть пост у Остерии, а один батальон и один эскадрон из колонны Кважановича прочно стали на самом Риволийском плоскогорье, в то время как остальные его войска еще продвигались вслед за ними колонной по шоссе.

Таким образом, правое крыло Жубера разбито, горный проход у Остерии, повидимому, занят, и Массена лишь с трудом еще удерживает у Тромбалоре с левым крылом самую позицию против наседающего на него Липтая.

Этот момент сражения во французских описаниях изображается как момент крайней беды, как настоящий кризис, когда Бонапарт, повидимому, с 15 000 чел. должен бороться с окружающими его 20 000 австрийцев, когда главные пункты, как Остерия и Сан Марко, уже утрачены, когда Лузиньян грозит отрезать путь отступления, когда в резерве имеется всего лишь одна единственная полубригада в 3 000 чел. и, может быть, сабель 600 кавалерии; однако этот момент, говорим мы, далеко не был таким отчаянным, каким его изображают ради драматического эффекта.

В действительности Бонапарту приходилось сражаться с 12 000, составлявшими вторую, третью и четвертую колонны австрийцев. Последние пришли во время боя в значительное расстройство и были изнурены тем напряжением всех сил, которое им пришлось испытать; они медленно и с трудом тянулись по покрытым снегом полям длинными стрелковыми цепями, у них уже нехватило бы нервной энергии для нанесения сильного удара. Колонна Кважановича сама переживала момент самого острого кризиса. Она все еще не могла выбраться из теснины шоссе, круто подымавшегося в гору; на плоскогорье находилась лишь слабая ее головная часть, которая, вследствие неблагоприятного оборота, какой приняли дела правого крыла Жубера, оказалась в опасной близости к главным силам французов. Мы сейчас увидим, насколько колонна Кважановича была небоеспособна. Лузиньян находился на расстоянии часа ходьбы от пункта, который в данное время был решающим, а именно — от правого крыла Риволийской позиции, в то время как генерала Рея с резервами в 3 000 чел. ожидали с минуты на минуту; если бы Лузиньяну и удалось перехватить путь отступления Бонапарта, то, в свою очередь, генерал Рей оказался бы у него в тылу.

Бонапарт быстро определил среди сумятицы и грохота широко развернувшегося сражения выгодные стороны своего положения, и его спокойствие и уверенность превращали его в полубога в глазах его генералов и солдат. Он приказывает 75-й полубригаде, стоявшей, как нам изве-

стно, позади Риволи и, следовательно, слишком далеко, чтобы помочь в беде правому крылу, занять на западном фронте плоскогорья высоту Фиффаро, чтобы принять два батальона 18-й бригады и оказать противодействие Лузиньяну. С того же места, где сам находится, он приказывает части дивизии Жубера, 39-й полубригаде и 600 саблям резервной кавалерии повести концентрическую атаку против головной части колонны Квадановича. Без труда ее отбрасывают с плоскогорья вниз на все еще стоящие густые массы пехоты, артиллерии и кавалерии, перепутавшиеся между собою среди продвигавшейся колонны. Оживленный артиллерийский огонь, направленный на эту колонну, заставляет ее повернуть вспять, а взрыв нескольких зарядных ящиков посреди нее приводит всю колонну Квадановича в такое смятение и страх, что одним этим ударом он оказывается разбитым наголову.

Между тем, Массена с левым крылом Жубера продолжал удерживать высоты Тромбалоре. Тотчас же после поражения Квадановича Жубер со своим правым крылом и кавалерией обращается снова против Очкая и Кёблёса. Последние продвинулись уже настолько вперед, что удержавшийся на своем месте Массена мог угрожать их флангу. Когда же они увидели, что массы французских войск правого крыла снова устремляются на них, они со своими расстроенными рядами, лишенные артиллерии и кавалерии, были приведены французами, а особенно этими двумя родами оружия, которыми те располагали, в состояние такого панического страха, что, несмотря на все усилия Альвинци, французам было нетрудно отбросить их к подножию Монте Бальдо, нанеся им потери в 1 000 пленных. Генерал Липтай, полагая, что при таких условиях он также не может продолжать бороться с Массеной, в свою очередь отступил на Каприно.

Таким образом, левое крыло и центр Альвинци были окончательно разбиты раньше, чем правое крыло под командой Лузиньяна могло оказать решительное влияние на ход боя. Но с этого мгновения самому этому крылу стала грозить полная гибель. Между тем, полковник Лузиньян, не будучи осведомлен, что вполне в природе вещей, о поражении Альвинци, продолжал, согласно диспозиции, все дальше и дальше углубляться в тыл французского расположения, не отдавая себе отчета, что тем самым он падает в бездну. Постепенно он уже оттеснил те пять батальонов, которые стояли против него, и занял Монте Пиполо, когда Бонапарт лично обратился против него. Он усилил французские войска, стоявшие против Лузиньяна, одной лишь батареей двадцатифунтовых орудий [1]; впрочем, это подкрепление имело огромное значение против отряда, вовсе не имевшего артиллерии.

---

[1] В своих мемуарах Бонапарт говорит о 15 орудиях, составлявших будто бы эту батарею, что представляется неправдоподобным, так как другие источники говорят лишь о нескольких орудиях.

Полковник Лузиньян, заключив из удаляющегося огня других корпусов об их поражении, убедился, что он покинут на произвол судьбы, в то время как свежий корпус французов угрожал ему с тыла. То был генерал Рей, подходивший со стороны Орцы со своими 3 000 чел. В таких условиях легчайшего нажима на корпус полковника Лузиньяна было достаточно, чтобы заставить его отступить; правда, он еще попытался оказать некоторое сопротивление, но в результате его отряд пришел в еще большее расстройство. В конце концов весь корпус был разгромлен и частью перебит, частью взят в плен. Лишь ядро этого корпуса в 1 200 чел. с его вождем попыталось бежать к селению Гарда; но тут им преградили путь несколько рот из стоявшего там французского батальона. В этой пересеченной местности беглецы не могли установить численности противника; им, как это часто бывает, показалось, что они со всех сторон окружены подавляющими силами противника, и они среди открытого поля положили оружие, так что из пятитысячного корпуса только его начальнику с небольшим числом отдельных людей удалось бежать и переправиться через озеро Гарда.

Такова была судьба, постигшая правое крыло австрийцев. Теперь обратимся снова к остальным колоннам.

14 января Кваждановичотошел по долине Эча до Ривальты и, таким образом, уже перестал принимать какое-либо участие в судьбе остальных частей центра; Альвинци собрал у подножия Монте Бальдо три разбитые колонны, составлявшие этот центр. Таким образом, покинутый обоими своими крыльями, этот центр подвергался атакам соединенных сил противника на позиции, путь отступления с которой состоял из одних занесенных снегом пешеходных троп, проложенных по крутым горным склонам. В то самое мгновение, когда Бонапарт решил использовать последние проблески дня, чтобы возобновить атаку против австрийцев, он получил известие, что Провера переправился через Эч у Ангиари и устремился к Мантуе. Поэтому он передает Жуберу, усилив его резервом Рея, продолжение действий против Альвинци, а сам с дивизией Массены, с которой он прошлую ночь форсированным маршем прибыл сюда, снова ночью спешит вернуться на равнины Италии. Жубер отложил дальнейшие атаки до следующего дня. Альвинци поэтому имел бы возможность еще в ту же ночь начать свое отступление и тем выиграть достаточно времени для того, чтобы безопасно спуститься с крутых откосов Короны по ступенькам пешеходных троп в долину Брентино. Между тем, не имея никаких определенных известий о своем правом крыле, он, естественно, о нем тревожился и не решался покинуть подножие Монте Бальдо раньше, чем эта колонна (которая уже полдня как перестала существовать) успеет отойти на достаточное расстояние длинным обходным путем.

Даже для успеха предпринятого Проверой похода к Мантуе казалось желательным еще 15 января оставаться вблизи главных сил французов, чтобы помешать слишком раннему их выступлению. Итак, усилив за ночь

свой корпус двумя батальонами и двумя эскадронами из колонны Кважданович, Альвинци решает даже попытаться атаковать французский фронт 15-го утром, полагая, вероятно, что этим он лучше обеспечит себя от обхода, чем оборонительным построением.

Естественно, что и генерал Жубер со своей стороны решил повести наступление, и притом таким порядком, чтобы по возможности окончательно отрезать Альвинци путь отступления. Одна колонна правого крыла, под командой Виаля, прошла через Монте Маньоне мимо левого крыла австрийцев, другая, под командой Вобуа, — по склону Монте Бальдо, а третья — еще более влево, через самый Монте Бальдо; следовательно, обе эти колонны обходили правое крыло австрийцев. Последняя из этих колонн установила связь с Мюратом, который 14-го высадился в Торре и оттуда шел на Феррару. В то время как фланговые колонны должны были отрезать пути отступления австрийцев, Бараге д'Илье с французским центром двинулся против австрийского у Сан Мартин. Альвинци вскоре убедился, что задуманное им наступление не могло увенчаться успехом, войска не проявляли ни силы, ни мужества, и не прошло еще часа с начала боя, как австрийцам уже пришлось начать отступление. Последнее в скором времени приобрело беспорядочный характер. Австрийцы заметили, что французские колонны и справа и слева поспешно приближаются к горному проходу у Короны; тревога о том, как бы не оказаться отрезанными, постепенно овладела всеми и каждым, и, наконец, вся масса людей ринулась в диком бегстве к тем пешеходным тропам, которые шли по крутому склону горы. Там все стеснилось и скопилось, так что, раньше чем эта охваченная ужасом толпа успела до некоторой степени прорваться через эти узкие и крутые спуски, неутомимые французы уже прибыли на место. В результате бо́льшая часть беглецов была отрезана и на одном этом месте было захвачено в плен до 5 000 чел. Так закончилось сражение под Риволи полнейшим поражением австрийцев, причем из 28 000 они потеряли 14 000, из которых 10 000—12 000 чел. были взяты в плен.

64. Бой под Фаворитой близ Мантуи 16 января

Как мы видели, 8 и 9 января у генерала Проверы был бой с авангардом Ожеро у Бевилаква. Это привело Проверу к Леньяго, где он праздно простоял 10, 11 и 12 января. Ни в одном источнике не указана причина этого промедления. Впрочем, ее нетрудно разгадать: по всей вероятности, она заключалась в весьма естественном беспокойстве генерала Проверы, как бы ему не притти слишком рано и не попасть в руки главных сил французов, не произведя этим даже сколько-нибудь полезной для генерала Альвинци диверсии. Если бы он построил свой мост еще 10 января, то уже 11-го мог бы оказаться вынужденным дать бой. Между тем, Альвинци начал свое наступление только 11-го, и легко можно было пред-

видеть, что для его операции против Жубера ему потребуется по крайней мере 2, а то и 3 дня, а за это время главные силы французов, покончив с Проверой, успели бы обратиться против Альвинци. Следовательно, уже по этому простому расчету он прибыл на берега Эча на два дня раньше. В действительности он упредил свой приход еще более, чем на 2 дня, ибо решительный бой, который мог произойти еще 12-го и во всяком случае 13-го, произошел лишь 14 января, так что между атаками обеих колонн был бы промежуток в 4 дня. При быстроте передвижений французов 4 дней было слишком много для того, чтобы атака одной колонны могла служить диверсией для другой, хотя расстояние между обоими полями сражения и равнялось 9 милям.

Впрочем, раннее прибытие Проверы едва ли было случайностью или вообще чем-то непреднамеренным: повидимому, австрийский полководец рассчитывал этим путем в большей мере привлечь в эту сторону внимание французов и, таким образом, гарантировать себя от необходимости принять бой в горах с главными силами французов. Однако он совершенно не достиг своей цели, ибо продолжительное пребывание Проверы на глазах у правого крыла противника легко обнаружило второстепенное значение его отряда и сравнительную малочисленность его.

Впрочем, промедлив 3 дня, Провера все-таки пропустил слишком много времени. Соверши он свою переправу 12 января, он уже 13-го появился бы под стенами Мантуи. В таком случае Бонапарт либо пошел бы против него, — и тогда он не мог бы поддержать Жубера, — либо он пошел бы на Риволи, и тогда не мог бы выступить против Проверы. Еще вопрос, удалось ли бы последнему и в таком случае привлечь к себе Вурмзера; но, во всяком случае, то был единственный возможный способ это осуществить. Отсюда мы видим, как трудно для отдельно действующей колонны правильно уловить момент, а это необходимо, когда имеешь своим противником такого полководца, как Бонапарт. Впрочем, возможно, что и другие обстоятельства помешали бы Провере выполнить свою переправу раньше.

Возвратимся к изложению хода событий.

Ожеро со своей дивизией в 9 000 чел. и 700 сабель резервной кавалерии под командой генерала Дюга стоял на берегу Эча, охраняя реку от Вероны до Леньяго. Так как противник, направлявшийся к Мантуе, не стал бы переправляться через Эч значительно ниже Леньяго, то весь участок, который ему приходилось охранять, не превышал 6 миль.

Поэтому Ожеро и сообщает Бонапарту в письме от 9-го, что он сосредоточил большую часть своей дивизии у Зевио, Ронко и Леньяго. Между тем в письме от 26-го он, видимо в свое оправдание, пишет: «Когда дивизия в 10 000 чел. рассеяна на пространстве более 30 лье, для сбора ее потребуется более чем четверть часа». Эта фраза представляется совершенно непонятной, разве что речь идет о Ланне, которого Бонапарт вызвал из Болоньи для подкрепления Ожеро. Между тем, надо полагать,

что дивизия Ожеро растянулась значительно ниже Леньяго, так как он говорит о предмостном укреплении у Кастаньяры (при впадении Кастаньяры в Эч) и вообще, повидимому, более всего озабочен тем, как бы австрийцы не пошли на Феррару.

Произведя демонстрации и в других направлениях, Провера придвинулся 13 января вечером к Эчу против Ангиари, т. е. на расстояние около часа ходьбы от Леньяго выше по течению. Ему удалось закончить постройку своего моста раньше, чем подоспел начальник левого крыла Ожеро, генерал Гюйё, с отрядом в 1 200—1 500 чел. Последний построился 14-го против переправы, но был вынужден отступить перед превосходными силами противника. Провера оставил для прикрытия моста 1 500 чел. при 14 орудиях, сам же с 7 000 чел. продолжал свой путь к Мантуе через Череа и Сангвинетто до Ногары, где и заночевал.

Совершенно непонятно, что как раз левое крыло Ожеро, а именно, генерал Гюйё, первый попытался преградить путь австрийцам, между тем как сам Ожеро с правым крылом стоял у Леньяго на расстоянии часа ходьбы, и как бы далеко он ни продвинулся вправо, все же у него под рукой было не менее, если не более, 2 000 чел. Повидимому, он считал, что лучше не рисковать быть разбитым по частям, и так как неприятель уже был на этой стороне реки, то особого значения не могло иметь, атакует ли он его несколькими часами раньше или позже, поэтому ему казалось целесообразнее прежде всего собрать бо́льшую часть своего правого крыла. Возможно, что его до известной степени сбило с толку предвзятое мнение, изложенное им в письме от 9 января, что Провера направится на Феррару.

Гюйё отошел к Ронко, и следствием прорыва генерала Проверы было то, что Ожеро оказался отрезанным от Гюйё и также от 4 000 чел. своей дивизии. С остальными 5 000 и с подошедшим к нему Ланном, следовательно, во главе 7 000 чел., Ожеро двинулся 14-го на Ангиари. Но там он не застал больше Проверу, который успел пройти вперед, а лишь оставленную им охрану моста в 1 500 чел. Последние, повидимому, еще не успели устроиться, а потому приняли решение последовать за Проверой. Однако на плотине, по которой им предстояло перейти, им преградила дорогу колонна Ожеро. Увидав себя окруженными со всех сторон неприятелем, они после непродолжительного сопротивления положили оружие. Ожеро сжигает мост и готовится преградить путь Провере, когда тот будет возвращаться от Мантуи, и оказать сопротивление всем тем неприятельским отрядам, которые еще могли подойти из Падуи.

Согласно его письму к Бонапарту, датированному 15 января, он весь этот день занят этими приготовлениями.

Оставшиеся на левом берегу Эча отряды австрийцев, которые не могли быть особенно сильны, повидимому, задерживали его, оказывая ему решительное сопротивление. Вот почему Ожеро не мог еще 15-го по-

дойти к Мантуе и прибыл туда только 16-го, да и в этот день лишь после самого боя.

15-го в полдень Провера подошел к пригороду Сан Джорджио, который был занят генералом Миолисом с отрядом в 1 200 чел. Пригород этот был укреплен со всех сторон. На предложение сдаться Миолис отвечал отказом. После нескольких безрезультатных орудийных выстрелов австрийский генерал решил отойти вправо и приблизиться к цитадели. Цитадель и предместье Сан Джорджио составляют два предмостные укрепления Мантуи; они отделены друг от друга непроходимым болотом, и первые подступы к цитадели, которые Провера мог использовать на пути от Сан Джорджио, были подступы от Монтады и от Фавориты; он подошел к этим пунктам ночью с 15-го на 16-е и стал дожидаться вылазки, о которой условился с Вурмзером.

В ночь с 14-го на 15-е Бонапарт прибыл в Кастельнуово, где он получил от Серюрье известие, что Провера идет на Мантую. Он приказывает Серюрье распорядиться обороной до последней крайности предместья Сан Джорджио, самому же ему итти к Фаворите и там удерживаться. Не получая никаких известий об Ожеро, Бонапарт приходит к заключению, что этот генерал находится на левом фланге у Проверы и что, может быть, ему еще представится случай помешать австрийцам переправиться через Молинеллу и преградить им дорогу у Кастелларо. Он употребил весь день 15-го на то, чтобы собрать дивизию Массены, бригаду Виктора и резервную кавалерию Дюга у Ровербелло, куда и сам затем направился. Гюйё получил приказание двинуться на Кастельбельфорте, а Ожеро послано было распоряжение, чтобы в случае, если ему уже не удастся преградить неприятелю дорогу, он следовал за ним по пятам.

Из всего вышесказанного вытекает, что Провера застал лишь часть дивизии Серюрье, а именно ту, которая находилась на левом берегу Минчио, всего 7 000 чел. Из них 1 200 чел. стояли гарнизоном в Сан Джорджио, так что 15-го преградить австрийцам дорогу на подступах, ведущих к цитадели, могли не более 5 000—6 000 чел. Приблизительно тому же равнялись и силы Проверы. А потому, если бы Вурмзер еще 15-го сделал вылазку с 8 000—10 000 своих войск, то трудно себе представить, как Серюрье удалось бы противостать этой двойной атаке. Итак, при известной активности обоих австрийских генералов они еще 15-го могли разбить Серюрье наголову, соединиться и выступить совместно через Говерноло на Феррару. Но, как это обычно бывает в подобных случаях, тут произошел ряд неожиданных задержек, потребовавших затраты известного времени. Соглашение с Вурмзером не состоялось настолько быстро, чтобы последний нашел возможным выполнить в тот же день свою вылазку. Ее отложили до следующего утра. Это, бесспорно, было огромной ошибкой. Если австрийские генералы могли не опасаться того, что Бонапарт, 14 января сражавшийся под Риволи, откуда еще 15-го могли

доноситься орудийные выстрелы, успеет прибыть уже 16-го утром к Мантуе, отстоящей от Риволи на 8 миль, то все же они должны были сообразить, что Ожеро, шедший, вероятно, следом за Проверой, да и другие резервные войска могли уже подойти из окрестных мест. Следовательно, то, что еще 15-го вечером было легко выполнимо, уже 16-го утром могло стать совершенно невыполнимым или во всяком случае крайне сомнительным, ибо стоило силам французов сравняться с силами австрийцев, как на успех в борьбе с ними уже трудно было рассчитывать. При таких обстоятельствах австрийским генералам следовало бы отважиться даже на ночное предприятие.

Однако все совершалось по-иному, не так, как следовало ожидать. Как уже выше было сказано, Вурмзер отложил свою атаку до следующего утра. Ожеро потратил время на бесполезные приготовления и не поспел к тому моменту, когда решался бой. А с другой стороны, Бонапарт, про которого австрийцы думали, что он еще сражается под Риволи или, в крайнем случае, находится на пути оттуда, уже построился в полной готовности к бою рано утром 16-го под Фаворитой. В ночь с 15 на 16 января он прибыл со своими войсками, а так как численность их можно было определить в 8 000 чел., то австрийцам предстояло иметь дело с равными силами.

Французы построились главным образом у Монтады, Фавориты и Сант Антонио, расположенного по дороге на Верону. Таким образом, они стояли между цитаделью и Проверой.

В 6 час. утра Вурмзер предпринял свою вылазку и повел атаку на Фавориту и Сант Антонио. Ему удалось действительно овладеть этим постом, но вскоре он был вынужден снова его покинуть, после того как Бонапарт прислал туда подкрепления из нескольких батальонов.

Относительно боя самого Проверы источники умалчивают. Надо полагать, что этот генерал двинулся одновременно против Фавориты и Монтады, но был остановлен войсками Виктора и Массены на таком значительном расстоянии, что не мог оказать влияния на бой, который вел Вурмзер.

После нескольких часов боя австрийские генералы убедились в том, что пробиться им не удастся. Вурмзер либо вернулся в крепость, либо во всяком случае держался уже совершенно пассивно.

Мало-помалу войска Ожеро стали приближаться по дорогам из Ронко и Леньяго. Благодаря этому численное превосходство французов над Проверой, оставшимся в одиночестве, возросло по меньшей мере до трех- или четырехкратных размеров; путь к Эчу был прегражден для Проверы, и при многочисленности рек, которые ему пришлось бы перейти, надежда на то, что ему удастся там пробиться, была весьма ничтожна. Существовала ли еще какая-либо возможность отступить на Говерноло, — в точности нельзя установить, так как позиция Ожеро определенно в источниках не обозначена, и нам не известно, успел ли он

уже продвинуться по дороге из Леньяго до Страделлы и установить связь с гарнизоном Сан Джорджио. Правда, если бы даже оставалось открытым узкое пространство, то отступление среди бела дня на глазах у неприятеля, обладающего таким огромным превосходством сил, было невыполнимой задачей. Генерал Провера это понял и уже в 10 час. утра со всем своим корпусом в 4 700 чел. положил оружие.

Весьма любопытно, что в письме к Бонапарту от 29 января 1797 г. бригадный генерал Миолис, командовавший французскими войсками в Сан Джорджио, выражает свои притязания на честь этой победы; в доказательство этого он ссылается на то, что генерал Провера обратился к нему к первому и набросал карандашом на записке условия сдачи, в которые он, Миолис, внес некоторые поправки и, таким образом, проредактировал пункты капитуляции. Из самой претензии, высказываемой Миолисом, видно, что в армии на это смотрели иначе, но все же примечательно то, что Провера обратился именно к этому генералу, который, по словам Жомини, располагал лишь гарнизоном, занимавшим Сан Джорджио, в 1 200 чел. и, следовательно, мог произвести только слабую вылазку против Проверы.

Доклад генерала Миолиса производит весьма наивное впечатление: он дает понять, будто он один окружил Проверу и заставил его капитулировать.

65. Результаты пятого акта кампании

Итак, Бонапарт отразил четвертую попытку снять осаду с Мантуи, или, вернее говоря, вторую — освободить Вурмзера. Он достиг неслыханных дотоле результатов: в течение 3 дней из армии 42 000 чел. взял в плен 20 000 чел. и вывел из строя, вероятно, от 5 000 до 6 000 чел. Этот успех, достигнутый с не слишком большой армией и при сравнительно малых потерях, в несколько тысяч человек, принадлежит к числу наиболее блестящих побед, о которых повествует история войн, и можно сказать, что здесь Бонапарт превзошел самого себя.

Именно этот огромный успех в отношении уничтожения боевых сил противника послужил гарантией французскому полководцу, что в ближайшем будущем не последует новой наступательной попытки австрийцев, и обнадеживал его, что теперь уже недолго придется ожидать сдачи Мантуи. Сколько времени эта крепость будет в состоянии продержаться, — определить с точностью нескольких дней было невозможно, однако можно было до известной степени предвидеть, что ее сдача последует в первой половине февраля. А потому ясно было, что до тех пор следовало отложить стратегическое наступление против немецких границ Австрии. Ибо, конечно, с какими-нибудь 20 000 чел., которыми мог бы располагать для этого французский полководец, начинать такое наступление было бы невозможно.

И это тем более, что было необходимо поставить отношения с Ватиканом на твердую почву. Сокрушающий удар, нанесенный австрийской армии, являлся для этого прекрасной подготовкой, а время, в течение которого приходилось ожидать падения Мантуи, могло как раз быть употреблено на это дело.

Наконец, ожидалось прибытие двух дивизий с Рейна в качестве подкрепления Итальянской армии, и ясно, что до их прибытия приходилось отложить какие-либо наступательные действия против Австрии.

Но если блестящие победы французов дали скорее отрицательные, чем положительные результаты, то нельзя думать, что они не оказали влияния на результаты кампании 1797 г., начавшейся на итальянском фронте в марте. Австрийцы не могли так скоро возместить понесенные ими потери, а моральное впечатление долго не изглаживалось и после первых эпизодов кампании 1797 г. — до самых мирных переговоров в Леобене и Кампо Формио.

Бонапарт временно ограничился тем, что настолько продвинул свои три дивизии вперед, чтобы господствовать над всем течением Бренты.

Альвинци отступил к Триенту, где предполагал собрать свои войска и перевести их через долину Бренты к Пиаве.

Генерал Лаудон с 8 000 чел., большей частью местных ополченцев, занимал для прикрытия Тироля позицию у Ровередо, а генерал Баялич, получив подкрепление от главной армии, стоял у Бассано. Однако ни тот, ни другой не могли удержать эти позиции за собой.

24 февраля Жубер двинулся против Лаудона, принудил его покинуть свою позицию, преследовал его до Лависа и 26 февраля заставил его отказаться и от этого пункта, благодаря чему вход в долину Бренты оказался в руках французов.

Массена двинулся на Бассано, откуда он прогнал 24 января австрийцев, после чего Баялич отошел на Корнельяно.

Затем французские войска приступили к очистке Бренты от мелких отрядов австрийцев, и благодаря этому дивизии Массены и Жубера установили между собой связь.

Ожеро прошел через Падую на Тревизо, которое и занял своим авангардом.

Ввиду всех этих обстоятельств Альвинци оказался вынужденным отвести войска, предназначенные для прикрытия Каринтии, через долину Дравы на Виллах, откуда они продвинулись к Тальяменто.

66. Разбор военных действий

По поводу сражения под Риволи, принадлежащего как в отношении своеобразного его характера, так и в отношении его результатов к числу самых замечательных сражений, какие встречаются в анналах истории войн, мы должны сделать нижеследующие замечания.

1. Позиция у Риволи принадлежит к числу тех редких горных позиций, где обороняющийся одновременно пользуется как всеми теми преимуществами, какие ему дают сильные, частью совершенно неприступные препятствия местности, так и возможностью применить все роды войск и сосредоточить все свои силы. Эта позиция представляет высокое плоскогорье с крутыми скатами, по которым противник с трудом может взбираться, в то время как обороняющийся может свободно передвигать на его поверхности все роды войск, а ведь это представляет самый сильный вид позиций, какой себе только можно вообразить. Правда, Монте Бальдо и Монте Маньоне, окружающие Риволийскую позицию и являющиеся главными препятствиями на подступах к ней, гораздо выше ее, и не они, собственно говоря, составляют ее скаты. Но особенного значения это обстоятельство не имеет, ибо они слишком удалены от нее, чтобы над нею господствовать, и настолько неприступны, что атакующий может продвигаться по ним лишь пехотой; по крайней мере так было в январе. А какое решительное преимущество заключается в том, когда противник может пользоваться в бою одним лишь этим родом войск и лишен сильнейшего, в отношении принципа истребления, оружия—артиллерии! Весь гребень этой позиции со стороны Эча неприступен для атакующего, потому что единственный проход — Остерию — обороняющемуся нетрудно удержать за собой. При этих условиях не так уж важно, что полукружия возвышенностей, составляющие самую позицию, не отличаются особой силой и не составляют значительного препятствия для атаки.

Перейдем теперь к стратегической силе этой позиции. Долина Эча на всем пространстве от Бассано до озера Гарда составляет единственный путь через предгорье Альп, по которому можно пройти с артиллерией и сколько-нибудь значительными колоннами войск. Позиция под Риволи расположена у названной долины, и хотя она не высока, тем не менее, она ее запирает, так как дорога правого берега Эча взбирается к ней через Остерию, а левобережная дорога сперва преграждена Кьюзой, и затем, при ее выходе на равнину, — Вероной. Более того, Риволийская позиция находится между Эчем и озером Гарда, а самая река Эч составляет сильную оборонительную линию; поэтому задача Риволийской позиции сводится главным образом к тому, чтобы прикрывать пространство между Эчем и озером Гарда, длиной не превышающее 2 миль. Благодаря этому для обороняющегося нет решительно никакого повода разъединять свои силы, и, оставив в Кьюзе несколько сот человек, он остальные войска может сосредоточить на самой позиции и держать у себя на глазах. Наконец, эта позиция не обладает теми неудобствами, какие присущи большинству горных позиций, заключающимися в том, что занимающие их, окруженные лесами и горами, не могут разглядеть расположения и передвижений противника. Здесь наступающий хотя и приближается под прикрытием, но только до долины Каприно. А так как ширина этой долины достигает 3 000 шагов, то наступление противника обнаруживается достаточно за-

благовременно для того, чтобы обороняющийся имел возможность принять надлежащие предупредительные меры.

Атака подобной позиции допустима лишь при значительном превосходстве сил атакующего, ибо при этих условиях в конце концов можно преодолеть все препятствия. Так, втрое сильнейший противник, и притом в то время года, когда горы наиболее доступны, вытеснил из Риволийской позиции Массену и Вобуа.

Итак, если решено было повести главные силы австрийцев против этой позиции, если ее захват должен был составить главный удар, который предполагалось нанести французам, то сделать это можно было лишь при условии боя с одним лишь Жубером. Так как Бонапарт находился в Болонье, за 20 миль от поля сражения, а высланные на равнину колонны могли ввести его на некоторое время в заблуждение, то надежда на то, что удастся нанести Жуберу решительный удар раньше, чем Бонапарт успеет притти к нему на помощь, не была лишена некоторого основания, но ясно, что существенным условием успеха этого предприятия была известная скорость его выполнения. Если бы генерал Альвинци нанес сокрушительный удар Жуберу 12 января или хотя бы 13-го и отогнал его до Кастельнуово раньше, чем Бонапарт мог подоспеть на помощь, то этим уже многое было бы достигнуто.

Альвинци хотел не только разбить Жубера, но и взять в плен большую часть его дивизии. Порицать его за это не приходится, ибо, как значительно сильнейший, он был в праве на это рассчитывать. Однако ему не следовало выдвигать, как первую задачу, это взятие в плен, и необходимо было организовать все дело так, чтобы при этом не было особой потери времени, потому что гораздо важнее была быстрота выполнения всего предприятия.

Между тем, Альвинци, вследствие организации своего наступления, недостатка решительности и поспешности распоряжений, потерял два дня; в этом и заключается промах данного им сражения.

2. Ничем не мотивирована чрезмерная сила колонн, оставленных им в долине Эча. Задача этих колонн заключалась, видимо, в том, чтобы атаковать Кьюзу, и так как это, в сущности, было невыполнимо, то эта задача сводилась к производству демонстрации и к прикрытию оставленных в долине артиллерии и кавалерии. Для этого вполне достаточно было оставить 4 000—5 000 чел. Между тем, Альвинци держал в долине Эча 12-го и 13-го 14 000 чел., а 14-го — 10 000. Если бы в первые два дня он двинул против Жубера не 14 000 чел., а 24 000, он бы, вероятно, не только прогнал его с позиции уже в эти два дня, но и окончательно разгромил.

3. Если Альвинци заставил свою колонну пройти чрезвычайно далеким кружным путем, позади Короны, для обхода этой позиции, то для этого можно найти достаточное основание в условиях местности, о чем

мы, впрочем, не можем с уверенностью судить по имеющимся у нас картам, однако охватывающее построение, намеченное диспозицией на 13-е и 14-е, было уже совершенно излишним осложнением, которое и сгубило его. Прибыв 13-го в долину Каприно, к селению того же названия, и к Сан Мартин и полагая, что обладает достаточным превосходством сил для того, чтобы разгромить противника охватывающей атакой, он всегда успел бы это сделать, так как охват вытекал из превосходства сил, а не из неожиданности заранее подготовленного обходного движения. На такую неожиданность он никак не мог рассчитывать, так как характер местности этого не допускал. Между тем, он имел полную возможность выделить на глазах у противника известную часть войск и двинуть ее вправо, что заставило бы Жубера сильно растянуть свой фронт, а это представляло для последнего значительную опасность. Но раз вместо Жубера перед ним оказался Бонапарт, а вместо 10 000 оказалось 20 000 чел., то давно было пора отказаться от своего плана охвата противника. Это охватывающее построение — курьезная специальность австрийцев; она всецело является порождением их генерального штаба. Они всегда стремятся пожать раньше, чем посеяли, или, вернее сказать, они плохо различают эти понятия.

4. Атака, предпринятая Альвинци 15 января, была жестом утопающего. Для того чтобы дать время Лузиньяну пройти свой длинный кружный путь, ему ничего другого не оставалось, как возможно дольше продержаться у Каприно и Сан Мартин, после того как он уже в предшествующую ночь подтянул 4 000—5 000 чел. из колонны Квазданович на высоты Короны, с тем чтобы занять там теснины и этим обеспечить себе отступление.

Что же касается обороняющегося, то его образ действия выше всякой похвалы; мы хотим лишь отметить одно: по отношению к нему это сражение принадлежит к числу тех, в которых наступательный отпор соединен с превосходной позицией. Тем, кто в этом сражении видит одно лишь наступательное сражение и приписывает достигнутый успех решительности французского полководца, мы напомним, что успех у Остерии, сила поста у Сан Марко, небезразличные преимущества высот Тромбалоре, облегчившие отпор, оказанный генералом Массеной превосходным силам противника, медленное продвижение Лузиньяна через преграждавшие ему путь высоты, невозможность для австрийцев в течение всего сражения пользоваться своей артиллерией и кавалерией, наконец, великая опасность, сопровождавшая их отступление, — все это относится к явлениям и факторам оборонительного характера, которые одни сделали возможными атаки Бонапарта на неприятельский фронт в той форме и с теми результатами, какие они имели.

Другое наше замечание касается резервного корпуса генерала Рея, подошедшего из Дезенцано. Вообще мы держимся того взгляда, что в современных оборонительных боях превосходное действие оказывают

такие резервы, которые были размещены далеко позади и потому лишь поздно привлекались к участию в бою, так что они напоминают скорее корпуса, подошедшие к концу боя; то же самое мы можем сказать и об этих последних. Чем дальше размещены резервы, тем труднее обходным колоннам их охватить вместе с основными силами обороняющегося, а ведь редко можно встретить такое сражение, в котором наступающий вовсе не применял бы обхода неприятельского фронта; между тем, простым продвижением резерва обходные колонны наступающего сами оказываются обойденными. Далее, в современных сражениях мы редко наблюдаем кризисы в собственном смысле этого слова, и когда такие кризисы бывают, то наступают они обыкновенно лишь тогда, когда обе стороны истощат в борьбе свои силы. Вывод из этого тот, что до тех пор, пока вы еще не покинули поля сражения, вы можете всегда использовать резерв для восстановления боя.

Обе функции резерва, о которых мы только что говорили, выявились в действии резерва, который привел генерал Рей: он зашел в тыл полковнику Лузиньяну, обошедшему Бонапарта, и прибыл, повидимому, как раз в то мгновение, когда решалась участь Лузиньяна, т. е. после полудня, следовательно, через 6 или 8 часов после начала боя. Нечто подобное, как мы видели, представлял подход правофланговой колонны австрийцев во время боя под Кальдьеро.

Относительно стратегического плана этого четвертого наступления нам мало что остается добавить, так как наши взгляды на третье наступление, изложенные нами подробно в § 60, отчасти содержат критику и этого плана. Согласно этим взглядам, мы и в данном случае предпочли бы вторжение на равнину объединенными силами.

Порядок действий этих разъединенных колонн, повидимому, до известной степени приближается к рекомендуемому нами порядку, так как одна из главных колонн, продвигавшаяся от Падуи на Леньяго, видимо, получила распоряжение пробиваться во что бы то ни стало к Мантуе, не обращая никакого внимания на то, что происходит в долине Эча. И в самом деле, прорыв к Мантуе действительно удался этой колонне. Если же при этом она не только не достигла своей цели, но была вынуждена капитулировать, то это было обусловлено частью чрезвычайно вялыми действиями Вурмзера, частью значительной потерей времени и, наконец, тем, что она была слишком малочисленна, причем Провера еще более ослабил себя совершенно бесполезным выделением отряда для охраны моста у Ангиари. Что касается последнего, то в случае общей победы над Бонапартом мост под Ангиари потерял бы всякое значение, а в случае, если бы австрийцы пробились к Мантуе с таким трудом, как Провера, то об отходе через этот мост не могло быть и речи.

Основная же ошибка в организации этого разъединенного наступления заключалась в том, что главные силы были двинуты по долине Эча. Ведь трудно представить себе что-либо более противоестественное, чем про-

движение по такой местности, где нельзя пользоваться ни кавалерией, ни артиллерией, да и вообще плохой расчет — избрать для нанесения решительного удара такое направление, где местность, благодаря своей неприступности, является союзником вашего противника.

Если бы главные силы австрийцев устремились через Леньяго, они либо прорвались бы до Мантуи и в таком случае освободили бы Вурмзера, либо были бы разбиты главными силами французов. В этом случае тирольская колонна, если бы ей удалось проникнуть до Мантуи, подвергалась бы опасности лишиться пути отступления, как мы на то указывали в § 60. Но главные силы, даже после проигранного сражения, не были бы лишены возможности облегчить и обеспечить такое отступление, во всяком случае в гораздо большей степени, чем то мог сделать Альвинци из-под Риволи в отношении отхода Проверы.

Наконец, нельзя не усматривать новой крупной ошибки в разделении армии на три колонны. Колонна генерала Баялича не могла преследовать никаких иных целей, кроме демонстрации, а израсходовать 5 000 чел. на то, чтобы связать 2 500 чел., — плохая экономия сил.

Впрочем, не следует переоценивать значение отдельных фактов. Затронутые нами стратегические комбинации того или другого рода имеют известную ценность, но далеко не одни они определяют результат дела. Выполнение составляет фактор, от которого, пожалуй, зависит больше половины достижений, и, несомненно, 20 000 пленных, захваченных за три дня, представляют в гораздо большей мере результат исполнения, чем плана.

ГЛАВА VII

ПАДЕНИЕ МАНТУИ

67. Конец кампании. Папа вынужден заключить в Толентино мир

Вскоре после сражения под Фаворитой Бонапарт двинул генералов Виктора и Ланна с 5 000 чел. против Папской области.

Виктор прибыл в Иммолу уже 2 февраля. В этот самый день, т. е. через 14 дней после сражения под Фаворитой, Вурмзер капитулировал в Мантуе.

В знак уважения к нему Бонапарт предоставил ему лично право свободного прохода с 500 чел. при 6 орудиях, весь же остальной гарнизон должен был положить оружие. Численность его определяли в 15 000 чел.; кроме того, в госпиталях оставалось еще 6 000 больных.

Таким образом, из 28 000 чел., находившихся в Мантуе после вторичного прибытия туда Вурмзера, 7 000 чел. умерли или погибли в бою.

Оборона крепости в общем длилась 8 месяцев, а оборона ее данным гарнизоном — несколько более 6 месяцев.

Теперь уже Бонапарт мог всецело посвятить себя римским делам.

Хотя на это предприятие он предназначил всего лишь несколько тысяч человек, тем не менее он предполагал, что в случае нужды ему придется самому продвинуться до Рима. В письме к Директории от 1 февраля он даже говорит о том, чтобы не только присоединить Романью и Феррару к Циспаданской республике, но и о том, чтобы *отдать Испании всю Папскую область в обмен на Парму, дабы предложить ее Австрии для облегчения мирных переговоров*. Судя по ответу Директории от 12 февраля на это предложение, она, как будто, до известной степени была с ним согласна.

Итак, приступая к своему походу на Рим, Бонапарт, повидимому, замышлял крупный политический переворот.

Силы, предназначенные Бонапартом для этого предприятия, состояли из 5 000 чел. Виктора и Ланна, одной летучей колонны под командой

Мармона, не превышавшей 1 000 чел., направленной на Сиенну и, видимо, не входившей в состав Итальянской армии, и, может быть, из нескольких тысяч только что сформированных войск Циспаданской республики,—всего, значит, 8 000—9 000 чел. Это показывает то пренебрежение, с каким Бонапарт относился не только к папским войскам, но и к римлянам вообще. По этому поводу Директория выражает некоторое беспокойство. Если бы даже этих ничтожных сил под впечатлением новых побед, которые предполагалось одержать над Австрией, и было достаточно для поддержки этого переворота, то обойтись без 6 000 чел., которые выделялись для этой цели из армии, было бы крайне неудобно во время намечавшегося похода против сердца Австрийской монархии. Наконец, такой полный переворот в Италии, несомненно, затруднял и отдалял заключение мира с Австрией. Поэтому весь этот план грандиозного переворота нам представляется не очень-то зрело обдуманным. Мы тем смелее можем это утверждать, что сам Бонапарт, видимо, без всякого внешнего повода внезапно отказался от этой мысли, так как между его письмом к Директории и заключением Толентинского мирного договора прошло лишь каких-нибудь 14 дней.

В последних числах января Бонапарт выехал в Болонью.

В первых числах февраля Ланн наткнулся на отряд в 3 000—4 000 чел. папских войск, построившихся за р. Сеннио. Они сразу были опрокинуты, причем французы захватили 14 орудий; после этого они двинулись на Фаэнцу. 9 февраля Виктор наносит поражение отряду в 1 200 чел., стоявшему под Анконой, вследствие чего Анкона сдается. 12-го он вступает в Марчерату и через Камерино направляется на Фолиньо, где он должен встретиться с маленькой колонной, шедшей из Сиенны.

Однако уже 12-го Пий VI пишет Бонапарту письмо, в котором просит его о мире, и уже 8 дней спустя мир был подписан в Толентино. По условиям этого мирного договора, папа уступает Авиньон, Венессин, Болонью, Феррару и Романью, предоставляет французам право занимать Анкону до заключения всеобщего мира, выплачивает еще 15 миллионов франков контрибуции сверх обусловленных по перемирию и, наконец, передает известное число произведений искусства.

Фактически этим и заканчивается кампания 1796 г. Ясно было видно, что в результате ее французы не только приобрели обеспеченное обладание Италией, но у них, кроме того, остался известный перевес моральных сил, благодаря которому они могли еще нечто предпринять, разрешить какую-либо новую задачу, если она была не слишком трудна. Впрочем, этот перевес утратился бы за время сколько-нибудь длительного мирного положения.

В самом деле, та часть кампании, которую Итальянская армия проделала в 1797 г. до Леобенского предварительного мирного соглашения, является продуктом этой избыточной силы. Поэтому, если каждая последующая кампания находится в причинной связи с предшествующей, то

в отношении кампании 1797 г. дело обстоит еще несколько иначе. Если бы все три французские армии выступили одновременно, если бы та или другая из них дала австрийцам большое сражение и тем самым добилась нового решительного исхода, в таком случае кампания 1797 г. была бы самостоятельной кампанией, в которой непосредственные влияния предшествующей затерялись бы.

Однако дело обстояло по-иному: Итальянская армия на 6 недель опережает две другие, потому что она спешит использовать свои права победительницы. Несомненно, ее моральный подъем и размах побудили ее выйти из намеченной колеи и дали ей возможность это сделать.

А так как одним этим единственным ударом цель была достигнута, а большим массам даже не пришлось притти в столкновение и добиться нового решительного исхода, то и надлежит смотреть на эту кампанию 1797 г., как на часть предшествующей кампании, как на заключительный шестой ее акт.

Неправильно поймет нас тот читатель, который подумает, что мы затратили так много слов лишь для того, чтобы оправдать наше понимание кампании 1797 г. только как придатка к кампании 1796 г.; неправ будет и тот читатель, который полагал бы, что мы придаем чрезмерное педантическое значение различию между тем, что может быть названо новой кампанией, и тем, что является продолжением старой, — в военной истории трудно было бы провести такое право определения. Но суть в том, что мы усматриваем характерную черту кампании 1797 г. именно в том, что она является как бы продолжением, до известной степени непроизвольным, раньше существовавшего движения, которое останавливается только трением и сопротивлением окружающей среды. Только с этой точки зрения кампания 1797 г. станет совершенно понятной, как мы подробнее укажем в нашем разборе этой кампании.

Прежде чем перейти к этой новой главе нашего повествования, мы хотели бы бросить критический взгляд на кампанию 1796 г. в целом.

68. Разбор кампании 1796 г. в целом

Наступательные действия французов довели их до альпийских границ Австрийского государства. При отпадении Сардинии от Австрии, при энергии Бонапарта и при моральном превосходстве французского войска над австрийским это представляло явление вполне естественное и не требующее каких-либо дальнейших объяснений.

На пути к австрийским границам победоносный полководец встречает обширную, снабженную сильным гарнизоном крепость Мантую, перед которой он останавливается. Эта крепость и природа альпийской границы не дозволяют ему присоединиться к вторгшимся в Германию двум французским армиям. Четыре крупные коллективные победы, последовательно одна за другой одержанные Бонапартом, приносят ему лишь отри-

цательные результаты, между тем как одна единственная победа, которую одержал бы над ним противник, сразу лишила бы его обладания всей Ломбардией и, весьма вероятно, отбросила бы его к Приморским Альпам. Происходит ли эта кажущаяся магия обстоятельств из особо действенных стратегических величин? Вызваны ли такие последствия известными линиями и углами или влиянием отдельных пунктов и силой известных позиций?

Мы задали эти вопросы потому, что стратегия, с тех пор как она захотела стать наукой, так неохотно довольствуется тем, чтобы искать причины поразительных достижений в простейших, бросающихся прямо в глаза обстоятельствах, но испытывает потребность открывать особую тайную силу в незаметных, ничтожных предметах, ускользающих от взора непосвященного [1]. Общий результат кампании не может зависеть от одного случайного совпадения отдельных причин, обусловивших отдельные последствия, из которых этот результат слагается. Только общий взгляд на эти отдельные причины откроет одну или несколько более общих и глубоких причин, около которых группируются отдельные причины. По мере того как мы выясним себе эти общие причины, мы убедимся, что достаточно внимательно вглядеться в наиболее крупные обстоятельства, чтобы все разъяснилось весьма просто.

То, что Бонапарт не мог перейти через Альпы до тех пор, пока Мантуя не будет взята, обусловлено было его слабостью. Для того чтобы блокировать 12 000 чел., требуется по меньшей мере 20 000. Если же он действительно блокировал их 10 000 чел., то это оказалось возможным лишь благодаря тому, что остальные его войска оставались поблизости. Будь армия Бонапарта на 20 000 чел. сильнее, ничто, а следовательно, и ни одно из прочих обстоятельств, входящих в задание, не могло бы его удержать от перехода через Альпы, и притом, по всей вероятности, через Норийские Альпы, по дороге, ведущей прямо на Вену. Так как Рейнская армия к тому времени уже прошла мимо Тироля, то, по всей вероятности, австрийцы уже оттянули большую часть своих войск, частью для того, чтобы помочь своей столице, частью для того, чтобы не утратить их окончательно.

Следовательно, Мантуя, Альпы, выдвинутое вперед положение Тироля — вот тот груз, который тяготел над операциями французов, а отнюдь не какой-то волшебный стратегический кризис; и было бы крайне смешно на основании этого примера сделать раз навсегда общий вывод: пока французы не овладеют Мантуей, они не могут вторгнуться в Германию, или пока они не овладеют Тирольскими Альпами, они не могут перейти через Норийские.

---

[1] Это ироническое замечание о стратегии как науке относится к сочинениям, появившимся во времена Клаузевица, как то: Бюлова, эрцгерцога Карла и др. — Прим. ред.

Обратимся теперь к кажущемуся несоответствию между стратегическими достижениями той и другой стороны.

До тех пор, пока Мантуя не была взята, наступление Бонапарта интенсивно, но медленно прогрессировало. Напряжение, состояние кризиса, сопровождающие всякое незаконченное предприятие, ни на мгновение не прекращались в течение всего этого времени. Все одерживаемые им победы продвигали его дело вперед лишь постольку, поскольку их моральный вес мог оказать влияние на скорейшее падение Мантуи, что легко могло произойти и, вероятно, произошло бы, если бы Вурмзер сперва не сменил в ней гарнизона, а затем сам бы в ней не укрылся.

Между тем, моральный вес побед был единственным их результатом. Бонапарт не мог преследовать разбитого противника и, таким образом, давал ему время оправиться; он лишался всех непосредственных плодов своей победы, а общий результат понесенных австрийцами потерь сказался лишь впоследствии, когда Бонапарт получил возможность двинуться вперед. Таким образом, Бонапарт проявил бы более высокое искусство, если бы ему удалось взять Мантую, обойдясь без всех этих побед. Напротив, проигранное Бонапартом сражение имело бы гораздо большие последствия; в этом сходны все те случаи, когда приходится отказаться от незавершенного предприятия. Здесь последствия оказались бы особенно сильными потому, что в Италии было много элементов, напряженно ожидавших решительного исхода военных операций. Это-то главным образом и принудило бы французскую армию отступить до Приморских Альп.

Хотя такое состояние неравенства в отношении результатов побед и вытекает естественным образом из всех обстоятельств, все же оно невыгодно для одной из сторон. Мы в праве сказать, что если оно не было неизбежно, то надо предположить ошибку в крупных стратегических распоряжениях, которая привела к тому, что в этом состоянии пребывали в течение шести месяцев, что четыре раза пришлось кидать жребий решительного сражения, причем всякий раз ставился на карту исход всей кампании.

Однако ни для французского правительства, ни для его полководца такое положение вовсе не было неизбежно.

Правительство легко могло избавить Бонапарта от этого длительного карантина в Италии, если бы оно сразу после первой же его победы послало ему подкрепления в 20 000—30 000 чел. Никто не станет утверждать, что это было невозможно, так как внутри страны было множество войск, а на берегу океана стояла целая армия. Уже отказ от экспедиции в Ирландию дал бы возможность это сделать. Но тогда Директория еще не оценила в должной мере значение, какое имело вторжение через Альпы в Австрию, и еще не успела научиться так, как тому впоследствии научился Бонапарт, сводить разрешение всякого вопроса к одному пункту, найти центр тяжести всего сопротивления, чтобы на него напра-

вить всю силу удара. Победа над Австрией скорее всего привела бы к победе над оппозиционными партиями внутри страны. Бонапарт неоднократно указывал на это Директории.

Однако был еще другой путь к сокращению затянувшегося кризиса в Италии, зависевший от образа действий французского полководца.

Полководец времен Людовика XIV, осаждая Мантую, окружил бы себя циркумвалационной линией. В новейшие времена такого рода линии окончательно высмеяны и забракованы; современные полководцы теперь неизменно предпочитают пойти навстречу приближающемуся на выручку неприятелю и сойтись с ним в открытом поле, хотя бы с вдвое слабейшей армией. Мы далеки от того, чтобы оспаривать целесообразность этой меры, но лишь при одном условии, чтобы она могла достигнуть цели. В данном же случае такой возможности не было, потому что подходившие на выручку армии австрийцев могли продвигаться по обеим сторонам озера Гарда, следовательно, по обоим берегам Минчио, а потому Бонапарту пришлось бы выставить две обсервационные армии, что, конечно, было невозможно. Поэтому не оставалось ничего другого, как либо о т к а з а т ь с я о т о с а д ы, ч т о Б о н а п а р т и с д е л а л, либо сражаться за циркумвалационной линией.

Предполагать, что трудно ожидать успешной обороны в таких линиях, может лишь тот, кто основывает свое мнение на модном предрассудке и на поверхностном взгляде на вещи, а не на данных истории войн. Из бесчисленного множества осад времен Людовика XIV, прикрывавшихся циркумвалационными линиями, нам известны только три случая, когда эти линии были взяты пришедшими на выручку войсками, а именно: под Аррасом в 1654 г. (Тюренн против Конде), под Валансьеном в 1656 г. (Конде против Тюренна) и под Дененом в 1712 г. (Виллар против принца Евгения Савойского). Но насколько малы были силы, занимавшие эти линии, можно судить по тому, что под Аррасом и Валансьеном численность пехоты, которой располагал обороняющийся, не превышала 12 000 чел., в то время как длина линии под Аррасом равнялась $3\frac{1}{2}$, а под Валансьеном — 2 милям. Из этого можно заключить, в сколь многих случаях такие линии считались н е п р и с т у п н ы м и такими предприимчивыми полководцами, как Тюренн, Конде, Вандом, Виллар и Евгений Савойский.

Если бы Бонапарт захотел применить это средство к Мантуе, то ему пришлось бы укрепить пространство всего лишь в $1\frac{1}{2}$ немецкие мили, и взять эту линию 40 000 чел. лучшей пехоты.

Фридриху II в Бунцельвице приходилось защищать линию в 2 мили с 50 000 пехоты. Неприятельские силы, которые могли атаковать Бонапарта в его линиях, достигали 45 000 чел., в то время как на Фридриха II наступало 160 000 чел. Нам представляется крайне сомнительным, чтобы Вурмзер или Альвинци, или кто бы там ни командовал австрийцами, решились штурмовать линии французов.

Однако могут указать на то, что австрийцы, овладев равниной, могли бы отрезать доставку продовольствия французам. Но ведь дело шло лишь о нескольких неделях. Ведь генерал Шаслу заявил Бонапарту, что он берется взять крепость в 14 дней. Между тем, можно было ожидать, что бо́льшая часть этого времени уже успеет пройти, раньше чем подойдет армия, шедшая на освобождение Мантуи; да и из собственного доклада Бонапарта усматривается, что недоставало лишь нескольких дней до того, как крепость могла пасть. Таким образом, стоило Бонапарту запастись в своем лагере продовольствием на 4 недели (а это он, несомненно, без труда мог сделать), и тогда австрийские рейды по окрестной стране были бы уже не страшны для него.

Таким образом, для Бонапарта отнюдь не было необходимости делать то, к чему его принуждал принятый им образ действий: *самому вызывать противника на решительное сражение*, которое в противном случае, вероятно, и не произошло бы.

Между тем, Бонапарту не хотелось брать на себя трудную задачу одновременно вести осаду и прикрывать ее; ему казалось несравненно более легким просто разбить австрийцев без этого излишнего осложнения.

Мы не намерены углубляться в вопрос, достаточно ли он вдумался в последствия своего решения и не была ли в этом решении доля юношеского легкомыслия.

Весь мир осыпал Бонапарта похвалами за его образ действий, но никто не задумался над тем, что именно этот образ действий имел своим последствием то, что взятие Мантуи было отсрочено на 5 месяцев, а участие во вторжении в Германию было совершенно упущено. Если вдуматься в это различие, то при всем пристрастии к блестящим победам нельзя будет не признать, что, пожалуй, действия Тюренна, Конде и принца Евгения в этом случае были бы удачнее. Во всяком случае мы видим, что Бонапарт приобрел возможность одержать ряд блестящих побед *ценой отказа от осады Мантуи и потерей времени*. Следовательно, если всмотреться внимательно, в данном случае не было *неслыханного давления чрезвычайных обстоятельств*, с которым пришлось бороться его блестящему таланту, а был простой выбор между двумя возможными путями, из которых Бонапарт избрал не самый короткий. Если мы должны поставить ему в заслугу этот ряд блестящих побед, то все же при определении стратегической их ценности мы обязаны учесть и те жертвы, которые дали возможность их одержать.

Наконец, мы должны сделать еще одно весьма важное для нас замечание относительно австрийцев. Они сделали одну за другой четыре последовательные попытки освободить осажденную крепость Мантую: первую попытку они сделали в начале августа, и она длилась до середины августа; вторую — в начале сентября, и она длилась до середины

сентября; третью — в начале ноября, и она длилась до середины ноября; четвертую — в середине января.

Силы их армии были всякий раз почти одинаковые — в 45 000 чел.

Во время первых трех попыток общие потери их составляли около 20 000 чел. Вурмзер укрылся в Мантуе с 16 000. Следовательно, чтобы довести армию при 4-й попытке до состава как при 1-й, надо было постепенно набирать 36 000 чел. Возникает вопрос, каков был бы результат, если бы австрийцы могли обождать со своей первой попыткой освободить Мантую до тех пор, пока они оказались бы в состоянии сразу выставить и эти 36 000 чел., и, следовательно, повести наступление с 80 000. Нет сомнения, что такого превосходства им было бы достаточно для того, чтобы отвоевать у французов Ломбардию.

Первая попытка была настоятельно необходима: в то время Мантуя была осаждена, и каждый день ожидалось ее падение; таким образом, австрийцам не оставалось иного выхода, как попытаться освободить Мантую теми силами, какие у них имелись налицо; но вторую и третью попытки они без ущерба могли отложить, поскольку благодаря этому можно было появиться на театре войны с лишними 20 000 чел.

Правда, можно возразить, что в начале сентября (время второй попытки) еще нельзя было с уверенностью сказать, удержится ли Мантуя до января — времени четвертой попытки. Но, во-первых, опасения, что Мантуя может пасть раньше, ничем не мотивированы, а во-вторых, несомненно, что те подкрепления, для сбора которых принимались меры в ноябре для третьей попытки, могли быть собраны и тремя месяцами раньше, если бы решение к тому было тоже принято тремя месяцами раньше. Словом, раз Австрийская монархия имела возможность с середины августа (времени окончания первой попытки, обошедшейся им приблизительно в 10 000 че.) до середины января послать подкрепления к своей Итальянской армии в размере до 26 000 чел., то она была в состоянии это сделать и до середины октября, лишь бы австрийское правительство своевременно прониклось убеждением в необходимости такого большого усилия.

Ошибка, допущенная в этом случае австрийским правительством, составляет нарушение одного из основных принципов стратегии: *применять все наличные силы одновременно*. Последовательное привлечение сил для настойчивых повторных ударов, столь важное в тактике, в стратегии совершенно противоречит природе вещей. Для подробного развития этой идеи потребовалось бы слишком много времени, однако достаточно непредубежденного, вдумчивого рассмотрения ее, чтобы понять ее обязательную неоспоримость. Итак, стратегия одновременно вводит в бой все наличные силы или же, если они не все требуются в данном месте, — то столько, сколько требуется для обеспечения успеха. Лишь то, что к началу действия *безусловно не могло быть со-*

б р а н о, может быть оставлено в качестве резерва или для последующего применения [1].

Между тем, едва ли кто станет утверждать, что австрийцы в достаточной мере обеспечили за собой успех своего предприятия, выступая с армией, приблизительно равной по численности армии противника. Из предшествующих событий они должны были убедиться в моральном превосходстве французов,— безразлично, где бы ни искали основание этого превосходства, — в войсках или в полководце. В тех случаях, когда не ощущаешь с в о е г о морального превосходства над противником, надо располагать численным перевесом над ним, а когда сознаешь е г о моральное превосходство над собой, необходимо иметь вдвое больше сил.

Далее, как уже было сказано выше, ничем не доказано, чтобы австрийцы не были в состоянии, с некоторым напряжением сил, выставить в 3 месяца такое же количество войск, какое они выставили в течение 5 месяцев. Так как им нечего было особенно торопиться с освобождением Мантуи, то мы в праве утверждать, что они совершили ошибку, н е в ы д в и н у в о д н о в р е м е н н о все те силы, какие требовались для обеспечения предприятия и которые они могли выдвинуть, а пустили их в дело лишь последовательно.

Нетрудно найти психологическую причину этой ошибки. Человек, когда требуется усилие, охотно делает лишь то, что представляется крайне необходимым, поэтому для больших усилий требуются и мощные побудительные причины, которые оказывали бы на человека сильное давление. Такие побудительные причины влияли на австрийское правительство всякий раз, как его полководцы терпели поражение в Италии; тогда его охватывал страх и растерянность, и оно сразу приступало к набору новых сил. Пока же еще не было нанесено поражения и обстоятельства не оказывали надлежащего давления, до тех пор не делалось и усилий. В этом смысле нам, конечно, в праве возразить, что те силы, сосредоточения которых мы требуем, не имелись одновременно налицо, так как не хватало энергии их собрать. Но разве извинительно такое настроение, когда энергия зависит от страха и перепуга; не должна ли она на войне и особенно в стратегии являться плодом спокойного и мудрого расчета?

Вот этой-то ясности взгляда как раз и недоставало. Австрийское правительство недостаточно твердо и определенно говорило себе: мы должны выступать с значительным численным превосходством сил, если мы хотим восстановить наше положение в Италии; в то же время оно недостаточно ясно сознавало, ч т о о д н о в р е м е н н о е н а п р я ж е н и е в с е х с и л г л у б о к о з а л о ж е н о в с а м о й п р и р о д е с т р а т е г и и.

---

[1] Это простое соображение Клаузевица относится к его времени, когда армии были еще сравнительно невелики. В современных условиях массовых армий, как известно, вопрос о стратегических резервах значительно осложнился. — П р и м. р е д.

ГЛАВА VIII

КАМПАНИЯ В АЛЬПАХ 1797 г.

69. Силы и расположение обеих армий

Отсутствие какого-либо австрийского описания этой кампании лишает нас возможности дать сколько-нибудь удовлетворительный обзор ее. Мы можем лишь изобразить главную нить событий этой кампании до заключения в Леобене предварительного мирного договора, но совершенно лишены возможности передать сколько-нибудь исчерпывающим образом обстоятельства, сопровождавшие главные ее моменты.

Впрочем, раз нам известно, что эрцгерцог был гораздо слабее своего противника, хотя точную цифру его сил мы и не знаем, то и этого уже достаточно для того, чтобы мы могли понять всю кампанию в целом; а то место, которое она занимает в стратегии, важнее, чем последовательный ход отдельных происшествий, так как, в сущности, они составляют лишь части отступления, протекающего под значительным давлением.

Тем не менее, чрезвычайно важно было бы, если бы австрийцы, сообщив точные данные о своих силах и занимаемых ими позициях, представили нам ясную картину событий, сопровождавших это отступление, крайне интересное, благодаря природе той грандиозной горной местности, где оно протекало.

Со времени заключения Толентинского мира до начала кампании 1797 г. прошло 4 недели, так как Бонапарт хотел дождаться прибытия двух дивизий, Дельмаса и Бернадота, посланных к нему из армий, оперировавших на Рейне и на Самбре и Маасе; обе шли походом через Мон Сенис и должны были подойти в конце февраля.

Нелегко установить точный размер того пополнения, какое эти дивизии представляли для его армии: сам Бонапарт определяет численность этих дивизий в 18 000 чел., а Директория и Келлерман, командовавший армией в Альпах,— в 30 000. Вероятнее всего, что они состояли из каких-нибудь 20 000 чел. Как бы то ни было, но теперь армия Бонапарта уже насчитывала в своих рядах 80 000 чел.

К началу марта, когда открылась кампания, состав этой армии был приблизительно следующий:

1. Главная армия под командой Бонапарта:

Дивизия Массены	11 500	44 000
» Гюйё	10 500	
» Серюрье	10 500	
» Бернадота	10 500	
Кавалерийская дивизия Дюга	1 000	

2. Корпус в Тироле под командой Жубера:

Дивизия Жубера	7 500	19 500
» Бараге д'Илье	6 500	
» Дельмаса	5 500	
Виктор на пути от Анконы к Ферраре . .	6 500	15 500
Гарнизоны в Ломбардии	9 000	
Итого . . .		79 000

Размещение этих сил к концу февраля было следующее:
Массена — у Бассано,
Серюрье — у Кастель Франко,
Гюйё (бывшая Ожеро) — у Падуи,
Жубер, Бараге д'Илье, Дельмас — в Тироле в окрестностях Триента.

Мы не имеем точных сведений о силах и расположении австрийцев. В общем нам известно лишь следующее. В Тироле командовали генералы Лаудон и Керпен. Первый стоял за р. Лавис, второй — за р. Нос; оба, по-видимому, растянули свои войска, образуя своего рода кордоны. По всей стране был объявлен сбор тирольского ополчения, каковое энергично формировалось и должно было сильно подкрепить эти два слабых корпуса. Альвинци отвел обломки своей армии к Тальяменто, где должна была собраться новая главная армия. Лузиньян со своей бригадой занимал промежуточную позицию у Фельтре, а Гогенцоллерн с авангардом стоял на нижнем течении Пиаве. С Рейна для подкрепления австрийской армии приближались походным порядком две дивизии, Меркантена и Кайма; однако ко времени открытия Бонапартом кампании они еще находились по ту сторону Альп, и эрцгерцогу удалось соединиться с ними лишь в долине Дравы во время своего отступления.

Прибыв 7 февраля в Инсбрук, эрцгерцог принял командование Итальянской армией и сговорился с графом Лербахом относительно некоторых мер, касающихся формирования тирольского ополчения.

Застав свою армию в таком состоянии, в котором она едва ли заслуживала названия армии, он снова поехал в Вену, чтобы сговориться относительно самых необходимых подкреплений, и вернулся снова в Фриуль, повидимому, незадолго до открытия кампании.

Нетрудно рассчитать, что из всего того, что тогда, т. е. за 14 дней до открытия кампании, было условлено в эту последнюю поездку в Вену, ничего не успели выполнить. Чтобы до известной степени составить себе представление о слабости эрцгерцога, достаточно вспомнить, что к январю от армии Альвинци осталось не более 20 000 чел.; подкрепления с Рейна еще не прибыли; если даже и была возможность подтянуть какие-либо подкрепления с другого места, то едва ли они могли превысить 10 000—15 000 чел. Далее, мы видим генералов Лаудона и Керпена в Тироле, Лузиньяна в Фельтре, так что на долю главной армии эрцгерцога могло оставаться не более 20 000 чел.; двумя отрядами под командой генералов Очкая и Кёблёса эрцгерцог занял оба прохода в Юлийских Альпах, образуемые реками Фелла и Изонцо и расположенные против Тарвисского перевала; Очкай стоял у Кьюза Венета и у Понтебы, а Кёблёс — у Кьюза ди Плец (севернее Флиос). Из всего этого мы можем заключить, что, по всей вероятности, собранная у Тальяменто армия эрцгерцога едва достигала 15 000—20 000 чел.

70. Операционные планы

Мы не располагаем сколько-нибудь удовлетворительными сведениями относительно операционного плана Директории, однако нам тем более необходимо было бы ознакомиться со взглядами французского правительства, что Бонапарт открыл кампанию 10 марта, Гош с армией Самбры и Мааса выступил 18 марта, а Моро переправился через Рейн лишь 21 апреля. Это составляло разницу около 6 недель; между тем, Бонапарт находился почти вдвое ближе, чем они, к самому сердцу неприятельской державы. Все, что мы знаем по этому предмету, заключается в письме Директории к Бонапарту от 12 февраля: «Мы надеемся, — читаем мы в нем, — что подкрепления в составе двенадцати полубригад пехоты и шести полков кавалерии, направляющиеся к Итальянской армии, дадут вам возможность после Римской экспедиции вторгнуться в Тироль, располагая численным превосходством над противником; к тому же времени мы прикажем генералу Моро переправиться через Рейн и согласовать свои действия с вашими; генерал Гош во главе армии, оперирующей на Самбре и Маасе, отвлечет часть неприятельских сил к Франконии и займется блокадой рейнских крепостей».

Между тем, это предначертание вовсе не согласуется с тем, что действительно произошло, а поэтому надо полагать, что между военными

действиями на всех трех театрах войны не было единства, предварительно согласованного, но что все три генерала открыли военные действия, как только каждый из них успел закончить свои приготовления.

Бонапарт, к которому прибыли в конце февраля его подкрепления и который знал, насколько его противник был в это время еще слаб, хотел, не теряя ни минуты, использовать все превосходство своих сил. Он при этом рассчитал, что те подкрепления, которые австрийская Рейнская армия должна была выделить в Италию, уже выступили в поход, так что, если бы он и дождался выступления французской армии на Рейне, ему пришлось бы иметь дело с не меньшим числом войск. Между тем, вначале он имел возможность воспользоваться неоценимым преимуществом сразиться с эрцгерцогом раньше, чем к тому подойдут эти подкрепления, и таким образом нейтрализовать эту часть неприятельских сил. Ибо каждая воинская часть, которая вынуждена находиться на походе в то время, когда происходит решительный бой, должна почитаться нейтрализованной. Таким образом, Бонапарт надеялся снова в первое же мгновение добиться решительного перевеса, а затем предоставить своему счастью привести его к тому или другому пределу, к тому или другому решению всего вопроса. Невозможно отрицать правильность этого расчета, и Бонапарт, убежденный в верности его, не стал выжидать особых инструкций своего правительства, а сам издал для себя закон. Длинный ряд его побед не только сделал Директорию по отношению к нему покладистой, но даже послушной, так что нельзя было ожидать возражений.

Дальнейшее рассмотрение этого предмета мы откладываем до заключительного параграфа.

Приведенный отрывок из письма Директории говорит об атаке, которую Бонапарт должен повести из Тироля, следовательно на Швабию, однако надлежит отметить, что предыдущее письмо упоминает о занятии фриульских горных проходов, а также о разделении его армии на два корпуса: один — для Тироля, другой — для Каринтии. Тем не менее, повидимому, по мнению Директории, Бонапарту следовало итти через Тироль.

Между тем, Бонапарт еще в середине февраля допускал возможность, что эрцгерцог Карл с частью подкреплений присоединится к войскам, стоявшим в Тироле, и оттуда вторгнется на равнину Италии. Его план на этот случай заключался в том, чтобы Жубер продержался в течение хотя бы 10 дней между Триентом и Мори, с тем чтобы сам он тем временем успел выйти по долине Бренты во фланг австрийцам; о таком его плане говорит инструкция, преподанная им Жуберу.

После того как австрийские войска далеко продвинулись во Фриуль, Бонапарт понял, что ожидать их наступления из Тироля не приходится.

Привыкнув всегда наносить удар в центр тяжести неприятельских войск и будучи убежден, что продвижение по прямой дороге на Вену ока-

жет более решительное действие, чем какое-либо предприятие, направленное против Швабии из Тироля, он, не задумываясь ни на одно мгновение, решает итти во Фриуль за эрцгерцогом Карлом, разбить его там и настолько продвинуться по дороге на Вену, насколько дозволят обстоятельства. При этом он, наверное, питал в душе надежду, что ему первому из всех французских полководцев удастся развернуть знамя Франции под стенами Вены.

В свою очередь генерал Жубер обладал значительным численным превосходством над австрийскими войсками, стоявшими в Тироле, по крайней мере в первое время, пока тирольское ополчение еще не было сформировано и не могло проявить всю свою дееспособность. Это превосходство сил надо было по возможности использовать и оттеснить генералов Лаудона и Керпена до подножия Бреннера, с тем, чтобы сам Жубер мог продвинуться настолько вперед, чтобы иметь у себя в тылу долину Лиенц; таким образом, он мог, либо по вызову Бонапарта, либо в случае, если бы его собственное положение в Тироле стало угрожающим, присоединиться к главной армии через так называемый Пустерталь (долина верхней Дравы).

Вот все, что мы можем сказать о планах Бонапарта. Обратимся же теперь к эрцгерцогу.

Как известно, через горы Каринтии и Крайны, так называемые Юлийские Альпы, проходят только две дороги: одна, ведущая в Австрию, через Тарвисский перевал, где она переходит через водораздел и идет на Виллах по долине Дравы; другая, ведущая, собственно говоря, в Венгрию, идет на Герц и Лайбах по долине Савы, а затем сворачивает на север и идет через Лойбельский перевал по долине Дравы на Клагенфурт или же более далеким обходным путем по долине Мура на Брук. Первые две дороги сходятся у Клагенфурта, причем расстояние от этого пункта до Тальяменто на добрую треть больше по второй дороге, чем по первой.

От Вальвассоне на Тальяменто к Тарвисскому перевалу ведут две дороги. Главная, и притом кратчайшая, тянется по берегам Тальяменто и Феллы через перевалы Кьюза Венета и Понтеба. Другая дорога идет через Удине, Чивидале, Канале к Изонцо и затем вверх по течению этой реки через Флиюс перевал Кьюза ди Плец.

Эрцгерцог решил сосредоточить свою армию у Вальвассоне позади Тальяменто, с тем чтобы эта река протекала перед его фронтом. Таким образом, он стоял перпендикулярно к дороге на Лайбах, в тылу у него оставалась дорога, идущая по долине Изонцо на Тарвис, а прямо впереди его на противоположном берегу Тальяменто оставалась дорога, шедшая по долине р. Феллы. Таким образом, он прикрывал все эти три дороги, ибо очевидно, что неприятель не мог бы пойти по третьей, не прогнав предварительно эрцгерцога. Зато эрцгерцогу приходилось отказаться от отхода на Тарвис, ибо, прикрывая кратчайшую дорогу туда лишь косвенным образом (имея ее впереди себя, а не позади), он не мог восполь-

зоваться ни ею, ни другой, проходившей по долине Изонцо. Его нормальный путь отступления был на Лайбах, а потому его позиция была доподлинно фланговой позицией.

Так как эрцгерцог занял оба подхода к Тарвисскому перевалу отрядами генералов Очкая и Кёблёса, а ожидавшиеся с Рейна дивизии должны были итти по долине Дравы, и, следовательно, если бы они прибыли своевременно, могли пройти через Тарвис, то он полагал, что этой фланговой позицией он достигнет большего, чем каким-либо прямым построением.

На самом деле, такое расположение представляло уже ту невыгоду, что ему пришлось разделить свои силы и стать двумя отдельными отрядами на обеих дорогах, ведущих к Тарвису, ибо при численном превосходстве противника и гористой местности в тылу ему никак нельзя было подвергаться опасности быть обойденным. Кроме того, всяким таким расположением он открывал противнику путь на Градиску, а оттуда на Триест и Лайбах; между тем, большинство его магазинов находилось в тех местах. Наконец, эрцгерцог мог еще надеяться, что ему удастся воспользоваться дорогой, идущей по долине Изонцо на Тарвис, так как она не представляла особенно кружного пути, а прямая дорога была уже занята. Правда, можно было ожидать, что неприятель, раньше чем дать решительное сражение у Тальяменто, пошлет отдельный корпус в долину Феллы, однако, судя по обычному образу действий Бонапарта, этого опасаться не следовало.

71. Бонапарт переходит через Юлийские Альпы

10 марта французские дивизии выступили из места своего расквартирования. Бонапарт с тремя из них — Бернадота, Серюрье и Гюйё — и резервной кавалерией двинулся двумя колоннами через Саличе и Порто Буффоле на Вальвассоне, где эти 35 000 чел. и собрались 16 марта, отбросив предварительно авангард эрцгерцога под командой Гогенцоллерна.

В то же время Массена получил назначение, нигде отчетливо не обозначенное, о котором нельзя судить и по последующим его передвижениям. Он выступил также 10 марта, с тем чтобы атаковать Лузиньяна, прибыл к Фельтре и 13-го пошел за Лузиньяном, когда тот стал отходить по долине р. Пиаве, 13-го последовал за ним до Беллуно, 14-го до Лонгаро, где и настиг арьергард противника, окружил его и захватил в плен 500 чел. и самого Лузиньяна. Далее Массена проник еще до Пиаве ди Кадоре, затем, повернув обратно, перешел по долине р. Целино через горный хребет, отделяющий Тальяменто от Пиаве, близ первой из них, так что уже 14-го был у Спилимберго на расстоянии 2 часов ходьбы вверх по течению от Вальвассоне; там он переправился через Тальяменто. 15-го он стоял у Джемоны, в 5 милях от Вальвассоне по дороге на Тарвис. Таким образом, он оказался на добрых два дневных перехода ближе к Тарвису, чем эрцгерцог, если бы последний захотел пойти туда по долине Изонцо.

Однако передвижения Массены, только что описанные нами по данным, приведенным у Бакле д'Альб и у Жомини, вероятно, на самом деле произошли несколько по-другому, потому что, во-первых, расстояние от Лонгаро до Силимберго через Пиаве ди Кадоре составляет 12 миль и путь этот проходит через высокий горный хребет (такое расстояние Массена не мог преодолеть в один день); во-вторых, едва ли эрцгерцог позволил бы этому генералу одному переправиться через реку на расстоянии 1 мили от его позиции за 2 дня до сражения у Тальяменто; в-третьих, Массена атаковал генерала Очкая на его позиции у Каза Сола лишь 20-го, а если он находился уже 15-го у Джемоны на расстоянии 3 миль от последнего пункта, то надо предположить, что 5 дней он простоял праздно. По всей вероятности, Массена прибыл в Спилимберго лишь после сражения, следовательно, не ранее чем 17-го; 18-го он пошел на Сан Даниеле, 19-го на Джемону, 20-го захватил Кьюза Венета и прогнал генерала Очкая из его позиции, расположенной у Каза Соло, южнее Понтебы.

Какое стратегическое значение должно было иметь это продвижение Массены по долине Пиаве, — не указано ни в одном повествовании, ни в одном донесении. Его называют обходом правого крыла, но таковым оно становится лишь от Спилимберго, между тем как весь проделанный им взад и вперед эллиптический путь по долине Пиаве сюда входить не может. Можно предположить, что первоначально Массене было предписано проникнуть в долину Дравы через долину р. Пиаве, для чего он должен был свернуть из Пиаве ди Кадоре на Тоблах. Такое передвижение можно было почесть за довольно далекий обход правого крыла противника, занявшего позицию у Изонцо и Феллы, или за попытку установить связь между главной армией и Жубером. Все же эта операция Массены не стоит ни в какой логической связи с тем, что он делал впоследствии. Оба вышеуказанные поручения были бы безусловно неудачными мероприятиями, скорее во вкусе австрийской, чем бонапартовской, стратегии. Между тем, обратный путь Массены через долину Целино к Тальяменто представляет как бы крутой обратный поворот на месте, что словно указывает на изменение и даже на о т м е н у прежнего распоряжения. Поэтому нам представляется вероятным, что Бонапарт решил принять одну меру, которую сам вскоре признал ошибочной, и что после этого он приказал генералу Массене кратчайшим путем двинуться к Тальяменто, чтобы иметь возможность принять ближайшее участие в действиях главной армии.

Бой у Тальяменто 16 марта

Как мы видели, эрцгерцог со своей армией, не превышавшей 15 000—20 000 чел., занял позицию на берегу Тальяменто, предполагая попытаться принять здесь бой, не доводя его, впрочем, до чрезмерного упорства, чтобы избежать полного поражения. Пехота по большей части заняла села, а кавалерия расположилась позади, чтобы ею можно было воспользоваться, пуская ее в атаки. В случае, если бы оказалось невозможным до-

биться благоприятного исхода, австрийский полководец предполагал обратить это столкновение в один из тех арьергардных боев, при помощи которых неприятелю отдают, как принято выражаться, каждую пядь земли лишь с боя.

В реке Тальяменто было очень мало воды, так что французы перешли ее вброд выше и ниже Вальвассоне, почти не расстроив своего боевого порядка. По всей вероятности, эта переправа была выполнена после полудня, а сопротивление австрийцев длилось только до ночи, т. е. всего лишь несколько часов. После этого эрцгерцог начал отходить, потеряв в этом бою 500 чел. и 6 орудий.

Он решил не отступать со всеми своими силами на Лайбах, но разделиться: правому крылу под командой Баялича и Гонтрёля итти через Удине, Чивидале, Капоретто по долине Изонцо на Тарвис, сам же он намеревался итти с Гогенцоллерном и принцем Рейсом по дороге, идущей через Градиску и Гёрц на Лайбах.

Эрцгерцог решился на это, несомненно, несколько рискованное мероприятие, так как полагал, что силы австрийцев на дороге в Виллах недостаточны, а дивизии, приближавшиеся с Рейна, еще не скоро подойдут, так что едва ли он мог бы противостать французам; к тому же он боялся, что неприятельские войска, подходившие через долину Пустерталь (дивизия Жубера), отрежут его от места сбора, Виллаха, и что французы раньше достигнут Клагенфурта, чем успеет туда дойти отступающий в этом направлении левый фланг, шедший кружными дорогами через Лайбах и Крайнбург. В случае, если бы его отрезали от Клагенфурта, он оказался бы вынужденным двинуться с левым крылом по долине Мура через Грац, благодаря чему вышел бы на большую Венскую дорогу к месту соединения своих сил лишь у Брука, т. е. на 25 миль дальше в тыл. Мы не можем сказать, до какой степени этот план казался тогда рискованным, так как мы не знаем, какие известия успел уже получить эрцгерцог о продвижении Массены.

Согласно нашему вышеизложенному предположению, этот генерал прибыл к Тальяменто лишь 17-го. Поэтому весьма вероятно, что 16-го эрцгерцогу нечего было еще тревожиться о судьбе Очкая. От Вальвассоне до Тарвиса по долине Изонцо через Удине всего 15 миль; так как бо́льшая часть этого пути проходит по равнине, то правое крыло могло легко проделать этот переход в 4 дня, и тогда эрцгерцог действительно дошел бы до Тарвиса 20-го, в то время как Массена прибыл туда лишь 21-го.

Бонапарт последовал со своими тремя дивизиями за эрцгерцогом по дороге на Градиску. Пальмануова была оставлена австрийцами, но в Градиске они оставили 2 000 чел. при 10 орудиях. Однако уже 19-го эта крепость вместе с ее гарнизоном попала в руки Бернадота и Серюрье, а эрцгерцог был вынужден отступить к Герцу.

В то время как Бернадот и Серюрье были заняты овладением Градиской, Гюйё прибыл в Кормонс и был направлен Бонапартом на Капоретто

через Чивидале для преследования правого крыла австрийцев. Бернадот должен был следовать за эрцгерцогом к Лайбаху, Бонапарт же вместе с Серюрье 22-го пошел через Канале к Капоретто, чтобы в случае нужды поддержать Гюйё.

Как мы уже упоминали, 20-го Массена атаковал генерала Очкая у моста Казо Соло и отогнал его назад; 21-го он снова атаковал его у Понтебы, причем австрийцы потеряли 600 чел., и отогнал его за Тарвис в долину Савы к Вурцену.

Австрийское правое крыло, которое 21-го могло бы уже прибыть в Тарвис, после того как его арьергард был потеснен генералом Гюйё, находилось лишь у Капоретто, не доходя 6 миль до Тарвиса. 21 марта, когда, как мы видели выше, Массена овладел Тарвисским перевалом, Гонтрёль, составлявший, вероятно, австрийский авангард, прибыл в Оберпрет, на расстоянии двухчасового перехода от Тарвиса. У Тарвиса он находит построившимся один лишь авангард Массены; повидимому, вся дивизия еще не успела прибыть туда; Гонтрёль атакует этот авангард и отбрасывает его на дивизию. Но уже 22-го рано поутру его в свою очередь атакует дивизия Массены, опрокидывает и со значительными потерями отбрасывает назад на дорогу, ведущую в Виллах. Таким образом, Гонтрёль успел пробиться, хотя и с трудом и со значительными потерями. А Массена теперь повернул на Райбль против Баялича. Последний выступил 22-го через Кьюза ди Плец, еще занятую Кёблёсом, навстречу Массене на Оберпрет. Едва Баялич миновал перевал Кьюзы, как дивизия Гюйё атаковала Кёблёса.

Превосходные силы французов одолели и эту сильную позицию: они взобрались на крутые высоты, окружающие ее и господствующие над ней, так что генерал Кёблёс после непродолжительного сопротивления положил оружие. Теперь Баялич оказался уже окончательно окруженным со всех сторон. С одной стороны тесной долины, в которой не было другого выхода, навстречу ему шел Массена, с другой — надвигались на него сзади Гюйё и Серюрье; тогда и этот генерал положил 23-го оружие с 4 000—5 000 чел., 25 орудиями и обозом из 500 повозок.

О дальнейшем ходе событий источники снова не дают нам точных сведений. С удивлением мы узнаем, что Бонапарт прибывает в Виллах со своими тремя дивизиями — Массены, Серюрье и Гюйё — лишь 28 марта, в то время как он легко мог там быть уже 25-го. Так как в это время все дело сводилось к тому, чтобы оттеснить эрцгерцога от Клагенфурта, т. е. от прямой дороги на Вену, то казалось, что было достаточно оснований для поспешности. Правда, австрийский полководец мог выступить из Герца еще 20-го, и, таким образом, ему нетрудно было бы притти в Клагенфурт через Лайбах и Крайнбург 25-го, ибо весь путь туда не превышал 24 миль; в таком случае Бонапарт все-таки опоздал бы, вследствие задержек, причиненных взятием Градиски, сдачей Кёблёса и Баялича, а также плохими условиями местности. Тем не менее, всего этого нельзя было

предвидеть наверняка; ведь эрцгерцог мог прибыть в Клагенфурт на несколько дней позже; а так как Бонапарт легко мог притти туда 25-го, то надежда отрезать эрцгерцога была не так уже несбыточна, и стоило попытаться это сделать. Таким образом, в данном случае мы наблюдаем своего рода пробел в стратегической логике, который мы можем заполнить лишь с грехом пополам, приведя следующие причины: во французских войсках было много отсталых, которых хотели собрать, прежде чем двинуться вперед, да и меры по снабжению продовольствием могли вызвать задержку.

Относительно движений эрцгерцога мы располагаем еще меньшими данными. Нам известно лишь то, что, когда 28-го Бонапарт двинулся к Клагенфурту, эрцгерцог оставил там из прибывших к нему с Рейна дивизий дивизию Меркантена, а сам с остальным своим войском пошел на Сан Вейт. Теперь численность армии эрцгерцога можно было определить в 30 000 чел.

30 марта, прогнав Меркантена из Клагенфурта, Бонапарт идет на Сан Вейт. Он посылает небольшой корпус к Марбургу вниз по долине Дравы, а другой, под командой Зайончека, — вверх по ней, чтобы попытаться установить связь с Жубером. Последний не только был отражен тирольским ополчением, но, как тогда казалось, и в значительной мере потрепан.

Дивизия Бернадота заняла Триест резервной кавалерией и отрядом пехоты и двинулась на Крайнбург.

Прежде чем перейти к рассказу о конце кампании, мы должны обратиться к событиям, происшедшим за это время в Тироле, и, таким образом, обозреть в целом все положение дел.

72. Действия Жубера в Тироле

В то время как Бонапарт перешел через цепь Юлийских Альп, Жубер проник до подножия Бреннера, где и дожидался переправы Бонапарта через Тальяменто, вероятно потому, что раньше он не имел точных сведений о том, что главные силы неприятеля находятся в Фриуле. Тогда, сосредоточив свои войска, он атаковал генерала Керпена, построившегося за Лависом в виде кордона, отбросил его с потерей 1 000 чел. к Сан Микелю и прогнал на Боцен.

21 марта Жубер со всеми тремя дивизиями прибыл в Неймаркт. Генерал Лаудон, стоявший в долине р. Нос, приблизился к Неймаркту, намереваясь его захватить, но, встретив слишком сильное сопротивление, остался на правом берегу Эча и отошел по ее долине к Мерану. В тот же день Жубер вступил в Боцен.

Так как дорога на Инсбрук вступает в долину Эйзаха в этом месте, а генерал Лаудон отошел в долину Эча, где уже собралась главная масса тирольского ополчения, то положение Жубера начало становиться угрожающим. Тем не менее, он решает проникнуть дальше, оставив в Боцене

Дельмаса с 5 000 чел. 22 марта он подошел с остальными войсками к Клаузену, где Керпен занимал сильную позицию. Жубер его атакует. Долго длился бой, пока, наконец, французы не обошли по горам позицию и не принудили Керпена отступить.

Последний занял позицию у Миттенвальде в долине Эйзаха на расстоянии нескольких часов хода выше Бриксена, благодаря чему вход в Пустерталь оказался свободным.

В этой позиции Жубер атаковал его 28 марта и снова отбросил назад, даже за Стерцинг. Это место находится от Инсбрука на расстоянии всего лишь шестнадцатичасового перехода. Правда, его отделяет один из отрогов Бреннера, через который проложена дорога.

Жубер, не получая никаких известий о том, что в это время происходит с армией Бонапарта, не будучи уверен, что Рейнская армия уже получила возможность выступить на театр войны, и окруженный со всех сторон воинственным народом, охваченным восстанием, не решался продвигаться дальше и решил временно занять с обеими дивизиями позицию у Бриксена, куда он и вернулся.

Теперь австрийские генералы перешли к своего рода наступательной войне. 31 марта и 2 апреля произошли ожесточенные бои с бриксенскими аванпостами под Унтерауе. Во второй из этих дней под Бриксеном появился Лаудон; он привлек к себе внимание французов и послал отряд занять дорогу на Неймаркт. Самому Боцену угрожала серьезная опасность, так как силы Лаудона достигали 12 000 чел.

В таком положении, которое должно было привести Жубера к полной гибели, на его долю выпало неслыханное счастье: 3 апреля он получил через переодетого в крестьянское платье полковника Эберле (по всей вероятности, тирольца по происхождению), проникшего в долину Дравы, достоверное известие, что Бонапарт благополучно перебрался через Альпы. Он тотчас решается итти через Пустерталь на соединение с главной армией, следовательно, отступать по той местности, где по крайней мере не было регулярных войск противника, и в то же время своими присоединением к главной армии, которая должна была находиться в критическом положении, оказать ей своевременную поддержку.

4 апреля Дельмас оставил Боцен. 5-го обе дивизии, Жубера и Дельмаса, выступили из Бриксена на Брюнекен, разрушив сперва находившиеся выше Бриксена мосты. Эта последняя мера, а также целесообразный способ действий против Лаудона, примененный французским арьергардом, дали Жуберу время ускользнуть от обоих преследовавших его австрийских генералов. Итак, он безостановочно продолжал свой поход через Тоблахский перевал на Лиенц к Виллаху, и на всем этом пути, протяжением в 24 мили, ему только один раз пришлось сразиться с тирольским ополчением под Шпиталем, в 5 милях от Виллаха, причем он еще взял несколько пленных. Прибыл он в Виллах, повидимому, 8 апреля, тотчас после подписания Леобенского перемирия.

Нам точно неизвестно, сколько человек Жубер потерял на этом пути. Бонапарт говорит в своих мемуарах, что Жубер присоединился к нему с 12 000 чел., из чего можно заключить, что потери его достигали 6 000—8 000 чел., если он действительно, как то утверждает Бонапарт, нарочно оставил на Эче отряд в 1 200 чел. Вернее всего, что этот отряд был просто отрезан от главных сил Жубера.

73. Конец кампании

Когда Бонапарт прибыл 30 марта в Сан Вейт, он получил от Директории извещение, что Рейнские армии еще не готовы начать кампанию и что поэтому он не должен рассчитывать на их сотрудничество. От Жубера он еще не имел никаких известий, зато он получил сведения о всеобщем восстании тирольцев; того же надо было ожидать от венгерцев и кроатов; а то, что он этого опасался и со стороны жителей Каринтии и Крайны, показывают выпущенные им прокламации, успокаивающие и увещевающие население. Внушавшая сомнение позиция, занятая Венецией, и ее военные приготовления становились все более и более угрожающими. При этом надо вспомнить, что операционная линия французов, проходившая через страны с враждебно настроенным населением, на своем протяжении от Мантуи до Клагенфурта достигала длины в 50 миль и что французская армия, частью вследствие выделения из нее отрядов, частью вследствие значительного числа отсталых, успела уменьшиться чуть ли не на целую треть. Поэтому нельзя не признать положение Бонапарта в тот момент, когда он прибыл в Клагенфурт, весьма трудным и даже критическим.

Если бы Жубер подошел и присоединился к нему, то Тироль оказался бы утраченным, и австрийцы могли бы свободно спуститься на равнины Ломбардии, чтобы в соединении с венецианцами перерезать ему коммуникационную линию и даже, при случае, и самый путь отступления. С другой стороны, если бы Жубер остался в Тироле, то он с его тремя дивизиями, по всей вероятности, был бы обречен на гибель, а у самого Бонапарта оставалось бы всего лишь 30 000 чел. для дальнейшего продвижения вперед. Правда, из Римской области приближались вызванные оттуда Виктор и Ланн, но лишние 7 000—8 000 чел. не могли бы сгладить все эти затруднения. Численностью своей армии эрцгерцог мало чем ему уступал; сейчас трудно было заранее учесть, какие подкрепления последний найдет по ту сторону Штирийских Альп, перед которыми в это время стоял Бонапарт.

Стоило Бонапарту потерпеть поражение в Штирии или по сю сторону Земмеринга, — и ему едва ли удалось бы привести обратно сколько-нибудь значительную часть своей армии; тогда оборот колеса Фортуны был бы настолько велик, что Италия оказалась бы сразу потерянной, а французы были бы отброшены назад на сотню миль. Бонапарт сознавал чрез-

мерную напряженность своего положения, которая не могла долго длиться и должна была окончиться либо беспримерно блестящим успехом, либо его гибелью.

Вернуться назад было морально невозможно; он еще мог бы спасти свою армию, но стратегическое поражение обрушилось бы на него всей своей тяжестью. Кампания всех трех армий была бы испорчена, его репутация окончательно загублена, все, дотоле приобретенное им, потеряно, а сам он предан мести враждебных ему политических партий. Разве мог принять такое решение человек с характером Бонапарта! А если бы он лишь приостановился в ожидании выступления других французских армий, то это равносильно было бы приглашению австрийцев пустить в ход против него все те силы, которыми он был опутан, и тогда на него обрушились бы все окружавшие его опасности, справиться с которыми у него нехватило бы сил, результат же мало чем отличался бы от результата проигранного сражения.

Для благополучного исхода при дальнейшем его продвижении вперед необходимо было, чтобы блестящая победа, которая привела бы Бонапарта к воротам Вены, парализовала руку народной войны, поднятую против него во всех провинциях Австрии, расположенных сзади и сбоку от него, и чтобы эта победа совпала во времени с выступлением Рейнской армии. Однако рассчитать, когда наступит это событие, было невозможно, и все приходилось предоставить слепому случаю.

Как ни смел, как ни дерзок был Бонапарт, все же он слишком хорошо чувствовал все невыгоды своего положения, чтобы не воспользоваться средним исходом политического разрешения конфликта, на которое он был уполномочен или считал себя уполномоченным своим правительством, и удовлетвориться теми выгодами, какие такое разрешение могло предоставить. Он знал, как Директория жаждала мира, ему было известно, что он может предложить австрийцам, и на пути к Вене он мог надеяться, что внушенный им страх и растерянность австрийцев принудят их охотно выслушать его мирные предложения.

31 марта из Сан Вейт Бонапарт пишет эрцгерцогу и делает первые свои предложения. Последний, как водится, ответил сперва уклончиво, добавив, впрочем, что он доложит об этом в Вене. Для того чтобы уравновесить этот свой первый шаг к переговорам, Бонапарту надо было сопроводить его бесстрашным и упорным продвижением вперед. Итак, Бонапарт двинулся 1 апреля к Фризаху; непосредственно за этим селением находится Дирнштейнский перевал, где дорога подымается на главный хребет Штирийских Альп, а затем спускается к Гундсмаркту в долину р. Мур. Здесь эрцгерцог занял свою позицию.

На пути к Фризаху Бонапарт получил предложение заключить перемирие на 4 часа. Такой короткий срок внушил ему подозрение, что за этим предложением кроется какое-то иное намерение; он предположил, что по долине р. Мур приближаются подкрепления, которых эрцгерцог

охотно бы дождался; это побудило его отклонить сделанное ему предложение.

2 апреля он атаковал арьергард австрийцев и опрокинул его, после чего эрцгерцог отступил на Гундсмаркт.

3-го Бонапарт последовал за ним, и снова разгорелся упорный арьергардный бой.

В Шейфлингене, где дорога из Виллаха впервые доходит до р. Мур, Бонапарт узнал, что австрийская дивизия Шперкена еще находится в этой долине. Он тотчас посылает против нее генерала Гюйё, но безрезультатно, так как она снова отошла назад по Зальцбургской дороге, чтобы этим путем присоединиться к эрцгерцогу.

5-го Бонапарт продвигается на Юденбург, где он решил сосредоточить свои силы. О Бернадоте он узнал, что этот генерал должен на-днях к нему присоединиться. О Жубере он пока известий не получал, хотя последний находился от него всего в нескольких дневных переходах. В тот момент, когда Бонапарта беспокоили заботы о Жубере, в Юденбург прибывают генералы Бельгард и Мерфельд для переговоров о перемирии, которое тотчас и было заключено и за которым уже через 10 дней, а именно 17 апреля, последовало заключение в Леобене предварительного мирного договора.

74. Разбор событий

Быстрое продвижение Итальянской армии, подошедшей к Вене на расстояние 18 миль, в то время как у австрийского полководца не было достаточно войск, чтобы противопоставить их французам и дать сражение хотя бы под стенами Вены, побудило австрийское правительство заключить перемирие в Леобене и мир в Кампо Формио. Обусловливавший заключение того и другого договора страх перед вооруженным столкновением невольно привлекает наше внимание к положению, в каком находилась в данное мгновение и та и другая сторона в военном отношении. При рассмотрении этого положения мы не можем ограничиться одной лишь Итальянской армией, но должны принять во внимание и Рейнскую.

Но раньше чем приступить к этому предмету, надлежит внимательно вглядеться в поход, предпринятый Итальянской армией. Мы уже говорили о том, какие причины побудили Бонапарта открыть кампанию еще в начале марта. Судя по его мемуарам, он намеревался протянуть Рейнской армии руку у р. Энс. При этом он исходил из предположения, что эта армия силой в 120 000 чел. под командой одного начальника переправится у Страсбурга через Рейн и неудержимо устремится через Баварию. Во главе 200 000 чел. они вместе будут иметь возможность пойти на Вену и предписать по своему усмотрению условия императору.

Мы сомневаемся, чтобы это позднейшее изображение его тогдашних взглядов вполне соответствовало истине. Он никак не мог воображать себе французские войска сосредоточенными к концу февраля на Рейне

в одну армию в 120 000 чел., готовую переправиться у Страсбурга, в то время как еще 6 недель спустя французы стояли двумя отдельными армиями на расстоянии 40 миль друг от друга.

Горячее желание первому оказаться под стенами Вены, поднять свое имя высоко над именами своих соперников тем, что он один, без чьего-либо участия, предпишет условия мира императору, сознание собственной силы, вера в свое счастье — вот что увлекло Бонапарта без особых размышлений, не считаясь с опасностью, устремиться по открывшемуся перед ним победному пути. Он отважился повести крупную игру, так как это было в его характере и входило в его интересы. Конечно, пускаясь в это предприятие, он не предвидел тех опасностей, с которыми ему пришлось встретиться через несколько недель после начала кампании. Хотя он и отлично знал, что одновременно с Рейнской армией он никак не мог оказаться под стенами Вены, хотя бы из-за одной разницы в расстояниях, однако он не предполагал, чтобы к моменту, когда его войска начнут спускаться с Земмеринга, эта армия даже еще не выступит в поход. Он не верил в возможность тех трудностей, с которыми Жуберу пришлось столкнуться в Тироле, не верил также в угрозу вооруженного народного восстания в Каринтии и Крайне. Когда же все это случилось, то остановиться ему было бы, пожалуй, еще труднее, чем итти вперед.

Мы легко можем себе вообразить, как полководец, полный дерзновения и пренебрежения к противнику (чем Бонапарт всегда отличался), увлекаемый по этому туманному пути перспективой самых блестящих успехов, продолжает продвигаться вперед. Мы не сочтем себя в праве привлечь его к суду строгой, трезвой критики, но мы не можем не удивляться легкомыслию правительства, которое, подобно Директории, открыло кампанию, не составив ни малейшего плана ее. Как могло оно допустить, чтобы Итальянская армия выступила одна, и притом лишь с двумя третями своих сил, в то время как остальные армии еще 6 недель стояли праздно на Рейне! Располагай эрцгерцог позади Штирийских Альп резервом тысяч в двадцать человек, Итальянская армия была бы разбита и, отступая по гористой местности, занятой народным ополчением, была бы наполовину истреблена, а кампания с самого начала потерпела бы неудачу. Незаметно даже, чтобы Директория проявила по этому поводу особое смущение: видно, совершенно не сознавали первостепенного, преобладающего значения одновременного и согласованного действия всех сил.

Если мы оправдываем полководца, но не оправдываем правительства, то в этом нет ни малейшего действительного противоречия. Положение полководца совсем иное, чем положение правительства; первый не мог знать во всех подробностях тех условий, в каких находилась Рейнская армия, и во всяком случае ничего не мог предпринять для изменения этих условий; наконец, его побуждал личный интерес его честолюбия, что вполне извинительно для полководца, — ведь без этой мощной побу-

дительной причины ничего не делается на войне. Впрочем, хотя мы и видим, что одинокое наступление Итальянской армии увенчалось благополучным исходом Кампоформийского мирного договора, все же оправдать это наступление мы не можем, так как этого успеха гораздо вернее можно было достигнуть одновременным наступлением всех армий.

Тот единичный мотив, который с самого начала выдвигал Бонапарт для своего преждевременного выступления, а именно — что дивизии Меркантена и Кайма еще не успели подойти к эрцгерцогу с Рейна,— не мог иметь такого решающего значения, если всмотреться во все обстоятельства дела.

Одно можно поставить в укор французскому полководцу, что, выступив с 44 000 чел. для перехода через Юлийские Альпы, он отправил 20 000 чел. в долину Эча. Этих сил едва ли было достаточно для завоевания Тироля, т. е. для того, чтобы прогнать оттуда части регулярной армии и разоружить народное ополчение. А раз этих сил было недостаточно, то им грозила там серьезная опасность. Если бы, вместо этого, Бонапарт оставил на равнине близ Вероны корпус в 10 000 чел., то последний гораздо успешнее мог бы прикрыть его коммуникационную линию, внушить спасительный страх Венецианской республике и сам оградить себя от опасности, в то время как другие 10 000 чел. усилили бы главную армию.

Даже если бы это продвижение в Тироль было рассчитано так, чтобы оно совпало с вторжением Рейнской армии в Швабию, все же оно заслуживало бы порицания, так как в этом случае Жубер играл бы роль связующего корпуса, а раз главные массы имеют целью наносить сильные, решительные удары, такие корпуса связи не особенно нужны, и образование их представляет пагубное распыление сил. Жубер оказался в самом невыгодном положении и должен был радоваться, что, по прошествии 4 недель, ему удалось присоединиться со своим на одну треть уменьшившимся корпусом к армии Бонапарта. Это может служить достаточным доказательством того, что его место было именно там, а отнюдь не в Тироле.

Правда, Бонапарт в своих мемуарах изображает это дело так, словно таково и было изначала назначение Жубера; но это напоминает историю с направлением, данным маршалу Нею[1] после битвы при Линьи,— направлением эксцентрическим, хотя в своих мемуарах Наполеон искусственно превращает его в движение, которое, по его мысли, должно было быть концентрическим.

Странная была бы мысль — сначала направить генерала Жубера к подножию Бреннера, с тем чтобы потом заставить его пройти по кружным путям более 30 миль до Виллаха. В современных описаниях эта мысль

[1] Автор, вероятно, имеет в виду корпус, направленный на Вавр и не принявший участия в сражении у Ватерлоо в 1815 г. Этот корпус был под командой Груши.— Прим. ред.

нигде не встречается, и генерал Жомини в своей истории этой кампании изображает отход Жубера по Пустерталю как простой выход из затруднительного положения, на который этот генерал решился на собственный страх и риск.

Что касается действий австрийцев, то нам предстоит разрешить весьма важный для стратегии вопрос, затрагивающий одно, часто повторяющееся основное положение.

Если бы австрийское правительство собрало армию эрцгерцога Карла не в Фриуле, а в Тироле, и оставило бы открытыми Каринтию и Крайну, то, раньше чем Бонапарт начал бы кампанию, под командой эрцгерцога собралась бы армия в 40 000 чел., так как дивизии с Рейна прибыли бы к нему гораздо раньше. В соединении с тирольским народным ополчением эта армия представляла бы гораздо более мощную массу для сопротивления французам, чем корпус эрцгерцога у Тальяменто.

Рассмотрим преимущества и недостатки обоих этих мероприятий.

Такое построение в Тироле представило бы по отношению к дороге, идущей через Фриуль и Каринтию на Вену, фланговую позицию, которая, как таковая, обладала бы значительной силой по следующим причинам.

1. Связь армии с ее магазинами, а также с действительным театром войны, т. е. с остальной монархией, нелегко было бы перервать или даже подвергнуть серьезной угрозе.

2. Между тем, связь неприятеля с его базой, если бы он решился пройти мимо расположения австрийской армии и продвигаться по Фриульской дороге, подверглась бы самой действенной угрозе, так что сам Бонапарт не отважился бы двинуться по оставленной на произвол судьбы дороге на Вену.

3. Объект неприятельского наступления, который по преимуществу составляла Вена, был настолько удален, что такая фланговая позиция могла рассматриваться как вполне достаточное прикрытие для него.

Таким образом, несомненно то, что, если бы эрцгерцог решил остаться в Тироле, французы могли бы повести свое наступление исключительно через Тироль.

Однако, хотя бы эрцгерцог и располагал в Тироле армией в 40 000 чел., а народное ополчение значительно увеличило бы его силу сопротивления, все же не надо забывать следующего:

1) Бонапарт в этом случае не стал бы делить своих сил и вторгся бы в Тироль с армией около 70 000 чел.;

2) горы представляют выгоду для обороны в том лишь случае, когда предстоит сравнительно небольшими силами обороняться относительно долгое время, но при упорной решительной борьбе между главными силами воюющих сторон горы, безусловно, не благоприятствуют обороняющейся стороне, ибо в горах не могут быть применены все те средства, которые в современном бою обороняющийся может извлечь из преиму-

щества, какое дает сохранение за собой последнего слова в споре, последнего удара в борьбе.

Итак, оба эти обстоятельства, — что Бонапарт был более чем на одну треть сильнее, чем эрцгерцог, и что решительный бой должен был быть дан на растянутой горной позиции,—не оставляют ни малейшего сомнения в том, что Бонапарт разбил бы эрцгерцога и прогнал бы его из Тироля с большими потерями. При таком вероятном исходе великим злом было то, что большая дорога, проходящая по Тиролю на Вену, образует дугу, вследствие чего отступающей армии эрцгерцога угрожала серьезная опасность, что ее оттеснят от Вены и даже от Дуная и что во время своего отступления она попадет в крайне невыгодные условия. К этому надо еще добавить, что эрцгерцог никак не мог надеяться на то, что австрийской армии удастся оказать успешное сопротивление даже на Рейне, и что он не знал, когда и с какой быстротой французская армия оттуда продвинется на Дунай. При подобных обстоятельствах мысль расположиться с главными силами в Тироле для защиты австрийского государства, естественно, могла показаться чрезвычайно рискованной, и понятно, что ни у австрийского правительства, ни у эрцгерцога на это нехватило смелости. Это было бы равносильно тому, как еслибы решились купить усиление способности к сопротивлению в данный момент ценой великой катастрофы в будущем.

Это средство было бы вполне подходящим, если бы силы австрийцев как в моральном, так и в материальном отношении настолько уравновешивали силы их противника, что они могли бы оградить от всякого вторжения свои границы. Но так как такое равновесие было утрачено, то единственным средством его восстановить было движение (завлечение) неприятеля, или, вернее сказать, собственное отступление в глубь страны.

В своих мемуарах Бонапарт ставил эрцгерцогу Карлу в укор, что он не предпочел позицию в Тироле; впрочем, в другом месте он говорит, что только того и ждал, когда эрцгерцог появится в Тироле, чтобы обрушиться на него.

Теперь обратимся к тем обстоятельствам, которые обусловили заключение Леобенского перемирия и Кампоформийского мира.

Прежде всего, стремительно продвигавшаяся к Вене армия Бонапарта вынудила австрийское правительство принять это решение.

Тем не менее, казалось, что и самая эта армия находится в крайне опасном положении. Основная масса австрийского государства оставалась нетронутой. Французская армия проложила себе в ней лишь узкую дорогу и казалась слабым острием, далеко выдвинувшимся вперед, а потому нередко высказывали мысль, будто Бонапарта, стоявшего на краю гибели, выручили слабость и излишняя поспешность австрийского правительства. Признав за благоразумную меру избранный Бонапартом политический выход из положения, опасность которого мы четко описали.

мы сами словно обвинили противную сторону в том, что она не сумела в должной мере оценить эту опасность. Однако это не так. Положение Бонапарта оказалось бы отчаянным, если бы при дальнейшем его продвижении к Вене он наткнулся на превосходные силы противника, которые притянули бы его к ответу за его дерзость и победа над которыми была бы либо крайне сомнительна, либо совершенно невозможна; однако этих сил не было, а потому положение Бонапарта не было таким уже опасным. Но так как Бонапарт в этом не мог быть уверен, а относительно приближения Жубера через Пустерталь он не имел еще никаких известий, то положение его не могло не казаться ему более трудным, чем оно было на самом деле и чем оценивали его австрийцы.

Здесь мы, впрочем, должны представить специальное разъяснение, чтобы обосновать то, как мы изобразили все эти обстоятельства.

В своих мемуарах Бонапарт утверждает, будто перед заключением Леобенского перемирия положение его вовсе не казалось ему таким опасным и что к заключению этого перемирия его побудило исключительно полученное им сообщение Директории, что он не должен рассчитывать на сотрудничество Рейнской армии.

Мы находимся в тягостной необходимости не признать в полной мере правильность суждения великого полководца в его собственном деле. Для того, кто ищет одной лишь истины, важно дойти до полной убежденности, и если он дойдет до таковой, больше основываясь на объективных данных, чем на словах полководца, то он не в праве отказаться от своих убеждений, подчиняясь одному лишь авторитету великого человека.

Ведь Бонапарт составлял свои мемуары спустя лет 15—20 после описываемых им событий, и притом в ответ на дошедшие до него критические замечания по поводу отдельных его действий во время руководимых им кампаний, и он все время занят их опровержением. В таких условиях он не может быть беспристрастен и объективен, тем более что он вообще не выносит ни малейшего порицания своих действий и не в состоянии признать за собой малейшую ошибку, как это не раз случалось с другими великими полководцами. Вот почему мы должны пользоваться его мемуарами лишь с крайней осторожностью и придавать больше веры свидетельству других современных источников и объективным выводам из обстоятельств и фактов. Вот почему, вопреки утверждению Бонапарта, что в апреле 1797 г. положение его вовсе не казалось ему таким опасным, мы вынуждены придерживаться того взгляда, который у нас сложился на основании других источников и показаний современников. В самом деле, что могло побудить гордого полководца первым выступить с предложением перемирия и тем самым открыть путь к мирным переговорам?

Извещение Директории, что он не должен рассчитывать на сотрудничество Рейнской армии, не могло быть понято в каком-либо ином смысле, кроме того, что обе Рейнские армии выступят слишком поздно, чтобы помочь Итальянской армии в предстоящем решительном сраже-

ний. Не могло же это означать, что они абсолютно не примут никакого участия в войне, как то утверждает Бонапарт, потому что наступление на Рейне было решено, а отношение сил между обеими сторонами не оставляло места для каких-либо сомнений относительно его исхода. Следовательно, одно лишь опасение, что он в его положении не будет иметь возможности дождаться этого сотрудничества, могло побудить его начать переговоры с австрийцами. Для того чтобы придать некоторую правдоподобность своим утверждениям, Бонапарт определяет численность войск, которыми он располагал в Каринтии и Крайне, в 60 000 чел., в то время как на самом деле у него было лишь 45 000.

Вот те причины, которые побудили нас остановиться в нашем описании на том взгляде, согласно которому Бонапарт предложил эрцгерцогу заключить перемирие, для того чтобы выйти из положения, казавшегося ему все более и более угрожающим, по мере того как он все дальше и дальше продвигался вглубь Австрии. К этому нас побудило лишь стремление придерживаться абсолютной истины, так как тревога, которую мы приписывали французскому полководцу, не вносит ничего существенного в наши дальнейшие рассуждения.

После этого необходимого разъяснения возвратимся к нашему предмету.

После того как к эрцгерцогу присоединились в Юлийских Альпах дивизии Меркантена и Кайма, которые принесли его армии пополнение, не превысившее понесенных ею за 14 дней потерь, на всем дальнейшем пути до Вены он мог рассчитывать лишь на одну дивизию Шперкена, тоже шедшую с Рейна; таким образом, эрцгерцог был настолько слаб, что даже под стенами Вены Бонапарт мог бы с превосходными силами смело дать ему сражение, исход которого не подлежал ни малейшему сомнению.

Так как Рейнские армии австрийцев находились у этой реки, т. е. на расстоянии 80—120 миль от Вены, то нечего было и думать о привлечении их для разгрома Итальянской армии французов.

Таким образом, несмотря на крайне напряженное состояние, в котором находился Бонапарт, он все же мог угрожать Вене.

Если бы австрийцы действительно имели возможность извлечь для себя выгоду из того напряженного состояния, в котором находился их противник, если бы они могли обрушиться на эту изолированную армию превосходной массой войск и разгромить ее, тогда они действительно добились бы такого преимущества, что легко могли бы загладить все потери, до сих пор понесенные ими в эту кампанию. Если бы они располагали необходимыми для того средствами, было бы непростительно с их стороны заключить в этих условиях мир.

Но так как австрийцы не располагали необходимыми средствами для действенной реакции против наступления французов, то они могли лишь продолжить свое отступление и отсрочить

главное, решающее сражение. Это могло произойти, если бы эрцгерцог, не принимая боя, укрылся за стенами Вены, с тем чтобы ее защищать, или, покинув Вену, отступил дальше, в Моравию, или же, наконец, если бы из Брука он отошел не на Вену, а на Венгрию и тем самым, может быть, совершенно вывел бы из игры столицу.

Каждый из этих трех путей вел к совместным действиям всех остальных армий, следовательно, дело уже сводилось бы к отношению австрийского государства не к одной Итальянской армии, но ко всем трем французским армиям; на них-то в совокупности мы теперь и направим свое внимание.

В Рейнской армии под командой Моро было 70 000 чел., в Самбра-и-Маасской под командой Гоша—60 000,— всего, таким образом, 130 000 чел. Против первой стоял Латур с 50 000 чел., против второй — Вернек с 30 000, а всего, значит, 80 000 чел. Уже из такого соотношения сил ясно было, что обе неприятельские армии, вторгшись со стороны Рейна, могли двинуться вперед без особых задержек и соединиться с Итальянской армией Бонапарта. Таким образом, австрийцы не могли надеяться на то, что на этом фронте им удастся вернуть себе то, что они потеряли в борьбе с Итальянской армией; они и там, так же как и здесь, были слабейшей стороной. Раз не было никакой возможности сокрушить Итальянскую армию, несмотря на ее крайне затруднительное положение, раз решительный, конечный исход откладывался и уже ставился в зависимость от Рейнских армий, то несомненной являлась потеря Тироля, Штирии, Каринтии, Крайны и весьма вероятной — потеря самой Вены.

Однако этим Австрийская монархия еще не была бы окончательно повержена в прах. Чехия, Моравия и Венгрия с армией в 120 000 чел. составляли такую способную к сопротивлению массу, которая все еще делала сомнительным окончательный исход борьбы. Если условием полного разгрома Австрийской монархии, который привел бы к заключению мира на любых условиях, должно было быть завоевание ее территории, то к тому было лишь два пути. Первый — продолжать наступление, поставив себе целью уничтожение неприятельских вооруженных сил (т. е. как Бонапарт поступил с Пруссией в 1806 г.), преследовать австрийскую армию до противоположных границ государства, с тем чтобы заставить ее положить оружие. Если это покажется невозможным, то второй путь — остановиться на какой-либо черте, окончательно овладеть ранее завоеванной территорией, прочно на ней утвердиться и ожидать, что при продолжении войны ослабление противника приведет его к покорности.

Что касается первого из двух путей, то не следует при этом упускать из виду, какой линией отступления еще обладали австрийцы через Чехию, Моравию и в глубину Венгрии, какое множество австрийских областей оставалось в тылу и на флангах у вторгшейся французской армии, частью уже вооружившихся против нее, частью еще могущих вооружиться. Наконец, не надо забывать и того, что если три французские армии

вначале и насчитывали 200 000 чел., то, будучи вынуждены блокировать Майнц, Мангейм и Эренбрейтенштейн и понеся потери, обычные при длительных непрерывных походах по обширным пространствам неприятельской территории, эти армии к концу пути оказались бы сильно сократившимися. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то подобное непрерывное преследование представится нам лишь как фикция, самое большее — как отдаленная возможность, на которую приходится указывать наряду с другими предположениями для полноты рассуждения. Для того чтобы пройти из конца в конец через страну, населенную 25 миллионами жителей, для того чтобы обеспечить коммуникационную линию длиной в 150 миль, надо располагать армией большей, чем в 150 000 чел. Серьезное затруднение представляло еще и фланговое расположение по отношению к наступающей армии, занимаемое Венгрией и Тиролем, а пожалуй, и Чехией, а также гористый альпийский характер некоторых местностей, затронутых этим походом. Для выполнения такого предприятия требуется большая масса войск, требуются продвигающиеся вслед за армией сильные резервы, которых недоставало у французов, требуется твердое, последовательное в своих действиях правительство, каким не была Директория, нужна регулярно и надежно организованная администрация, каковой Франция не обладала. Мы полагаем, что французы и не решились бы предпринять такое интенсивное завоевание Австрии, и убеждены, что если бы они и предприняли его, то рано или поздно, под давлением окружающих условий, они отступили бы, даже не будучи вынуждены к тому проигранным сражением. Такое отступление было бы сопряжено с огромными потерями, а война снова оказалась бы перенесенной на берега Рейна и Минчио.

Итак, австрийское правительство имело возможность *довести до последней крайности борьбу, если бы это входило в его интересы.*

Второй путь был, несомненно, менее недоступен французам, чем первый. Все же, как бы сосредоточенно ни держали они свои войска на той черте, какую они бы решили занять, тех вооруженных сил, которые они с собой привели, в конечном счете все же нехватило бы для того, чтобы удержаться на позиции, выдвинутой так далеко вперед; следовательно, резервы потребовались бы и в этом случае. Разница же заключалась в том, что таковые понадобились бы не так скоро, потому что этот путь не так скоро мог привести к решительному концу, а до осени или до зимы, когда французам особенно угрожала опасность быть раздавленными, они успели бы собрать достаточные силы. Далее, надо заметить, что в первом случае от австрийцев требовалась одна лишь стойкость, так как сами обстоятельства привели бы к решительному повороту колеса Фортуны, между тем как при втором пути от них потребовались бы положительное напряжение сил и хорошо организованные действия.

Таким образом, оказывается, что, какой бы путь победитель ни избрал, все равно ему грозили великие опасности, а при настойчивости и выдержке побежденный имел больше шансов выйти в конечном счете победителем из борьбы, чем его противник. По ознакомлении с таким нашим взглядом у читателя невольно возникнет вопрос: где же причина исчезновения имевшейся налицо величины?— и он в праве будет потребовать от критики, чтобы она указала, куда же эта величина девалась. Французы выступают победоносно, и притом с превосходными силами,— и вдруг оказывается, что, какой бы путь они ни избрали, этот путь должен привести их к неблагоприятному результату. Казалось бы, что в этом заключается какое-то противоречие.

Разрешение этой загадки заключается в ослаблении, которое eo ipso испытывает всякое стратегическое наступление, длящееся до тех пор, пока противник не окажется совершенно неспособным к сопротивлению, т. е. до тех пор, пока его вооруженные силы не будут окончательно уничтожены. Поэтому превосходство сил победителя должно находиться в известном соответствии с размерами побежденного государства, в противном случае через некоторое время установится сперва равновесие между борющимися сторонами, а затем и перевес сил на стороне ранее побежденного, когда наступит время последнего, решающего столкновения борющихся сторон. Но такого соответствия в данном случае не было, и превосходство сил в 50 000—60 000 чел., которым располагали французы, скоро истощилось бы в его борьбе с таким обширным государством, как Австрия.

Итак, мы полагаем, что в 1797 г. французы, несмотря на все завоеванное ими моральное превосходство, не были в состоянии лишить Австрию всякой способности к сопротивлению и таким образом принудить ее заключить мир на любых условиях и что, следовательно, стоило лишь австрийскому правительству проявить достаточную стойкость, энергию и ум, для того чтобы снова восстановить равновесие сил с Францией.

Следует ли из этого, что австрийцы слишком поспешили с заключением Леобенского перемирия? Мы этого не думали. Тут перед нами стоит вопрос: окупились ли бы жертвы, которые пришлось бы принести, чтобы выдержать весь этот кризис, и та опасность, которая при этом грозила, той целью, которая была бы благодаря этому достигнута? Если бы, благодаря своей стойкости и напряжению всех своих сил, австрийцы оказались в конце концов стратегическими победителями и французы были бы вынуждены эвакуировать австрийские владении в Германии, война снова оказалась бы перенесенной на берега Рейна и Минчио. Дальше реакция не могла бы пойти. Это не противоречит раньше высказанному нами предположению, что в случае резкого поворота счастья армия Бонапарта была бы отброшена за Приморские Альпы. Тогда мы говорили о поражении и разгроме одной Итальянской армии, раньше чем подой-

дут другие армии. Этого не могло случиться после того, как все три армии установят между собой связь и вместе будут отступать.

Если мы бросим беглый взгляд на условия мирного договора, то увидим, что австрийцы, согласно этим условиям, уступили лишь то, что им едва ли удалось бы отвоевать обратно: Нидерланды и Миланскую область до р. Олио, или же отказывались от того, что не представляло для них никакой ценности, — от Ниццы, Савойи и Модены; правого берега Рейна французы тогда еще не требовали.

Эти требования были бы вполне естественными, даже если бы французские войска еще стояли на Рейне и на Минчио, так как они были обладателями этих областей и выгнать их оттуда не было никакой возможности.

Поэтому вполне естественно, что, когда австрийцам непосредственно угрожали тяжкие удары, когда им предстоял ряд неудачных сражений, которые должны были еще более подорвать их моральные силы, мирные условия должны были показаться им весьма приемлемыми; эти условия не могли бы быть более благоприятными и в том случае, если бы австрийцы счастливо перенесли предстоявший им кризис.

Так можно мотивировать решение, принятое австрийским правительством в апреле 1797 г., поскольку это решение непосредственно вытекало из хода военных действий. То, о чем Австрия впоследствии в течение того же года сговорилась с Францией, те большие территориальные уступки, которые она сделала (левый берег Рейна и правый Эча), уже не вызваны стесненным положением на боевом фронте, а являются чисто политической сделкой, так как в обмен она получила компенсацию за счет Венеции и Германии.

Австрийское правительство, покинутое всеми своими прежними союзниками на континенте, не надеясь приобрести новых, решило попытаться найти свое счастье в близорукой, эгоистической политике. Но, как мы уже говорили, эти уступки не были вызваны прямой необходимостью, не являлись прямым следствием ее тяжелого положения на войне, а потому мы их и не рассматриваем.

Мы готовы признать, что было бы более героично и величественно продолжать борьбу до самого края обрыва, а затем своей стойкостью и энергией снова дойти до прежнего равновесия в боевых силах, что благодаря этому новая благоприятная политическая конъюнктура стала бы возможной и вероятной, что так поступить было бы не только красиво, но и мудро, ибо утрата в отношении Франции политического равновесия указывала на то, что рано или поздно в конфликте с этой державой придется дойти до последней крайности. Впрочем, когда чья-либо политика доходила до крайних пределов анализа? Ведь огромная разница существует между тем, когда правительство оказывается неспособным дойти до самых высот всеобъемлющего провидения, и тем, когда оно всле-

пую допустит промах и с глупой поспешностью проявит слабость.

К тому же мы не должны забывать, что то стратегическое рассуждение, которое мы теперь умеем и должны проводить, в те времена фактически далеко не было таким естественным. Все возрастающая сила доведенного до крайних пределов сопротивления, какое могут оказывать большие государства, трудность удержаться на ранее завоеванных обширных пространствах — все это еще не было так наглядно выявлено, как теперь, после того как огромная мощь Бонапарта не раз доходила до того крайнего предела, где она оказывалась побежденной не столько противником, сколько самой природой вещей.

75. Заключительное замечание

Наш разбор кампании 1797 г. и конечного исхода, к которому привели основные линии, характеризующие ход этой кампании, заставляет нас обратить внимание читателя на то, как различны бывают суждения об одном и том же стратегическом положении в зависимости от точки зрения, с которой его наблюдают, и того направления, какое дают наблюдающему взору.

Положение Бонапарта после его перехода через Юлийские Альпы казалось чрезвычайно опасным, если предположить, что по ту сторону Штирийских Альп австрийцы собирали для его одоления большие массы войск; но как только горизонт расширяется и становится известным, что таких масс не имелось, тотчас эта опасность исчезает, и уже австрийцам угрожает поражение под стенами Вены, если они отважатся дать бой французам для спасения столицы. При этом Итальянская армия французов кажется надвигающейся грозовой тучей.

Но стоит лишь еще расширить кругозор, предположив, что решающее сражение не будет дано для спасения столицы, а будет отложено для того, чтобы в конце концов спасти все государство в целом, тогда сразу Итальянская армия французов покажется слишком слабой, и станет ясно, что, предоставленная собственным силам, она неизбежно автоматически будет скатываться к своей гибели вследствие одной лишь отсрочки решающего сражения. Итак, вероятность конечного успеха не на стороне французов. Однако, если мы не остановимся на этой одной армии, а расширим свой кругозор и включим в него две другие армии, выступающие на Рейне, то численное превосходство французов окажется таким подавляющим, что придется перенести военные действия с Рейна во внутренние области Австрии, и тогда недостаток сил Итальянской армии окажется восполненным избытком сил остальных двух армий.

Теперь уже вторжение всех трех армий в самое сердце Австрийской монархии не будет превышать силы их, и, таким образом, это вторжение явится ближайшей угрозой, которая будет стоять перед австрийским пра-

вительством. Если последнее не взглянет на самое это вторжение, как на такое зло, которое оно непременно должно предотвратить немедленным заключением мира, то для французов это вторжение явится лишь средством к достижению дальнейших целей. Если такой целью мы представим себе полный разгром Австрийского государства, т. е. продолжение вторжения до противоположных границ Австрии, с тем чтобы там окончательно уничтожить остатки ее войск, то снова наступит сдвиг в результате, т. е. в вероятности конечного успеха.

Согласно приобретенному нами за последнее время опыту[1], силы французов снова оказались бы недостаточными для этого предприятия, и продолжение вторжения само собой привело бы к повороту счастья при условии, что народы Австрии проявили бы всю свою преданность царствующей династии. Если же мы не ограничимся этой возможностью, но охватим мысленно взором еще другую, а именно, что французы не станут продолжать свое вторжение до крайних пределов австрийской территории, но сами остановятся на известной черте, то снова для австрийцев исчезает надежда на то, что поворот в событиях наступит сам собой, так как французы успели бы подвести недостающие силы. Правда, и в этом случае все же остается вероятность конечного исхода, благоприятного для Австрии, однако эта вероятность предполагает крупные жертвы, значительные усилия и целесообразные действия со стороны австрийцев.

Природа вещей определяет ту точку зрения, с которой надлежит судить о стратегическом положении; выбор в данном случае будет зависеть либо от невозможности проникнуть взором за пределы известной черты, как то было с Бонапартом после его перехода через Юлийские Альпы, либо от того, что предмет, на котором останавливается взор, или та точка зрения, на которой должны сходиться все линии, имеет преобладающее значение, какое в некоторых случаях могли иметь для Австрии, например, спасение Вены и ограждение страны от нашествия неприятеля. В 1814 и 1815 гг. занятие Парижа имело такое преобладающее значение, что оно неизбежно должно было составлять ту точку, на которой сходились все стратегические линии.

Если это значение настолько велико, что условия заключения мира, которыми можно предотвратить данное зло, не являются чрезмерными, то простая логика вещей приводит к этому миру.

В зависимости от того, как это значение сознается, как оно недооценивается либо переоценивается, как различно на него глядят,— выносится и суждение о конечном результате, какой получился из данного общего стратегического положения. Естественно, что характер и склад ума, играющие такую громадную роль на войне, и здесь, в высших сферах, при голом акте соображения и взвешивания также оказывают зна-

[1] Клаузевиц, очевидно, имеет в виду войну России с Францией в 1812 г.— Прим. ред.

чительное влияние на суждение: ведь это в природе вещей. Поэтому человек стойкий и мужественный иначе будет судить о своем положении, чем человек малодушный. Это особенно наблюдается у тех людей, которые призваны действовать. Среди тех, кто лишь судит, т. е. в мире писателей, где всякий и мужествен и стоек, различие во взглядах зависит большей частью от недооценки тех обстоятельств, которые имели решающее значение, часто также и от недостатка данных, но всего чаще от недостатка истинного духа критического исследования.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

А

Австрийская монархия, правительство и двор. В 1796 году императором австрийским или германским (как титуловался австрийский император) был Франц II Габсбургский, вступивший на престол в 1792 году. Столицей Австрии была Вена, где находились его двор и правительство. Правительство возглавлялось премьер-министром бароном Тугут, он же и председатель гофкригсрата (придворный военный совет). Тугут проводил политику, враждебную революционной Франции.—93, 102, 117, 182, 188, 207, 210, 211, 212, 213, 214, 215.

Альвинци, Николай (1725—1810), известный австрийский генерал-фельдмаршал. Командовал австрийскими армиями, сражавшимися с французами в Южной Германии; затем был переброшен в Италию, где его операции для освобождения осажденной Мантуи окончились полной неудачей в результате сражений при Арколе (15 ноября 1796 г.) и Риволи (14 января 1797 г.). — 117, 119, 120, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 151, 152, 153, 154, 155, 159, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 175, 177, 178, 180, 186, 191, 192.

Английское правительство при Сен-Джемском дворе возглавлял в то время Вильям Питт Младший, член партииториев (защищавших интересы крупных землевладельцев), ставший постепенно ярым врагом французской революции, а затем и Наполеона, так как в сильной Франции он видел опасного конкурента английской промышленности, торговле и колониальным захватам.— 158.

Аттила, вождь гуннов, терроризовавший в V веке всю Европу набегами своих конных армий. Набеги он совершал с берегов Дуная, из Венгрии. Первое и решительное поражение на Каталаунском поле, близ Шалона во Франции, в 451 г. было нанесено ему соединенными силами римлян, галлов и готов (Аэцием, Меровеем и Теодорихом). Умер в 453 г.— 102.

Аржанто, Евгений, граф (1741—1819), бельгиец родом, австрийский генерал-фельдцейхмейстер, командовавший в 1795 и 1796 гг. центром и правым флангом армии генерала Больё в Пьемонте, на которую обрушились первые удары Бонапарта. За свои неудачи был вскоре после этого смещен. После неудач 1796 г. занимал только тыловые административные должности. — 10, 11, 12, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 32, 33.

Б

Бакле д'Альб, Луи Альбер (1762—1864), французский генерал, военный писатель и картограф. Во время итальянской кампании 1796—1797 гг. находился при штабе армии Бонапарта во главе инженеров-географов. Автор труда «Карта походов Бонапарта в Италии» (54 листа). Известный гравер, художник — баталист и писатель.— 196.

Бараге д'Илье, Людовик (1764—1812), французский генерал, один из выдающихся дивизионных командиров армий французской республики и империи. Сыграл особенно видную роль во время боев вокруг Мантуи в 1796 г.— 169, 191.

Басевиль, Николай, французский литератор и дипломат. Посол французской республики в Неаполе. В 1792 г. был откомандирован оттуда в Рим со специальной миссией защиты находившихся там французских граждан. Предательски убит в 1793 году реакционной чернью, возбужденной духовенством против французов как носителей идей революции.— 73.

Баялич фон-Баягаза, Адам (1734—1800), австрийский фельдмаршал-лейтенант. С 1795 года командовал бригадой на Рейне, далее бригадой и дивизией в армиях фельдмаршала Вурмзера, Альвинци и эрцгерцога Карла в 1796—1797 году (Кастильоне, Арколе, Риволи, Мантуя). В 1797 году под Райблем в Тироле взят в плен Массеной.— 159, 160, 180, 197, 198.

Бельгард, Генрих (1756—1845), австрийский генерал, командовавший самостоятельными соединениями во всех походах против французов в Италии, Швейцарии и Австрии. Один из лучших австрийских военачальников того времени.— 203.

Бернадот, Шарль (1763—1844), из рядовых солдат. Выдающийся французский генерал, затем маршал Франции. Отличился в революционных войнах, во главе дивизий и самостоятельных соединений (на Рейне, затем в Италии). В 1796 г. командовал дивизией; в 1799 году — военный министр. В 1810 году был усыновлен шведским королем и сделан наследным принцем Шведским. В 1813 году сражался в рядах коалиции против Франции, с 1818 года — король Швеции.— 190, 191, 195, 197, 198, 199, 203.

Бертье, Луи-Александр (1753—1815), французский генерал, затем маршал Франции. По образованию — военный инженер-картограф. Инженерный офицер старой королевской армии. Участник французского экспедиционного корпуса во время Американской революции (1775—1785). Бессменный начальник штаба французских армий, находившихся под командованием Наполеона, начиная с 1796 года. В 1800—1804 гг.— военный министр. Покончил самоубийством в Бамберге в Баварии после окончательного отречения Наполеона.— 135, 139.

Бессьер, Жан-Батист (1768—1813). Сначала командир эскадрона гидов Наполеона, затем кавалерийский генерал и маршал Франции. Командовал гвардейской кавалерией.— 71.

Больё, Жан-Пьер (1725—1819), австрийский фельдмаршал, бельгиец по происхождению. Видный участник Семилетней войны. Командовал австрийскими войсками, действовавшими в 1796 году против Наполеона в Италии.— 10, 12, 14, 15, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 54, 55, 56, 59, 60, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 76, 77, 80, 105, 146.

Бомон, Марк-Антуан (1763—1830), граф, французский кавалерийский генерал. Отличился в Италии — у Лоди, под Мантуей (1796 г.), участвовал во всех походах армий французской республики и империи.— 53.

Бон (1758—1799), французский республиканский генерал, убит в Сирии во время осады Сен-Жан д'Арк. Наполеон его очень ценил.— 112, 134.

Бонапарт и 13 Вандемьера (5 октября 1795). В этот день Бонапарт по заданию Директории подавил на улицах Парижа, введя в ход артиллерию, по-

пытку переворота, имевшего целью свержение Директории и восстановление монархии. С этого дня начинается молниеносная карьера Наполеона. — 14.

Брабек (1733—1796), австрийский генерал-майор, командовавший бригадой в армии Альвинци в 1796 году. Убит в сражении под Арколе. — 127.

Бригидо, австрийский полковник. Командовал бригадой армии Альвинци под Арколе (1796 г.). — 132.

Бунцельвицкий лагерь Фридриха II, в Силезии. В 1761 году Фридриху II, располагавшему лишь незначительными силами (60 000 против 150 000 чел.), пришлось укрыться в укрепленном лагере. Несмотря на сильное превосходство в силах, союзники не сумели, однако, ничего предпринять против Фридриха. После «Бунцельвицкого сиденья» Фридрих резко изменил свой взгляд на полевые укрепления, пользу которых он раньше отрицал. — 186.

В

Вандейская армия была образована республиканским правительством Франции для подавления контрреволюционного восстания в Вандее и Бретани, которое поддерживалось дворянством, духовенством и Англией. Во главе армии, по-очереди, находились наиболее даровитые генералы республики — Клебер, Марсо и Гош (1793—1799). — 121, 122.

Вандом, Луи (1654—1712). Маршал Франции. Один из лучших полководцев конца царствования короля Людовика XIV. Особенно отличился во время войны за испанское престолонаследие на итальянском театре военных действий в начале XVIII века. — 55, 186.

Ватикан — дворец и папская резиденция в Риме. — 175.

Вейротер (1755—1806), австрийский полковник, впоследствии генерал. Ученик известного австрийского фельдмаршала Ласси. В 1796 году начальник штабов Вурмзера и Альвинци в Италии. В 1799 году — начальник штаба фельдцейхмейстера Края в Италии, затем был командирован в штаб Суворова на время похода в Швейцарию. В 1805 году — начальник штаба союзной русско-австрийской армии в сражении под Аустерлицем. — 80, 103.

Венецианская республика. Венеция вплоть до 1797 года была самостоятельной аристократической республикой, возглавлявшейся дожем и сенатом. — 102, 205.

Вердье, Жан-Антуан (1767—1839), французский дивизионный генерал из рядовых солдат; был адъютантом генерала Ожеро, затем участвовал во всех походах Наполеона. После падения Наполеона был устранен из армии королем Людовиком XVIII. — 90, 134.

Верже, Жан-Мари (1757—1831), французский офицер из рядовых солдат. За кампанию 1792 года произведен в офицеры. В 1796 г. командовал батальоном в Вандее. После этого участвовал в римском и неаполитанском походах в 1797—1799 гг. За заслуги в сражении при Нови — командир полка. После сражения у Иены в 1806 году произведен в генералы. С 1810 года в отставке. — 134.

Вернек, австрийский генерал (1748—1806). Отличился в сражении под Вюрцбургом в 1796 году. В 1797 году, после назначения эрцгерцога Карла в Италию, командовал австрийской армией, сдерживавшей натиск французской Рейнской армии. Один из лучших австрийских генералов того времени. — 210.

Вецель, австрийский полковник, командовал самостоятельной частью в армии фельдмаршала Больё весной 1796 года. Отличился при Лоди. — 48, 49.

Виаль, Оноре (1766—1813), французский генерал, из матросов. Отличился в Голландии, Италии и Египте, был активным участником всех походов наполеоновской армии. Убит в сражении под Лейпцигом. — 136, 169.

Виктор, Виктор-Клод Перрен (1766—1841), служил в королевской армии в артиллерии, в 1791 г. вступил волонтером в армию республики. Участвовал во многих

походах Наполеона начиная с Тулона. Маршал Франции за сражение под Фридландом в 1807 году. После падения Наполеона перешел на службу к бурбонам и был военным министром. — 28, 29, 30, 36, 112, 159, 164, 172, 173, 181, 182, 191, 201.

Виллар (1658—1734), маршал Франции, выдающийся французский полководец и дипломат XVII—XVIII века, отличившийся в войнах с Австрией и Англией в эпоху Людовика XIV. — 186.

Винс, Иосиф-Николай (1732—1798), австрийский генерал фельдцейхмейстер, командовал с 1793 по 1795 год австрийской армией в Пьемонте; одно время успешно действовал против французов, а затем отозван из-за разногласий с пьемонтским генералом Колли. — 16.

Винцент, Карл (1757—1834), австрийский генерал от кавалерии и дипломат. Участник войн с французами в 1797 году, вел переговоры с Наполеоном о заключении Леобенского перемирия. — 157.

Вобуа, Клод-Анри (1768—1849), французский генерал. Командовал дивизиями сперва в Альпийской, а затем в Итальянской армиях во время кампаний Бонапарта 1796—1797 гг., участник всех походов империи. — 41, 77, 78, 108 109, 113, 116, 120, 121, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 135, 136, 144, 145, 169, 177.

Вукасович, Филипп (1755—1809), австрийский генерал, словенец родом, отличившийся еще в чине полковника в 1796 г. в рядах армии Больё. Почти вся его боевая карьера протекала в Италии. — 22, 24, 26, 27, 28, 29, 32, 33, 48, 49, 51, 52, 108, 124, 163, 166.

Вурмзер, Сигизмунд (1724—1797), австрийский фельдмаршал, командовал армиями, действовавшими против французов в Нидерландах, в Германии, а затем в Италии. Известен своей обороной Мантуи, вскоре после капитуляции которой он и умер. — 76, 78, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 94, 95, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 119, 120, 121, 122, 123, 129, 131, 142, 145, 146, 147, 152, 153, 160, 170, 172, 173, 174, 179, 180, 181, 185, 186, 188.

Г

Гардан, Клод-Матье (1766—1817), французский генерал. Еще будучи младшим офицером и полковником, неоднократно отличался своей храбростью в революционных войнах. Впоследствии командовал дивизиями в армиях французской республики и империи. — 70.

Гарнье де-ла Буассьер, Пьер (1755—1809), французский генерал из драгунских офицеров старой королевской армии. Участвовал в кампании 1792 года, отличился в сражении у Шпейера. Взят в плен австрийцами. В 1795 году вернулся из плена и был произведен в генералы. Был долгое время инспектором кавалерии. Участвовал в итальянских походах Бонапарта. — 9, 10, 41.

Генуэзская республика — аристократическая республика, возглавлявшаяся дожем и сенатом. Превращена французами в Лигурийскую республику; в 1805 году присоединена к Франции. — 15.

Гербен-Дессо, Жан-Батист (1755—1832), французский полковник генерального штаба из рядовых солдат, впоследствии генерал. Участник походов 1795, 1796 и 1797 гг. в Италии. Командовал подразделением дивизии Деспинуа против Кважданович (1796 г.). — 87.

Герцог Моденский и Мирандольский, Геркулес-Рейнольд, австрийский фельдмаршал, самодержавный правитель поименованных герцогств в средней Италии. Находился всецело под австрийским влиянием. — 65, 118, 156.

Герцог Пармский, Гвастальский и Пьяченцский, Фердинанд. Самодержавный правитель поименованных герцогств в Средней Италии, столица Парма. Из испанского королевского рода, но был женат на эрцгерцогине Марии-Амелии, дочери австрийского императора Франца. Отсюда его близкая связь с Венским двором. — 51.

Гиды — особая кавалерийская часть, первоначально в составе двух эскадронов, созданная в Италии Бонапартом для охраны его ставки и личного конвоя. Точный смысл этого слова: проводник-разведчик.—71, 138.

Гогенцоллерн, Франц (1757—1844), принц, австрийский генерал от кавалерии. Отличился в качестве кавалерийского полковника под Неервинденом в 1793 г. Генерал — с 1796 года. Занимал командные посты в Италии. В 1799 году, командуя дивизией, задержал у Модены наступление Макдональда. Отличился во время осады Генуи в 1800 году.— 71, 72, 126, 127, 134, 160, 191, 195, 197.

Гонтрёль, Карл Филипп, граф Веншан (1753—1798), австрийский генерал, командовал бригадой в дивизии Очкая Итальянской армии, сначала у Альвинци в 1796 г., а затем у эрцгерцога Карла в 1797 году. Тяжело ранен под Тарвизом в 1797 году. Через год, будучи обойден наградой, покончил самоубийством. — 197, 198.

Гош, Лазарь (1768—1797), талантливый французский генерал из рядовых солдат; на него возлагались очень большие надежды. Непоколебимый республиканец. Главнокомандующий Мозельской армией (победа под Вейсенбургом), затем Вандейской. Прославился умелым подавлением контрреволюционного восстания в Вандее. Был поставлен затем во главе Ирландской экспедиции. Умер 29 лет. — 158, 192, 210.

Гофкригсрат — придворный военный совет при австрийском императоре в Вене. Руководил всеми военными операциями австрийских армий, составлял планы кампаний и тормозил инициативу отдельных главнокомандующих (напр., эрцгерцога Карла, впоследствии Суворова и Кутузова). — 14.

Грефер, австрийский генерал, командовал дивизией, прикрывавшей Форарльберг, в подчинении у генерала Давидовича (1796 г.). — 107.

Грехэм, Томас, лорд Лайндок (1748—1843), английский полковник, впоследствии генерал и политический деятель. Командовал полком во время англо-эмигрантского десанта у Киберона в Бретани, в 1795 году английский комиссар при австрийской армии в Италии. Вместе с ней перенес осаду Мантуи. Сумел пробраться сквозь французские линии и уведомить австрийское командование о положении осажденных. — 110.

Гюйё, Жан-Жозеф (1758—1817), французский генерал. Один из храбрейших генералов республиканской эпохи. Особенно отличился во всех боях с пьемонтцами, затем у Арколе и у Кьюзы (1796 г.). После итальянской кампании ушел в отставку.— 37, 38, 39, 83, 84, 85, 87, 88, 124, 125, 129, 130, 134, 135, 137, 171, 172, 191, 195, 197, 198, 203.

Д

Давидович, Пауль (1750—1820), австрийский генерал, командовавший крупными соединениями на Рейне, в Италии и Швейцарии. Серб по происхождению. Отличился в войнах с турками, а затем с французами в Италии (Риволи).— 82, 103, 104, 107, 108, 109, 113, 115, 116, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 135, 144, 145, 147, 148, 151, 152, 153, 154.

Даллемань, Клод (1754—1813), французский дивизионный генерал. Один из выдающихся генералов эпохи республики; в особенности отличился он во время итальянских кампаний 1796—1798 гг. После захвата в 1798 году Эренбрейтенштейна на Рейне ушел в отставку по болезни. — 49, 65, 85, 87.

Дельмас (1768—1813), французский дивизионный генерал. Командовал во время революционных войн самостоятельными соединениями и армиями. Отличался выдающейся храбростью. Убит в сражении под Лейпцигом.— 190, 191, 193, 200.

Депинуа, Жасент-Франсуа (1764—1848), французский дивизионный генерал. Участвовал во всех революционных войнах. — 65, 79, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 100.

Джервис, лорд и граф Сен-Винцент (1734—1823), известный английский адмирал. Захватил в 1794 году Гваделупу у французов. Во главе Средиземного английского флота нанес 14 февраля 1797 года у мыса Сен-Винцент решительное поражение

испанскому адмиралу Кордоба. В 1799 году под его командованием находился Нельсон. Джервис откомандировал Нельсона в Абукиру, где последний уничтожил французский флот. Впоследствии лорд Сен-Винцент командовал флотом Ла-Манша и был первым лордом адмиралтейства. — 21.

Директория — правительство, управлявшее Францией с 27 октября 1795 года по 9 ноября 1799 года. Члены Директории (в количестве пяти лиц) управляли с помощью двух законодательных палат — Совета старейшин и Совета пятисот. Директория была создана Конвентом после переворота 9 термидора. Свергнута она Бонапартом 18 брюмера VIII года (1799), учредившим взамен консульство. — 5, 9, 16, 17, 19, 44, 45, 53, 73, 74, 75, 76, 77, 86, 88, 101, 102, 113, 115, 117, 118, 119, 120, 129, 155, 156, 157, 158, 181, 182, 185, 186, 190, 192, 201, 202, 204, 208, 211.

Домертен (1768—1799), французский артиллерийский генерал (майор во время осады Тулона). Убит у Розетты в Египте. — 37, 39.

Дюга, Шарль-Франсуа, французский генерал. Отличился при осаде Тулона в 1793 г. Участвовал в итальянской и египетской кампаниях. — 170, 172, 191.

Дюма Матье (1753—1837), французский кавалерийский генерал, один из лучших кавалерийских начальников Наполеона. — 113, 121.

Е

Евгений Савойский, принц, известный австрийский полководец (1663—1736). Прославился своими победами в войнах с французами в Италии, в особенности же над турками. — 55, 186, 187.

Ж

Жомини, Анри (1779—1869), французский генерал, швейцарец по происхождению. Был долгое время начальником штаба маршала Нея. После падения Наполеона перешел на русскую службу и участвовал в создании академии генерального штаба в Петербурге. Известный военный писатель по тактике, стратегии и истории революционных войн. — 7, 29, 37, 53, 60, 86, 87, 139, 162, 174, 196, 206.

Жубер, Бартелеми (1769—1799), французский революционный генерал. Начал свою боевую карьеру в Итальянской армии, скоро выдвинулся и получил командование над крупными самостоятельными соединениями на Рейне и на Маасе. Подавал очень большие надежды. В 1798 году был назначен главнокомандующим Итальянской армией. Убит в сражении при Нови в 1799 г. — 38, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 175, 177, 178, 191, 193, 194, 196, 197, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 208.

Журдан, Жан-Батист (1762—1833), французский генерал, впоследствии маршал Франции. Разбил австрийцев при Флерюсе в 1794 году. В 1796 году командовал Рейнской армией. — 80, 92, 107, 120.

З

Зайончек, Иосиф (1752—1826), польский буржуазный революционер и генерал. После взятия русскими Варшавы в 1794 году перешел на французскую службу. Участник итальянских и египетского походов, командовал дивизией в армии Наполеона. — 199.

Зеботтендорф, Ван-дер-Розе, Карл (1740—1818), австрийский фельдмаршал-лейтенант, командовал дивизией в армии Болье в 1796 году, участвовал и в кампании 1799 года, затем командовал дивизией в Тироли. — 10, 11, 22, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 60, 66, 67, 69, 71, 72, 108, 109, 110.

Зуллих — австрийский генерал-майор. Командовал бригадой в корпусе генерала Аржанто в 1796 году. — 10.

И

Ирландская экспедиция, предложенная генералом Гошем, в расчете поднять там восстание и провозгласить республику, подобно тем, какие делались в Италии. Этим Директория рассчитывала поколебать могущество Англии, требовавшей от Французской республики возвращения Австрии всех отторгнутых у последней областей. Экспедиция состояла из 99 кораблей и десантного корпуса в 22 тыс. человек. 16 декабря 1797 года эскадра вышла в море, но, рассеянная бурей, не достигла берегов Ирландии, за исключением того корабля, на котором находился сам Гош, лишь чудом уцелевшего и после преодоления ряда опасностей вернувшегося во Францию. — 158.

Историограф со Св. Елены. Клаузевиц имеет в виду самого Наполеона, диктовавшего на острове св. Елены свои мемуары Лас-Казу.— 143.

К

Кайм, Конрад-Валентин Риттер (1781—1801), австрийский фельдмаршал-лейтенант. Отличился в первых боях с революционными французскими войсками в 1792 году; командовал затем соединениями в армии эрцгерцога Карла на Дунае в 1796 году и в 1797 году, а впоследствии в армиях Альвинци и эрцгерцога Карла в Италии. В 1799 году ранен под Вероной, проявил большую храбрость при Маньяно; заставил капитулировать Туринскую цитадель.— 191, 205, 209.

«Кампания 1793 года» французов, под командованием Дюмурье, имела целью сохранение за Францией ее северных областей, а также Бельгии против австро-англо-прусской интервенции, под командованием принца Кобургского. Закончилась поражением французов под Неервинденом, изменой Дюмурье и образованием «Комитета общественного спасения». Кампания 1793 года ознаменовалась также контрреволюционным восстанием Лиона и Вандеи, изменой Тулона, впустившего к себе англичан, осадой Дюнкерка англичанами, победой французов над последними у Хондшооте, не уравновесившей, однако, поражений французов на остальных фронтах. Кончилась кампания взятием Тулона республиканскими войсками с участием капитана Бонапарта, успехами Гоша на Рейне и удачными операциями французов в Италии. — 16.

«Кампания 1794 года» против новой коалиции, созданной Вильямом Питтом, из Англии, Австрии и Испании. Операции развертывались на севере, на Рейне, в Италии и Пиренеях и всюду сопровождались успехами революционного оружия (сражение при Флерюсе, завоевание генералом Пишегрю Голландии, победы в Пиренеях).—14, 16.

«Кампания 1795 года», начавшаяся удачно для французов на всех фронтах (Испания вышла из коалиции), закончилась, однако, на Рейне неудачно для них. Клерфайт и Вурмзер оттеснили их обратно за Рейн. На итальянском фронте австрийцами была одержана победа у Лоано, в результате которой французы удержались лишь на восточной Ривьере и на гребнях Альп. — 14, 16.

«Кампания 1796 года», в Италии — победный марш Наполеона до реки Эч (Адидже) и создание ряда республик на завоеванных территориях; на Рейне ни одна из сторон не могла добиться решающих результатов, но в общем инициатива находилась в руках австрийцев, под командованием эрцгерцога Карла,— 14, 110, 182, 183.

«Кампания 1797 года». В результате блестящих побед Наполеона в Италии, австрийцы вынуждены были очистить и прилегающие германские области и отступать к Вене, куда стремительно наступал из Италии генерал Бонапарт (сражение при Риволи, захват Тироля, переправа через Тальяменто). — 14, 110, 183, 190, 214.

Кампоформийский мир между Австрией и Францией в 1797 году, заключенный Бонапартом после победоносной кампании в Италии. По этому миру к Австрии отходила Венеция, все же остальные области Италии освобождались от австрийского ига и превращались в республики, под протекторатом Франции.— 202, 205, 207.

Канто д'Ирль, Иосиф (1731—1797), австрийский фельдмаршал-лейтенант, участник Семилетней войны. Назначенный комендантом Мантуи, искусно оборонял крепость в 1796 году. После капитуляции ушел по болезни в отставку и вскоре умер.—78

Карно, Лазарь (1753—1823), ученый математик, член Конвента и Комитета общественного спасения. В 1792 году, когда отечество было объявлено в опасности, организовал 14 республиканских армий. Став во главе так называемого Топографического бюро комитета, руководил первое время военными действиями армии республики. Был прозван «организатором победы». Член директории. Клаузевиц ошибается, называя его генералом: Карно не имел военного чина генерала. Наполеон относился к Карно враждебно, и при нем Карно был не у дел. Умер он в изгнании. — 17, 75.

Катина, Николай (1637—1712), маршал Франции. Один из лучших полководцев эпохи Людовика XIV. Дважды разбил Евгения Савойского — в 1690 и 1693 году. Славился умением вести дипломатические переговоры. Пользовался популярностью среди солдат и был прозван «отец Разум». После него сохранились мемуары. Достиг высших военных должностей, не будучи дворянином, редкое исключение в те времена. — 55.

Кважданович, Петер-Витус (1738—1802), австрийский фельдмаршал-лейтенант, кавалерист. Младшим офицером участвовал в Семилетней войне. Дивизионный командир с 1792 года. Действовал удачно на Рейне в 1795 году. В августе 1796 года, будучи вместе с Вурмзером переброшен в Италию, был разбит под Кастильоне.— 81, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 97, 100, 108, 109, 110, 116, 122, 123, 125, 126, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 178.

Кёблес, австрийский генерал, командовал дивизией в армии Альвинци под Риволи, а затем и в армии эрцгерцога Карла. — 162, 163, 165, 167, 192, 195, 198.

Келлерман, Франсуа-Кристоф (1735—1820), герцог Вальми, французский генерал, впоследствии маршал Франции. Прославился своей победой над австрийцами при Вальми в 1792 году. Последовательно командовал Мозельской и Альпийской армиями. Один из крупных полководцев французской революции.— 10, 41, 73, 75, 76, 190.

Керпен, Георг (1741—1822), австрийский генерал, отличился сперва в войнах с турками. Командовал бригадой в дивизии Зеботтендорфа в 1796 году. Произведен в фельдмаршал-лейтенанты, в 1797 году руководил операциями в Тироле.— 10, 191, 192, 194, 199, 200.

Кильмэн — ирландский генерал, служивший во французской республиканской армии (1754—1799). Приобрел известность как лихой кавалерийский начальник. Наполеон его ценил. — 69, 70, 71, 83, 84, 89, 90, 103, 108, 110, 113, 120, 121, 129.

Кларк, Анри-Жак-Гильом (1776—1818), французский генерал, а впоследствии маршал Франции. Начальник Топографического бюро в 1795 году, военный министр при Директории и империи.— 157, 158.

Кленау, Иоган (1758—1819), австрийский генерал от кавалерии. Прибыл в Италию в 1796 году вместе с армией Вурмзера из Германии. В 1797 году за проявленную храбрость произведен в генералы. Особенно отличился в 1799 году своими кавалерийскими операциями против Макдональда. Действовал на Треббии под командованием Суворова. — 83.

Колли-Риччи, Луи (1760—1812), пьемонтский генерал, сражавшийся сначала вместе с австрийцами (армией Больё) против французов и потерпевший в 1796 году ряд поражений. В 1798 году перешел на французскую службу в чине полковника. В 1802 году первый консул за боевые заслуги вновь произвел его в генералы.— 10, 11, 12, 19, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 48, 50, 65, 66, 67, 71, 72.

Конде, Людовик I, принц, прозванный «Великий Конде» (1621—1686). Известный французский полководец XVII века, прославился победами при Рокруа, Фрейбурге, Нордлингене и Лансе. Участвовал в междоусобных войнах Фронды, затем в Испании, Фландрии и Голландии. — 186, 187.

Конде, Луи-Жозеф, принц Бурбон, вельможа при дворе Людовика XVI (1736—1818). В 1792 году бежал за границу, возглавил эмиграцию и в Кобленце сформировал

армию из дворян-эмигрантов (белую армию), участвовавшую во всех войнах против французской республики. — 65.

К р о а т ы (или хорваты) — жители Хорватии (столица Загреб), в то время австрийской пограничной провинции, выставляли особые национальные части австрийской армии. — 133, 201.

Л

Л а в а л е т, Антуан Марк (1769—1830), французский генерал. Во время Итальянской кампании 1796 г. был личным адъютантом Бонапарта. После падения Наполеона был в 1815 году приговорен к смерти, но спасся с помощью жены. — 85, 86.

Л а г а р п, Амедей-Эммануил (1754—1796), французский революционный генерал. Родом швейцарец. Участвовал в осаде Тулона в 1793 году, в кампаниях 1795 и 1796 годов, командовал авангардом Итальянской армии. 7 мая 1796 года в бою у Фомбио (между Лоди и Кремоной) убит ночью во время переправы через реку По по недоразумению своими же собственными солдатами.— 9, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 36, 40; 47, 48, 49, 50, 51, 64, 65.

Л а н н, Жан (1769—1809). Доброволец 1792 года, затем генерал и маршал Франции. Один из самых доблестных генералов революции и сподвижников Наполеона. Особенно отличился в кампанию 1800 года в бою у Монтебелло. Смертельно ранен под Эсслингом. — 77, 134, 159, 170, 171, 181, 182, 201.

Л а т у р, Карл (1762—1822), австрийский генерал, участвовавший во всех войнах против революционной Франции. Латур был единственным австрийским военачальником, успешно сражавшимся с французами у Ваттиньи в 1793 году. В 1796 году командовал армией на Верхнем Рейне, после Вурмзера. Генерал Моро нанес ему поражение. — 38, 210.

Л а у д о н, Иоган-Людвиг (1762—1822), австрийский фельдмаршал-лейтенант, племянник известного австрийского фельдмаршала Лаудона, видного участника Семилетней войны. Сражался против армий Французской республики в Италии и Баварии с 1796 года по 1800 год. Командовал дивизией, переброшенной в 1797 году для подкрепления Альвинци, принял видное участие в кампании 1799 года в Тироле и Италии. — 66, 107, 175, 191, 192, 194, 199, 200.

Л а у е р, Иосиф (1769—1848), австрийский инженер-генерал. Отличился в войнах с Турцией и Францией. Был начальником штаба Альвинци. — 103.

Л е о б е н с к о е предварительное мирное соглашение, заключенное Наполеоном с австрийцами, закончившее кампанию 1797 года и остановившее наступление французских войск в 150 *км* от Вены. Через несколько месяцев после Леобена был заключен окончательный Кампоформийский мир (прим. 78). — 182, 190, 200, 203, 207, 208, 212, 213.

Л е р б а х, Людвиг-Конрад (1750—1805), австрийский дипломат и государственный деятель, наместник Тироля в 1797 году, активный агент барона Тугута и ненавистник французов. Участник убийства французских послов после окончания Раштаттского конгресса в 1799 году. — 192.

Л и г у р и й с к а я р е с п у б л и к а создана в 1797 году французами на Генуэзской территории. Просуществовала до 1805 года, когда Генуя была присоединена Наполеоном к Итальянскому королевству.— 156.

Л и н ь и — селение в Бельгии, место сражения французской армии Наполеона против прусской армии Блюхера 16 июня 1815 года, за несколько дней перед Ватерлоо. — 205.

Л и п т а й, Антон (1745—1800), австрийский фельдмаршал-лейтенант. С 1795 года командовал бригадой в корпусе Аржанто в Италии. Тяжело ранен в 1796 г. под Кастильоне. В кампании 1799 года вновь принял участие, 25 марта 1799 года снова тяжело ранен под Вероной и оставил военную службу. — 10, 48, 49, 50, 51, 59, 66, 71, 72, 85, 86, 87, 89, 125, 126, 162, 163, 165, 166, 167.

Лоано — сражение в ноябре 1795 года. Французская Итальянская армия была разбита австрийцами под командованием генерала де-Винса. После Лоано французская Итальянская армия держалась пассивно в Ривьере вплоть до прибытия к ней Бонапарта в 1796 году. — 9, 16, 20, 21.

Ломбардская республика, образованная французами в Северной Италии, со столицей Милан. Известна больше под названием Цизальпийская. В 1802 году она была превращена Наполеоном в Итальянскую республику, а с 1805 года вошла в состав Итальянского королевства. — 156.

Лузиньян, Франц-Иосиф, маркиз (1753—1832), австрийский полковник, впоследствии генерал-фельдцейхмейстер. В кампанию 1797 года командовал колонной под Риволи, в 1799 году в чине генерал-майора участвовал в Итальянском походе Суворова. Проявил большую храбрость в сражении у Нови. В марте 1797 года был взят Массеной в плен у Лонгаро. Участвовал впоследствии в кампании 1809 года, после чего ушел в отставку. — 162, 164, 165, 166, 167, 168, 178, 179, 191, 192, 195.

Людовик XIV — король Франции. Родился в 1638 году. Вступил на престол малолетним в 1643 году, принял правление государством в 1661 году. Умер в 1715 году. Его царствование — апогей могущества королевской власти во Франции, ее военных и политических успехов.— 186.

М

Макар, французский генерал, командовал дивизией в Итальянской армии в начале 1796 года. — 9, 10, 41.

Макер — французский генерал, командовавший бригадой в армии Бонапарта в районе Мантуи в 1797 году. — 113, 121, 130.

Мальмсбери, лорд, Джемс-Гаррис (1746—1820), английский дипломат. Посол в Париже с 1795 года. — 157, 158.

Мармон, Огюст-Фредерик-Луи (1774—1852), артиллерист, один из наиболее выдающихся генералов Наполеона, впоследствии маршал Франции. Завоевал в 1805—1806 году Далмацию. Изменил Наполеону в 1814 году, после чего при королевской власти занимал высокие военные и государственные посты. Оставил после себя мемуары.— 182.

Массена, Андре (1756—1817), из рядовых солдат, маршал Франции. Один из самых выдающихся французских полководцев. Отличился при Риволи (1797 г.), в Швейцарии (битва под Цюрихом 26 сентября 1799 г.), во время осады Генуи (1800 г.), при Эсслинге и Ваграме в 1809 году.— 9, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 36, 37, 38, 40, 41, 47, 51, 54, 64, 65, 69, 71, 72, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 100, 103, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 120, 121, 125, 126, 127, 130, 133, 134, 136, 138, 139, 145, 159, 164, 165, 166, 167, 168, 173, 175, 177, 178, 191, 195, 196, 197, 198.

Мейнье, французский генерал, командовал дивизией в армии Бонапарта под Мондови 22 апреля 1796 года. — 38, 39.

Мелас, Михаил (1729—1806), австрийский фельдмаршал. В кампанию 1796 года занимал второстепенные посты. В 1799 году получил самостоятельное командование над австрийской армией и участвовал с Суворовым в Итальянском походе. 14 июля 1800 года был разбит Наполеоном под Маренго и потерял всю Ломбардию. — 66, 69, 71, 80, 82.

Менар, французский генерал. Участвовал в качестве командира бригады в сражении при Монтенотте, заменил генерала Лагарпа в командовании дивизией, когда последний был убит 7 мая 1796 года. — 8, 37, 51.

Меркантен, Карл, австрийский фельдмаршал-лейтенант, француз по происхождению, командовал дивизией сначала на Рейне, а затем в 1797 году в Италии в армии Альвинци. Убит в сражении при Маньяно в Италии в войну 1799 года. — 191, 199, 205, 209.

Мерфельд, Максимилиан (1766—1815), австрийский генерал. Сражался против Франции, сперва в Нидерландах (1792—1794). Был одним из уполномоченных по ве-

дению переговоров о мире в Кампоформио. В 1813 году командовал второй австрийской армией. Под Лейпцигом ранен и взят в плен французами.— 203.

Мессорош де Чобошло, Иоган (1737—1801), австрийский фельдмаршал-лейтенант, родом из Трансильвании, отличился в войнах с турками. Участвовал во всех кампаниях против французов с 1793 по 1797 год, после чего ушел в отставку.— 82, 108, 109, 110.

Миоллис (1759—1828), французский генерал, командовал дивизиями в Итальянской и Швейцарской армиях во время кампаний 1796 и 1799 гг. Отличился в 1800 году во время осады Генуи. Был долгое время губернатором Мантуи, а затем Рима. — 38, 172, 174.

Митровский, Иосиф Антон (1735—1809), австрийский генерал. Командовал бригадой в армии Альвинци в 1796 году. Участвовал в кампании 1799 года, где командовал дивизией в армии Меласа, особенно отличился у Нови и у Бейнетте в 1799 году и произведен в фельдмаршал-лейтенанты. — 82, 130, 131, 132, 134.

Монтекуколи, Раймонд (1608—1681), австрийский генерал и полководец, по происхождению итальянец. Принадлежит к числу крупных полководцев XVII века. Прославился в особенности своими походами против французского маршала Тюренна.

Монтеро — селение в окрестностях Парижа, где Наполеон смелым маневром нанес поражение силам союзников в 1814 году, не отразившееся, впрочем, на стратегических результатах кампании. — 60.

Моро, Жан-Виктор (1763—1813), выдающийся французский генерал. Командовал армиями республики на Рейне, Дунае и в Италии. Одержал блестящую победу над австрийцами под Гогенлинденом в декабре 1800 года, закончившую войну. Вступил в борьбу с Наполеоном на почве личного соперничества. Был уличен в сношениях с роялистскими заговорщиками (Кадудалем) и австрийцами, после чего удален в изгнание. Жил в Америке, вернулся в Европу в 1813 году и вступил на русскую службу. Убит французским ядром в сражении под Дрезденом. — 80, 81, 101, 102, 103, 107, 122, 147, 192, 210.

Мюрат, Иоахим (1767—1815), из рядовых солдат, лучший кавалерийский генерал французской армии, маршал Франции, ближайший соратник Наполеона во всех его походах. Женился на сестре Наполеона и стал королем Неаполитанским. Лишенный королевства после падения Наполеона, пытался вернуть корону, но был схвачен и расстрелян в 1815 г. — 111, 164, 169.

Н

Неаполитанский король Фердинанд IV (он же Фердинанд I, король «Обеих Сицилий») (1751—1825). Незадачливый и непримиримый враг французской революции и Наполеона. Изгонялся французами дважды, в 1799 году и в 1806 году (вплоть до 1815 г.). Фактический вассал Англии, политикой его руководила жена Мария-Каролина-австрийская, известная политическая интриганка.

Неаполитанское правительство — возглавлялось в то время французским эмигрантом Актоном — фаворитом королевы Марии-Каролины, и проводило резко антифранцузскую и реакционную политику. — 120.

Ней, Мишель (1769—1815), маршал Франции из рядовых гусар, «храбрейший из храбрых», по словам Наполеона. Командовал дивизиями и корпусами во всех войнах Французской республики и империи. Командовал последним арьергардом при отступлении французской армии в 1812 году из России. Сыграл выдающуюся роль в последнем сражении Наполеона при Ватерлоо. По возвращении Людовика XVIII во Францию в 1815 году был расстрелян за переход к Наполеону. — 250.

Нейперг, Адам-Адальберт (1775—1829), австрийский генерал, впоследствии церемониймейстер французской императрицы Марии-Луизы при французском дворе. Когда после падения Наполеона она сделалась герцогиней Пармской, Нейперг состоял при ней в качестве морганатического мужа. — 139.

Нельсон, Горацио (1758—1805), известный английский адмирал, разбил французский флот при Абукире в 1799 году и франко-испанский при Трафальгаре в 1805 году. Известен также своими интригами при Неаполитанском дворе, где приобрел одно время исключительное влияние на королеву Каролину.— 22.

Николетти, пьемонтский генерал, командовал бригадой в корпусе Зеботтендорфа в 1796 году в Италии.— 10

О

Ожеро, Пьер-Франсуа-Шарль (1751—1816), выдающийся республиканский генерал, убежденный якобинец, выдвинулся из рядовых солдат старой королевской армии. Участник переворота 18 фрюктидора против реакционеров законодательных палат. Впоследствии стал близким сподвижником Наполеона и маршалом Франции.— 9, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 36, 38, 40, 41, 47, 51, 54, 64, 65, 69, 71, 72, 74, 78, 79, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 100, 103, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 120, 121, 125, 126, 127, 128, 130, 133, 136, 137, 138, 139, 144, 145, 159, 160, 164, 169, 170, 171, 172, 173, 175.

Отт фон Баторкец, Петер (1738—1809), австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1793 году сражался в Германии против французов. В 1796 году командовал авангардом армии Вурмзера в Италии. Особенную известность приобрел Отт в 1799 году, когда одержал ряд побед над французскими генералами.—111, 112.

Очкай фон Очка, Иосиф (1740—1805), австрийский генерал-майор. С 1793 года принимал участие в войнах против французской республики. В 1797 году за неудачную операцию с своей бригадой под Тарвисом уволен в отставку.— 85, 87, 163, 192, 195, 196, 197, 198.

П

Папа Римский Пий VI с 1775 по 1799 год. По распоряжению Директории был арестован Бонапартом и отвезен во Францию, где и умер в плену.— 182.

Пижон, Жан-Жозеф (1758—1799), французский генерал из рядовых старой армии. Участвовал в кампании 1796 года под командой Массены, затем в Швейцарии в 1798 году и вновь в Италии в 1799 году.— 85, 86, 87, 111.

Питтони, австрийский (пьемонтский) генерал, командовал бригадой в корпусе генерала Аржанто в 1796 году.— 10, 22, 51.

Провера (1740—1804), итальянец, генерал австрийской службы. В 1796 году находился под командой пьемонтского генерала Колли. Уволен в отставку австрийским императором за поражения, понесенные им в Италии в 1796 и 1797 гг.— 11, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 36, 125, 126, 128, 134, 136, 159, 160, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 179, 180.

Пюлетье — французский генерал, командир бригады в дивизии Мейнье, участвовал в сражении под Мондови в 1796 году.— 38.

Р

Рампон, Антуан-Ильом (1759—1842), французский генерал, участник большинства походов Наполеона, выдвинулся во время Итальянской кампании 1796 года.— 23, 37, 85.

Рей, Антуан, французский дивизионный генерал из рядовых старой армии. Участвовал в походах на Рейне и в Италии с 1794 по 1797 год. Противник переворота 18 брюмера, за что впал в немилость. Восстановлен в армии лишь в 1808 году.— 159, 164, 166, 168, 178, 179.

Рейсс-Плауен, Генрих (1751—1825), принц, австрийский фельдмаршал. С 1793 г. принимал участие в войнах с Францией. В 1797 году командовал дивизией в армии эрцгерцога Карла. Участвовал в кампаниях 1799, 1805, 1809 и 1813 годов.— 88, 89, 107, 197.

Римская экспедиция — операция, проведенная Бонапартом с частью своих войск в феврале 1797 года, приведшая к фактическому свержению папской светской власти, захвату всех папских владений и заключению Толентинского мирного договора, в результате которого папа признал Французскую республику и отказался от притязаний на французский город Авиньон.— 192.

Робер, французский генерал, известный своей храбростью, убит в сражении под Арколе в 1796 г. при атаке во главе своих войск.— 138.

Роккавино, австрийский генерал, командовал бригадой в корпусе Аржанто в 1796 году, затем одной из дивизий гарнизона осажденной Мантуи.— 10, 26.

Россельмини, австрийский фельдмаршал-лейтенант, командовавший бригадой в армии Болье, а затем дивизией в гарнизоне осажденной Мантуи.— 45.

С

Сауге, Жан-Жозеф (1756—1803), французский генерал. Участник итальянской кампании, отличился во время осады Мантуи.— 103, 111.

Сент-Илер, Луи-Винцент, французский генерал. Один из выдающихся дивизионных генералов эпохи революционных войн и империи. Участник всех походов Наполеона. Погиб в 1809 году в сражении под Эсслингом.— 88.

Серюрье, Филибер (1742—1819), французский генерал, командовавший крупными соединениями и армиями во время революционных войн в Пиренеях, Альпах и в Италии. Старейший маршал Франции при Наполеоне. В Италии в 1796 году командовал одной из дивизий французской армии.— 9, 20, 25, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 47, 51, 64, 69, 71, 72, 77, 78, 79, 84, 85, 86, 89, 91, 103, 159, 172, 191, 195, 197, 198.

Соре, французский генерал, командовал бригадой в кампанию 1796—1797 года в Италии. Особенно отличился во время боев при Сало, Кастильоне, Арколе и Риволи.— 83, 84, 85, 100, 103.

Сплени — 7-й австрийский пехотный полк имени графа Альвинци, участвовавший в сражении под Арколе.— 133.

Т

Толентинский мирный договор с римским папой Пием VII, заключенный в результате Римской экспедиции Наполеона в феврале—марте 1797 года.— 182, 190.

Тоскана — самостоятельное государство в центральной Италии. Главный город Флоренция.— 15.

Тюренн, Анри (1611—1675), маршал Франции. Великий французский полководец XVII века. Провел ряд блестящих кампаний на Рейне и в Южной Германии. Оставил очень содержательные мемуары.— 45, 186, 187.

Ф

Фиорелли, французский генерал, командовал бригадой в дивизии Серюрье, в кампанию 1796 года, затем в дивизии Вобуа. 17 ноября 1796 года, после боя у Риволи, взят в плен войсками генерала Давидовича.— 37, 89, 90, 125.

Ц

Циспаданская республика, так называлась республика, организованная Бонапартом в 1796 году из завоеванных им областей Болоньи, Феррары, Реджио и Модена. В 1797 году Циспаданская республика была слита с Цизальпийской (Ломбардской) республикой. Название получила от Падус, так в древности называлась река По.— 156, 162, 181, 182.

Ч

Червони — французский республиканский генерал, корсиканец. Сражался в рядах итальянской армии в 1796—1797 году.— 9, 21, 22.

Ш

Шаслу-Лоба, Проспер (1754—1833), французский инженерный генерал. Один из ближайших военных сотрудников Наполеона. В 1812 году строил мост через реку Березину.— 79, 187.

Шперкен — австрийский генерал, командовавший дивизией в армиях эрцгерцога Карла в 1797 и 1798 году.— 203, 209.

Штенгель, французский кавалерийский генерал, баварец родом. Он вступил еще в 1762 году на французскую службу, офицером примкнул к революции, отличился особенно при Лоано в 1795 году. Все время находился в Итальянской армии. Убит в 1796 году под Мондови.— 39.

Шубирц — австрийский кавалерийский генерал, командовавший в 1796 году в Италии кавалерийской бригадой корпуса генерала Зеботтендорфа.— 10, 50, 51, 128.

Э

Эберле — французский полковник, тиролец по происхождению. В апреле 1797 года пробрался через горы от Бонапарта к генералу Жуберу, попавшему в затруднительное положение, известил его о предстоящем прекращении военных действий и тем дал возможность с честью выйти из положения, договорившись с австрийцами.— 200.

Эрцгерцог Карл, третий сын императора Леопольда II (1771—1847). Один из лучших австрийских полководцев эпохи войн с Французской республикой и империей. Разбил Журдана у Штокаха в 1796 году. Командовал австрийскими войсками в Германии и Швейцарии в 1799 году. Известен также историей своих походов.— 92, 93, 101, 102, 103, 107, 184, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 209, 210.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому переводу 5
Вступление 7

Глава I. Наступление Бонапарта через Апеннины

1. Силы и расположение французов 9
2. Союзники 10
3. Силы обеих армий и их полководцы 13
4. Итальянские государства 15
5. Оперативный план . . . . . —
6. Начало кампании 20
7. Бой под Вольтри 10 апреля 22
8. Бой у Монте Леджино 11 апреля . . . . . —
9. Бой у Монтенотте 12 апреля 23
10. Бой под Миллезимо 13 апреля 25
11. Первый бой у Дего 14 апреля 26
12. Второй бой у Дего 15 апреля 27
13. Результат первых боев 29
14. Разбор обращения Бонапарта против Колли 34
15. Бой под Чевой 19 апреля 36
16. Бой у Курсальи 20 апреля 37
17. Бой под Мондови 22 апреля 38
18. Перемирие с сардинцами 39
19. Передвижения армии до заключения перемирия 40
20. Условия перемирия 41
21. Положение после перемирия . . . . . —

Глава II. Завоевание Ломбардии

22. План Бонапарта 44
23. Больё переходит через По 45
24. Переправа Бонапарта через По 46
25. Бой под Фомбио 8 мая 48
26. Бой под Лоди 10 мая 51
27. Разбор событий. Больё 54
28. Бонапарт 61
29. Бонапарт овладевает Миланской областью 64
30. Бонапарт переходит через Минчио. Бой под Боргетто 30 мая 66
31. Нижняя Италия 73
32. Разбор событий 75
33. Выполнение плана 77
34. Начало осады Мантуи 78

Глава III. Первое наступление Вурмзера

35. Вурмзер приближается на выручку Мантуи 80
36. Бои под Риволи и при Сало 29 июля 81
37. Бонапарт идет на Квазановича 83
38. Вурмзер переправляется через Минчио 85
39. Сражение под Лонато 3 августа 86
40. Сражение при Кастильоне 5 августа 89
41. Отход Вурмзера в Тироль 90
42. Конечный стратегический результат 91
43. Разбор наступления Вурмзера и обороны Бонапарта 94
44. Оборона Бонапарта 99

Глава IV. Второе наступление Вурмзера

45. Бонапарт стоит 3 недели на Эче 101
46. Новый план наступления австрийцев 103
47. Разбор плана военных действий 104
48. Бонапарт атакует Давидовича 107
49. Бонапарт идет на Вурмзера 109
50. Вурмзер спешно укрывается в Мантуе 110
51. Бой у Сан Джорджио и Фавориты 15 сентября 112
52. Разбор военных действий 113

Глава V. Первое наступление Альвинци

53. Положение французской армии 117
54. Новый план наступления австрийцев 122
55. Давидович наносит поражение Вобуа в долине Эча 124
56. Альвинци наступает на Верону 125
57. Сражение под Арколе 15, 16 и 17 ноября 128
58. Разбор сражения при Арколе 139
59. Бонапарт идет на Давидовича 144
60. Разбор военных действий 145

Глава VI. Второе наступление Альвинци

61. Политические отношения 155
62. Операционный план австрийцев 159
63. Сражение под Риволи 14 и 15 января 160
64. Бой под Фаворитой близ Мантуи 16 января 169
65. Результаты пятого акта кампании 174
66. Разбор военных действий 175

Глава VII. Падение Мантуи

67. Конец кампании. Папа вынужден заключить в Толентино мир 181
68. Разбор кампании 1796 г. в целом 183

Глава VIII. Кампания в Альпах 1797 г.

69. Силы и расположение обеих армий 190
70. Операционные планы 192
71. Бонапарт переходит через Юлийские Альпы 195
72. Действия Жубера в Тироле 199
73. Конец кампании 201
74. Разбор событий 203
75. Заключительное замечание 214
Указатель важнейших собственных имен и названий 217

2230

BIBLIOTEKA NAUKOWA
WAP